

ISSN: 2663-6794

ҚАЗАҚСТАН АРХЕОЛОГИЯСЫ

№ 2
2020

ҚАЗАҚСТАН АРХЕОЛОГИЯСЫ

2
2020

Қазақстан Республикасының Білім және ғылым министрлігі
Ғылым комитеті
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты

ҚАЗАҚСТАН АРХЕОЛОГИЯСЫ

№ 2 (8)

2020

Бас редактор

ҚР ҰҒА академигі, тарих ғылымдарының докторы Б.Ә. Байтанаев

Редакциялық кеңес:

А.Г. Ситдиков – ТР ҰҒА корр.-мүшесі, тарих ғылымдарының докторы (Қазань, Ресей) (төраға)
В.Ф. Зайберт – тарих ғылымдарының докторы, профессор (Алматы, Қазақстан)
М.Е. Елеуов – тарих ғылымдарының докторы, профессор (Алматы, Қазақстан)
З. Самашев – тарих ғылымдарының докторы, профессор (Нұр-Сұлтан, Қазақстан)
С.Е. Әжіғали – тарих ғылымдарының докторы, профессор (Алматы, Қазақстан)
И.Л. Қызласов – тарих ғылымдарының докторы, профессор (Москва, Ресей)
П.М. Кольцов – тарих ғылымдарының докторы, профессор (Элиста, Ресей)
А.А. Тишкин – тарих ғылымдарының докторы, профессор (Барнаул, Ресей)
Н.Ю. Смирнов – тарих ғылымдарының кандидаты (Санкт-Петербург, Ресей)
Р.Х. Сулейманов – тарих ғылымдарының докторы, профессор (Ташкент, Өзбекстан)
В.Б. Панковский – тарих ғылымдарының кандидаты (Киев, Украина)
Н. Бороффа – археология докторы, профессор (Берлин, Германия)
М. Фрачетти – археология докторы (Сент-Луис, АҚШ)
Т. Уильямс – археология докторы, профессор (Лондон, Ұлыбритания)

Редакциялық алқасы:

Ә.М. Манапова – тарих ғылымдарының кандидаты (Алматы, Қазақстан)
Т.Б. Мамиров – тарих ғылымдарының кандидаты (Нұр-Сұлтан, Қазақстан)
Ж. Құрманқұлов – тарих ғылымдарының кандидаты (Алматы, Қазақстан)
М.Қ. Хабдулина – тарих ғылымдарының кандидаты (Нұр-Сұлтан, Қазақстан)
А.А. Нұржанов – тарих ғылымдарының кандидаты (Алматы, Қазақстан)
А.А. Бисембаев – тарих ғылымдарының кандидаты (Ақтөбе, Қазақстан)
Д.А. Воякин – тарих ғылымдарының кандидаты (Алматы, Қазақстан)
Е. Ақымбек – PhD (Алматы, Қазақстан)
Ж.Р. Утубаев – тарих ғылымдарының кандидаты (Алматы, Қазақстан)

Жауапты хатшылар:

Г.С. Жұмабекова – тарих ғылымдарының кандидаты
Г.А. Базарбаева – тарих ғылымдарының кандидаты

Техникалық редакторы

З.М. Толенова – тарих ғылымдарының кандидаты, доцент

Компьютерлік беттеу және дизайн:

О.В. Кузнецова

Редакцияның мекен-жайы:

050010 Алматы қаласы, Достық даңғылы, 44
Телефон: (727) 293 01 43
E-mail: arch.kaz@archaeolog.kz; archeologiakazahstana@gmail.com
archeokz.com

Жылына 4 рет шығады

Басылым Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігі Ғылым комитетінің бағдарламалық-нысаналы қаржыландырылатын ЖТН BR05236565 жобасының шеңберінде жүзеге асырылады

**Министерство образования и науки Республики Казахстан
Комитет науки
Институт археологии имени А.Х. Маргулана**

АРХЕОЛОГИЯ КАЗАХСТАНА

№ 2 (8)

2020

Главный редактор

академик НАН РК, доктор исторических наук Б.А. Байтанаев

Редакционный совет:

А.Г. Ситдиков – член-корреспондент НАН РТ, доктор исторических наук (Казань, Россия)
(председатель)

В.Ф. Зайберт – доктор исторических наук, профессор (Алматы, Казахстан)

М.Е. Елеуов – доктор исторических наук профессор (Алматы, Казахстан)

З. Самашев – доктор исторических наук, профессор (Нур-Султан, Казахстан)

С.Е. Ажигали – доктор исторических наук, профессор (Алматы, Казахстан)

И.Л. Кызласов – доктор исторических наук, профессор (Москва, Россия)

П.М. Кольцов – доктор исторических наук, профессор (Элиста, Россия)

А.А. Тишкин – доктор исторических наук, профессор (Барнаул, Россия)

Н.Ю. Смирнов – кандидат исторических наук (Санкт-Петербург, Россия)

Р.Х. Сулейманов – доктор исторических наук, профессор (Ташкент, Узбекистан)

В.Б. Панковский – кандидат исторических наук (Киев, Украина)

Н. Бороффка – доктор археологии, профессор (Берлин, Германия)

М. Фрачетти – доктор археологии (Сент-Луис, США)

Т. Уильямс – доктор археологии, профессор (Лондон, Великобритания)

Редакционная коллегия:

А.М. Манапова – кандидат исторических наук (Алматы, Казахстан)

Т.Б. Мамиров – кандидат исторических наук (Нур-Султан, Казахстан)

Ж. Курманкулов – кандидат исторических наук (Алматы, Казахстан)

М.К. Хабдулина – кандидат исторических наук (Нур-Султан, Казахстан)

А.А. Нуржанов – кандидат исторических наук (Алматы, Казахстан)

А.А. Бисембаев – кандидат исторических наук (Актобе, Казахстан)

Д.А. Вожкин – кандидат исторических наук (Алматы, Казахстан)

Е. Акымбек – PhD (Алматы, Казахстан)

Ж.Р. Утубаев – кандидат исторических наук (Алматы, Казахстан)

Ответственные секретари:

Г.С. Джумабекова – кандидат исторических наук

Г.А. Базарбаева – кандидат исторических наук

Технический редактор

З.М. Толенова – кандидат исторических наук, доцент

Компьютерная верстка и дизайн:

О.В. Кузнецова

Адрес редакции:

050010 г. Алматы, пр. Достык, 44

Телефон: (727) 293 01 43

E-mail: arch.kaz@archaeolog.kz; archeologiakazahstana@gmail.com

archeokz.com

Выходит 4 раза в год

Издание осуществлено в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, ИРН проекта BR05236565

**MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN
SCIENCE COMMITTEE
A.KH. MARGULAN ARCHEOLOGY INSTITUTE**

KAZAKHSTAN ARCHEOLOGY

№ 2 (8)

2020

Editor-in-Chief:

Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan,
Doctor of Historical Sciences B.A. Baitanayev

Executive Editors:

A.G. Sitdikov – Corresponding Member of the National Academy of Sciences
of the Republic of Tatarstan, Doctor of Historical Sciences (Kazan, Russia) (chairman)
V.F. Zaibert – Doctor of Historical Sciences, Professor (Almaty, Kazakhstan)
M.E. Eleuov – Doctor of Historical Sciences, Professor (Almaty, Kazakhstan)
Z. Samashev – Doctor of Historical Sciences, Professor (Nur-Sultan, Kazakhstan)
S.E. Ajigali – Doctor of Historical Sciences, Professor (Almaty, Kazakhstan)
I.L. Kyzlasov – Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow, Russia)
P.M. Koltsov – Doctor of Historical Sciences, Professor (Elista, Russia)
A.A. Tishkin – Doctor of Historical Sciences, Professor (Barnaul, Russia)
N.Yu. Smirnov – Candidate of Historical Sciences (Saint Petersburg, Russia)
R.H. Suleymanov – Doctor of Historical Sciences, Professor (Tashkent, Uzbekistan)
V.B. Pankowski – Candidate of Historical Sciences (Kyiv, Ukraine)
N. Boroffka – Doctor of Archaeology, Professor (Berlin, Germany)
M. Frachetti – Doctor of Archaeology (St. Louis, USA)
T. Williams – Doctor of Archaeology, Professor (London, UK)

Editorial Board:

A.M. Manapova – Candidate of Historical Sciences (Almaty, Kazakhstan)
T.B. Mamirov – Candidate of Historical Sciences (Nur-Sultan, Kazakhstan)
Zh. Kurmankulov – Candidate of Historical Sciences (Almaty, Kazakhstan)
M.K. Khabdulina – Candidate of Historical Sciences (Nur-Sultan, Kazakhstan)
A.A. Nurzhanov – Candidate of Historical Sciences (Almaty, Kazakhstan)
A.A. Bisembayev – Candidate of Historical Sciences (Aktobe, Kazakhstan)
D.A. Voyakin – Candidate of historical sciences (Almaty, Kazakhstan)
E.Sh. Akymbek – PhD (Almaty, Kazakhstan)
Zh.R. Utubayev – Candidate of historical sciences (Almaty, Kazakhstan)

Executive Secretaries:

G.S. Jumabekova – Candidate of Historical Sciences
G.A. Bazarbayeva – Candidate of Historical Sciences

Executive Editor:

Z.M. Tolenova – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

Computer layout and design:

O.V. Kuznetsova

Editorial address:

050010 Almaty, Dostyk Ave., 44

Phone: (727) 293 01 43

E-mail: arch.kaz@archaeolog.kz; arheologiakazhstana@gmail.com

archeokz.com

The journal is published four times a year

The publication was carried out within the framework of program-targeted financing
of the Committee of Science of the Ministry of Education and Science
of the Republic of Kazakhstan, IRN of the project BR05236565

© A.Kh. Margulan Archeology Institute, 2020

© Journal “Kazakhstan Archeology”, 2020

МАЗМҰНЫ – СОДЕРЖАНИЕ

Археологияның мәселелері – Вопросы археологии

Волошин В.С. (<i>Нур-Султан, Казахстан</i>) Верхний культурный горизонт памятника каменного века Экибастуз-4	9
Швец И.Н. (<i>Хайделберг, Германия</i>) «Тобольский мыслитель»: к вопросу интерпретации одного из антропоморфных сюжетов эпохи палеометалла Центральной Азии	27
Дмитриев Е.А., Кукушкин А.И., Кукушкин И.А. (<i>Караганды, Казахстан</i>) Древнетюркские ограды Акбауыр	36

Далалық зерттеулер – Полевые исследования

Талеев Д.Ә. (<i>Алматы, Қазақстан</i>), Торбеков Е.С. (<i>Тараз, Қазақстан</i>) Бурнооктябрьск (Жылқышытөбе) қалашығында 2018–2019 жылдары жүргізілген зерттеулер	50
Тулегенов Т.Ж., Чекин А.Г., Құрбанәлі Ж. (<i>Есик, Казахстан</i>) Археологические раскопки городища Рахат в полевом сезоне 2019 г.	65

Ғылым тарихынан – Из истории науки

Смирнов Н.Ю. (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>) Неизвестный контекст знаменитого открытия: работа М.П. Грязнова в Центральном Казахстане в составе экспедиции профессора П.С. Рыкова в 1933 году (к прошедшему 85-летию открытия первого памятника бегазы-дандыбаевской культуры	78

Хабарлар – Хроника

Ақымбек Е.Ш., Шағырбаев М.С. (<i>Алматы, Қазақстан</i>) 2018–2019 жылдары «Археологиялық технологиялар зертханасының» атқарған жұмыстарына шолу	114
Таймагамбетов Ж. (<i>Нур-Султан, Казахстан</i>) Память о моем учителе – Алексее Павловиче Окладникове	123
Шағырбаев М.С. (<i>Алматы, Қазақстан</i>) Палеозоолог Болат Уапиұлы Байшашов – 75 жаста	145
Жамангара А.К. (<i>Нур-Султан, Казахстан</i>) Хранитель династии палинологов	150
Бесетаев Б.Б. (<i>Алматы, Қазақстан</i>) «Жаргас бетіндегі мәдениет: аңыз, өнер, әлем» атты халықаралық ғылыми семинар туралы	158
Қысқартулар тізімі – Список сокращений	162

Авторларға арналған ережелер – Правила для авторов

CONTENT

Questions of archaeology

<i>Voloshin V.S. (Nur-Sultan, Kazakhstan)</i> Upper cultural horizon of the Stone age monument Ekibastuz-4 (in Russian)	9
<i>Shvets I.N. (Heidelberg, Germany)</i> «Tobolsky thinker»: about interpretation of one anthropomorphous personage in the art of Central Asia in the Eneolithic and Bronze ages (in Russian)	27
<i>Dmitriev E.A., Kukushkin A.I., Kukushkin I.A.</i> <i>(Karagandy, Kazakhstan)</i> Ancient Turkic Akbauyr fences (in Russian)	36

Field studies

<i>Taleev D.A. (Almaty, Kazakhstan), Torbekov E.S. (Taraz, Kazakhstan)</i> On research of the town of Burnooktyabrsk (Jylkyshytobe) in 2018–2019 (in Kazakh)	50
<i>Tulegenov T.J., Chekin A.G., Kurbanali J. (Esik, Kazakhstan)</i> Archaeological excavations of the Rakhat settlement in the 2019 field season (in Russian)	65

From the history of science

<i>Smirnov N.Yu. (Saint Petersburg, Russia)</i> Unknown context of the famous discovery: M. P. Gryaznov's work in Central Kazakhstan as a participant of prof. P. S. Rykov's expedition in 1933 (to the recent 85 th anniversary of the discovery of the first monument of the Begazy-Dandybay culture) (in Russian)	78

Chronicle

<i>Akymbek Y.Sh., Shagirbayev M.S. (Almaty, Kazakhstan)</i> Overview of the work of the «Laboratory of archaeological technologies» for 2018–2019 years (in Kazakh)	114
<i>Taimagambetov Zh. (Nur-Sultan, Kazakhstan)</i> Memory of my teacher – Alexey P. Okladnikov (in Russian)	123
<i>Shagirbayev M.S. (Almaty, Kazakhstan)</i> 75 th anniversary of the paleozoologist Bulat U. Bayshashov (in Kazakh)	145
<i>Zhamangara A.K. (Nur-Sultan, Kazakhstan)</i> Palynologists dynasty keeper (in Russian).....	150
<i>Besetayev B.B. (Almaty, Kazakhstan)</i> About the International scientific seminar “Petroglyphic culture: myth, art, world” (in Kazakh)	158
List of Abbreviations	162
Submissions	

ВЕРХНИЙ КУЛЬТУРНЫЙ ГОРИЗОНТ ПАМЯТНИКА КАМЕННОГО ВЕКА ЭКИБАСТУЗ-4

© 2020 г. В. С. Волошин

В статье даётся описание кварцитового инвентаря из верхнего культурного горизонта памятника каменного века Экибастуз-4, полученного в зачистке 1988 г. Приводится характеристика специфического типа индустрии, для которой свойственны: в первичном расщеплении – сочетание нижне-среднепалеолитических приёмов скалывания отщепов и верхнепалеолитических приёмов снятия пластин, во вторичном расщеплении – тейякский компонент, широкое развитие техники рассечения заготовок и комбинаторика рабочих частей (элементов) орудий, серия специфических вкладышевых орудий из отщепов, а также двухстороннеобработанные орудия. Предложена хронологическая схема распределения археологических памятников Левобережного Прииртышья возрастом от максимума сартанского оледенения до начала голоцена, в которой верхний горизонт Экибастуза-4 относится к аллерёду-пребореалу (12–10 тыс. л.н.).

Ключевые слова: археология, Экибастуз-4, памятник, индустрия, орудие, рабочая часть, слой, поздний палеолит, техника

Введение

Археологический памятник Экибастуз-4 принадлежит к числу условных пунктов, выделенных среди обширных залежей кварцитов в черте построек Старого Экибастуза. Он расположен в 300 м от берега озера Экибастуз и в 530 м к юго-западу от ближайшего тригопункта с отметкой 193 м и привязан к заброшенному котловану и выбросам из него. В стратиграфической колонке, полученной на памятнике во время зачистки стенки котлована в 1988 г., положение верхнего культурного горизонта чётко определено в верхней части слоя 2, т.е. коричневато-бурой супеси мощностью 15–23 см, залегающей поверх достаточно маломощной толщи эоловой супеси с несколькими генерациями криогенных клиньев; к основанию этой толщи приурочен изученный

нами ранее нижний культурный горизонт [Волошин, 2020, рис. 1]. Эта коричневато-бурая супесь с кварцитовыми артефактами местами обнажается на поверхности, в других же местах погребена под тонким слоем (до 30 см) эоловых отложений (слой 1б) или же на пониженных участках – под современной тёмно-серой почвой (слой 1а). В процессе разборки слоя 2 стало ясно, что к его верхней части принадлежит большая часть находок, но не все: артефакты рассеяны по всему слою и залегают в том числе в основании слоя прямо на поверхности подстилающей его серой карбонатизированной супеси – в последнем случае у предметов нижняя сторона, как правило, бывает покрыта тонкой и плотной серой карбонатизированной корочкой (таких предметов всего 6 шт.).

Характеристика материала

В зачистке 1988 г. из слоя 2 была получена коллекция кварцитовых артефактов в количестве 147 предметов, основная масса последних состояла из качественного тонкозернистого светло-серого кварцита. Все предметы относятся к группе со «свежей» фактурой, имеют острые (не заглаженные эоловой коррозией) края и поверхности, часть из них с одной стороны покрыта лёгкой белой патиной. Ниже даётся технико-типологическое описание артефактов.

Нуклеусы – 7 шт. Здесь обращает на себя внимание крупное и двухстороннее площадочное-плоскостное ядрище (19,7×8,8×5,5 см) с двумя негативами встречных удлинённых отщепов на одной стороне и с серией негативов отщепов в поперечном направлении на противоположной стороне (рис. 1, 1), у которого одна из концевых ударных площадок носит следы пластинчатого фасетирования; в целом нуклеус нельзя отнести к группе приготовленных, расщепление велось с помощью тяжёлого отбойника. Ещё одна форма площадочно-плоскостных нуклеусов представлена образцом небольшого короткого двухплощадочного

одностороннего встречного нуклеуса в начальной стадии утилизации (8,7×7,4×2,9 см), на рабочей поверхности которого наблюдается негатив ассиметричного отщепа, снятого тяжёлым отбойником от гладкой ударной площадки по фронтальному ребру; в основании имеется фасетированная скошенная ударная площадка, подготовленная для снятия встречного фронтального отщепа.

Имеются также краевые нуклеусы для пластин (2 шт). Один из них грубо приготовлен отдельными расколами и фасами из бло-

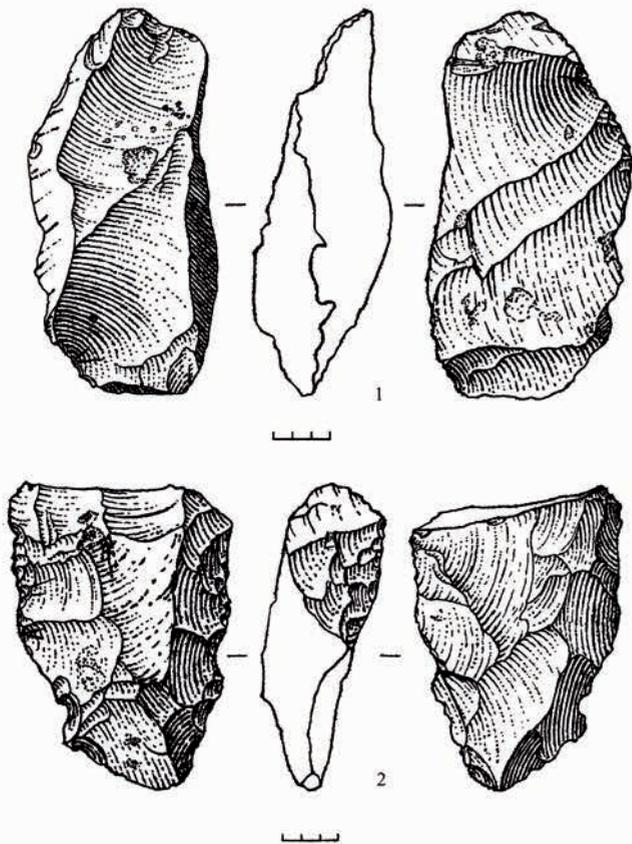

Рис. 1. Экибастуз-4. Кварцитовые артефакты. 1–2 – нуклеусы

Fig. 1. Ekibastuz-4. Quartzitic artifacts. 1–2 – lithic cores

ка, имеет четырёхугольную форму (14,2×10,3×4,8 см). На рабочей боковой стороне наблюдается два пластинчатых негатива: первый – от пластины, снятой по ребру, второй, заломившийся – от некондиционной заготовки, снятой по оси первой пластины; расщепление велось с помощью тяжёлого отбойника. Ещё одна сходная форма представлена фрагментом (верхняя часть) маленького нуклеуса для ножевидных пластинок (рис. 9, 12); ударная площадка у него скошенная фасетированная, при расщеплении использовался посредник.

Заготовка клиновидного нуклеуса для пластин (рис. 2, 3) изготовлена из плоского обломка и имеет достаточно крупные размеры и укороченные пропорции (11,2×13,1×3,2 см); скошенная ударная площадка и фронтальная часть представляют собой плоскости поперечного раскола, а сильно выпуклый боковой клин тщательно оформлен двухсторонними фасетками; изделие с одной из латеральных сторон тщательно уплощено серией фасов и фасеток от ударной площадки. Данный предмет с одной из сторон покрыт карбонатизированной корочкой.

В заключение отметим наличие в коллекции формы весьма специфиче-

ских нуклеусов – укороченных ассиметричных и исполненных в технике тщательной двухсторонней отделки. Первый образец представляет собой заготовку относительно небольшого нуклеуса (7,8×10,2×3,0 см) с узкой фасетированной скошенной ударной площадкой на углу, смежном с боковой плоскостью поперечного раскола (рис. 3, 3); большая часть периметра такого ассиметричного нуклеуса является дугообразным клином, а более выпуклая тщательно оформленная фронтальная поверхность позволяет

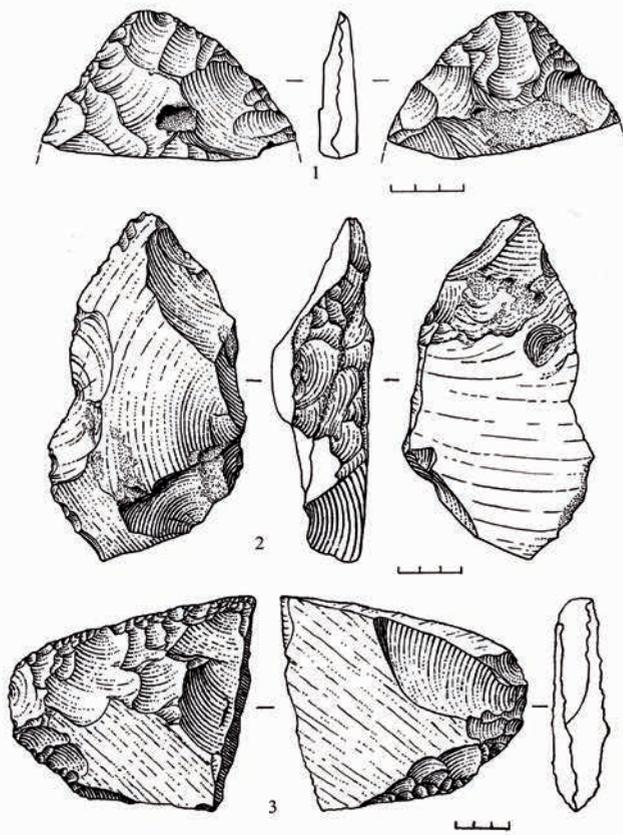

Рис. 2. Экибастуз-4. Кварцитовые артефакты: 1 – фрагмент бифаса; 2 – крупное остроконечное орудие; 3 – заготовка клиновидного нуклеуса

Fig. 2. Ekibastuz-4. Quartzitic artifacts: 1 – biface fragment; 2 – large sharp-pointed tool; 3 – wedge lithic core blank

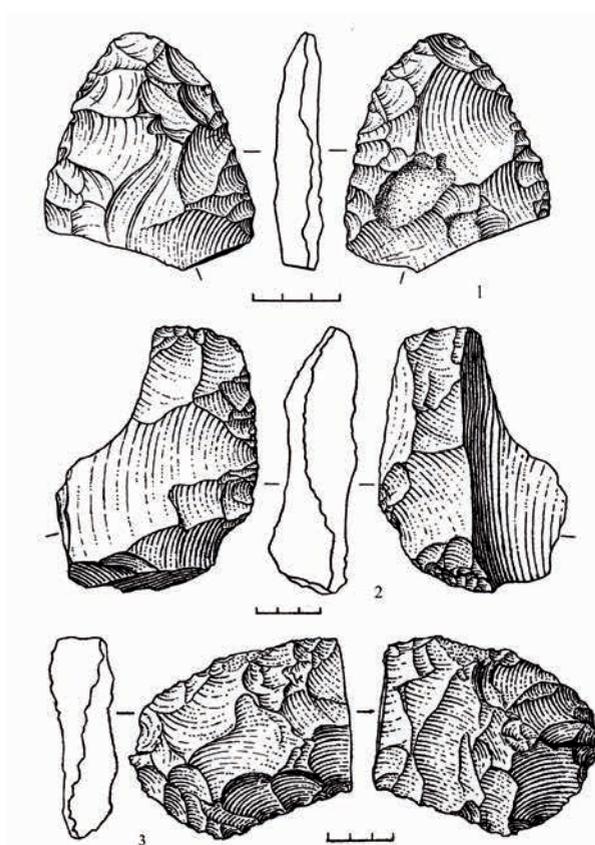

Рис. 3. Экибастуз-4. Кварцитовые артефакты:
1 – бифас; 2 – скребло;

3 – заготовка клиновидного нуклеуса

Fig. 3. Ekibastuz-4. Quartzitic artifacts: 1 – biface;
2 – scraper; 3 – wedge lithic core blank

снять от ударной площадки поперёк длинной оси изделия, т.е. вдоль боковой обушковой грани отщеп нужных кондиций – что-то среднее между обушковым отщепом и плоским черепаховидным отщепом леваллуа. Вторым образцом отличается более крупными размерами (11,5×18,5×4,9 см), но также тщательно отделан в технике двухсторонней обработки и имеет линзовидное поперечное сечение (рис. 1, 2); одна из сторон его покрыта карбонатизированной корочкой. Здесь также – форма укороченного асимметричного двухсторонне-

обработанного нуклеуса с боковой обушковой гранью от поперечного раскола, но ударная площадка, также фасетированная и скошенная, отличается здесь большей шириной, а фронтальная сторона, наоборот, уже более плоская, ввиду начавшегося процесса утилизации нуклеуса (с использованием мягкого отбойника). Представляется, что с общей технологической стороны данная форма ядрища представляет собой значительное развитие известной формы нуклеусов пара-леваллуа виктория-вест из ашеля Африки, которые использовались в индустриях конца раннего ашеля для производства крупных отщепов-заготовок под кливеры.

В некоторых раннепалеолитических комплексах Сарыарки, в частности в средней серии Жуантыбе 1, данная форма нуклеусов уже была известна и при-

готовавливалась уже подчас не менее

тщательно, чем в данном случае.

Двухсторонние орудия – 2 шт. Первое изделие – это фрагмент (концевая часть) широкого и плоского бифаса листовидной формы с толщиной на изломе в 1,9 см; изделие оформлено пологими и плоскими, короткими и чешуйчатыми фасами и фасетками, края ровные и острые, сечение – правильное линзовидное; с обеих сторон сохранились небольшие участки естественной поверхности заготовки (рис. 2, 1). Второе изделие представлено, вероятно, целым эк-

земпларом (рис. 3, 1) – изломы в основании правильнее рассматривать как плоскости намеренного поперечного рассечения бифаса с целью последующего его крепления нижней усечённой частью в рукоять. Таким образом, это бифасный клевец (8,3×7,1×1,3 см). Изделие в поперечнике плоско-выпуклое, с ровными боковыми краями и тщательно отделано пологими и плоскими фасадами и фасетками, иногда дающими заломы. Бифасные клевцы подтреугольной формы известны среди материалов ряда памятников голоценового возраста Сарыарки, в частности, на карагандинских стоянках, исследованных

М. Н. Клапчуком в Талапкере 1 и Селетинском.

Орудия из обломков и крупных отщепов – 8 шт. В данную группу отнесены орудия, длиной превышающие 12 см. Это, прежде всего, изготовленный из массивного обломка породы струг с прямым лезвием на конце, оформленным скупом-лицевым полукруглым фасом и мелкими фасетками (12,7×5,9×3,4 см); в конструктивных целях изделие по боковому краю тщательно отделано лицевой

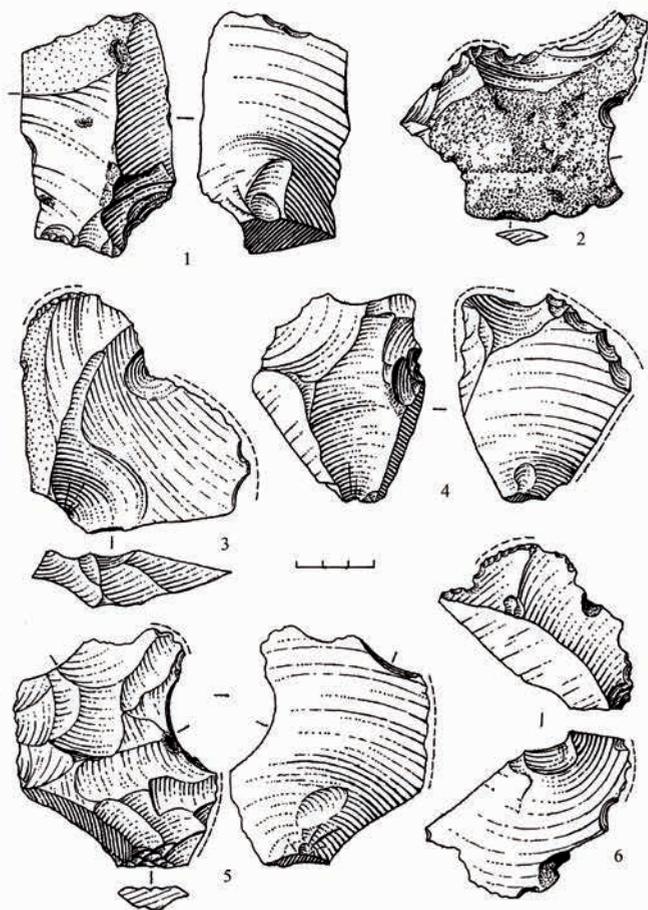

Рис. 4. Экибастуз-4. Кварцитовые артефакты: 1, 5 – режущие орудия; 2, 3, 6 – скребки; 4 – зубчатое орудие
 Fig. 4. Ekibastuz-4. Quartzitic artifacts: 1, 5 – cutting tools; 2, 3, 6 – scrapers; 4 – serrated tool

крутой и отвесной отёсывающей ретушью. У данного орудия помимо лезвия струга на противоположном конце с помощью крутой ретуши оформлено лезвие зубчатого скребля, а на углу – альтернативными фасетками поперечная резцеvidная кромка (1,2 см). Ещё одно орудие изготовлено из фрагментированного нуклеуса (12,3×9,2×3,5 см) – это боковое скребло с широким выпуклым в плане и в профиль лезвием с тщательной пологой распространённой и чешуй-

чатой ретушью (рис. 3, 2). Остальные орудия изготовлены из крупных отщепов: использовались обычно массивные отщепы укороченных пропорций, снятые при помощи тяжёлого отбойника, и в одном случае – желобчатый укороченный отщеп с изогнутой площадкой, снятый, вероятно, с помощью посредника (рис. 5, 5). Площадки таких отщепов разные – гладкие, двухгранные и грубофасетированные.

Опишем орудия по отдельности. Удлиненное остроконечное орудие (17,0×9,3×4,0 см), плоско-

выпуклое в поперечнике, частично-бифасиальное; рабочая остроконечная часть оформлена двухсторонними фасадами, занимает одну треть длины орудия, имеет острые слегка извилистые края и завершается на окончании острой извилистой кромкой. Внутренний край орудия обушковый – притуплен отвесными фасадами и фасетками. Внешний – более тонкий и острый, оформлен с лицевой стороны приостряющим широким фасом и серией фасеток. Основание орудия скошено нижним крутым фасом и утончено двумя заломившимися лицевыми фасадами (рис. 2, 2). Это рубящее орудие, вероятно, крепилось к рукоятке, т.е. является клевцом.

Орудие из массивного укороченного отщепа с широкой и толстой грубо-фасетированной площадкой (15,3×11,5×3,5 см) имеет два рабочих элемента: короткий остроконечный выступ, оформленный вентральными фасетками на углу площадки, и режущее боковое вогнутое лезвие с выщербинками от использования.

Орудие из укороченного отщепа с широкой двухгранной площадкой (14,6×9,9×2,7 см) в конструктивных целях оформлено в нижней части широкой вентральной клетон-

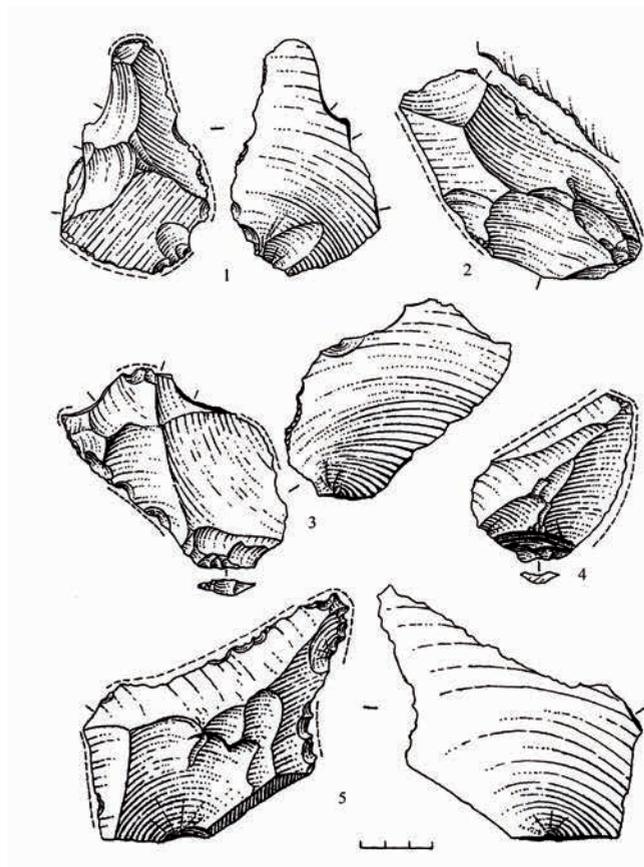

Рис. 5. Экибастуз-4. Кварцитовые артефакты: 1–2 – режущие орудия; 3 – выемчатый скобель; 4 – скребок; 5 – орудие с выступом

Fig. 5. Ekibastuz-4. Quartzitic artifacts: 1–2 – cutting tools; 3 – recessed bracket; 4 – scraper; 5 – tool with protrusion

ской выемкой и имеет три рабочих элемента: угловой выступ с альтернативными фасетками, широкое и выпуклое режущее лезвие, а также тонкое скребковидное лезвие на краю (2,4 см), выделенное с боков небольшими выемками-фасетками.

Орудие из первичного отщеп с гладкой площадкой (12,5×6,9×2,5 см) представляет собой угловой резчик, конструктивно оформленный широким косым сечением, создавшим обушок, а также небольшими двухсторонними фасетками.

Орудие из укороченного отщеп с широкой грубо-фасетированной площадкой (13,3×9,0×2,2 см) имеет два рабочих элемента: выпуклое режущее лезвие, выделенное с боку небольшим выемчатым сечением, а также режущее зубчатое лезвие с фасетками и выемками с двух сторон.

Орудие из укороченного отщеп с гладкой изогнутой площадкой (14,3×7,3×1,8 см) имеет три рабочих элемента: остроконечная часть, треугольная в сечении, с двумя ретушированными шипами на окончании и смежным острым (режущим) краем; лезвие зубчатого скобеля с крутой дорзальной ретушью, а также

режущее лезвие на боковом краю, ограниченное с боку небольшим сечением (рис. 5, 5).

Пластины и орудия из них – 10 шт. Все представленные здесь пластины широкие, т.е. шириной более 2 см; призматические формы отсутствуют. Наиболее выразительны два изделия с гладкими скошенными площадками, снятые тяжёлым отбойником (рис. 7, 10–11); острые боковые края с отдельными микрофасетками и выщербинками и сечёные дистальные концы позволяют считать их режущими орудиями. Ещё одно

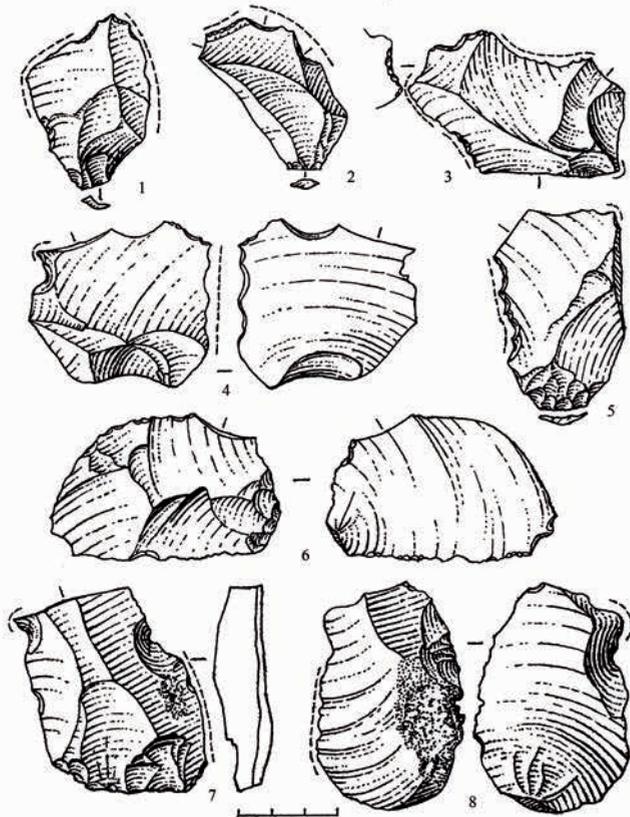

Рис. 6. Экибастуз-4. Кварцитовые артефакты: 1, 6 – режущие орудия; 2 – скребок; 3 – орудие с выступом; 4, 7 – проколки; 5 – зубчатое орудие; 8 – угловой резчик

Fig. 6. Ekibastuz-4. Quartzitic artifacts: 1, 6 – cutting tools; 2 – scraper; 3 – tool with protrusion; 4, 7 – punctures; 5 – serrated tool; 8 – angular cutter

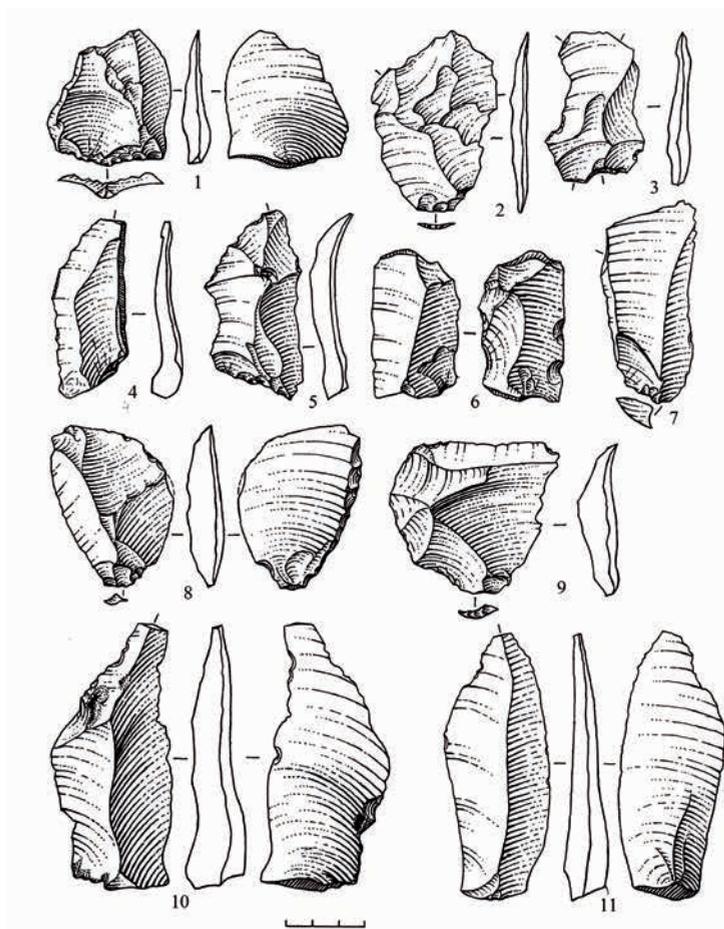

Рис. 7. Экибастуз-4. Кварцитовые артефакты:
1–2, 5, 9–11 – режущие орудия; 3 – выемчатый скобел;
4, 6–8 – ножи с обушком

Fig. 7. Ekibastuz-4. Quartzitic artifacts:
1–2, 5, 9–11 – cutting tools; 3 – recessed bracket;
4, 6–8 – knives with hack

режущее орудие на тонкой и плоской пластине ($6,4 \times 3,5 \times 0,7$ см) оформлено небольшими сечениями и выемками. Два изделия являются ножами с боковым обушком-гранью: одно из них ($6,8 \times 2,8 \times 0,4$ см) с дистальным сечением (рис. 7, 4), другое ($7,5 \times 3,4 \times 0,8$ см) – с угловым сечением (рис. 7, 7). Одно изделие изготовлено из среднего сечения пластины ($4,5 \times 4,9 \times 1,0$ см) и представляет собой угловой резчик (рис. 8, 1). Ещё одно изделие представ-

лено фрагментом – это концевой микро-скребок с тонким прямым лезвием ($0,7$ см), оформленным дорзальной микро-ретушью и выделенным с боков небольшими угловыми сечениями (рис. 9, 2). В собрании имеется также пластина с вентрально-ретушированной выемкой на краю ($4,5 \times 2,1 \times 0,5$ см); у неё маленькая фасетированная площадка и дистальное сечение. Последние два изделия из пластин – вероятно, вкладыши: одно из них представляет собой дистальное сечение ($4,8 \times 3,7 \times 0,6$ см) с черешком в основании и острыми лезвия-

ми на уголках, вставлялось в торец рукоятки режущего орудия, другое представлено фрагментом сечения пластины.

Орудия из отщепов и сколов – 94 шт. Это основная масса орудий в коллекции. Прежде всего укажем на некоторые общие технико-типологические черты данного собрания орудий. Максимальная длина изделий варьирует в пределах 3–12 см, медиальное положение занимают

изделия длиной 5–6 см (25 шт.). Толщина варьирует в пределах 0,4–3,5 см, медиальное значение – 0,6–1,0 см (47 шт.). Из 61 определимых объекта у 29 – заготовка снята тяжёлым отбойником, столько же отщепов снято лёгким отбойником, и только в трёх случаях можно говорить об использовании при расщеплении посредника. Значительное большинство исходных заготовок – это вторичные отщепы (85 шт.), первичных заготовок нет вообще. Преобладают заготовки коротких пропорций, меньше укороченных, совсем мало – удлинённых; также преобладают тонкие и плоские заготовки, а толстых – значительно меньше; желобчатые отщепы (9 шт.) и отщепы с трапециевидным сечением (2 шт.), а также клетонские (3 шт.) и левалуазские (6 шт.) немногочисленны. Среди последних – 5 черепаховидных. Имеется серия отщепов с боковым обушком – для данной группы это вполне нормальное явление. Есть

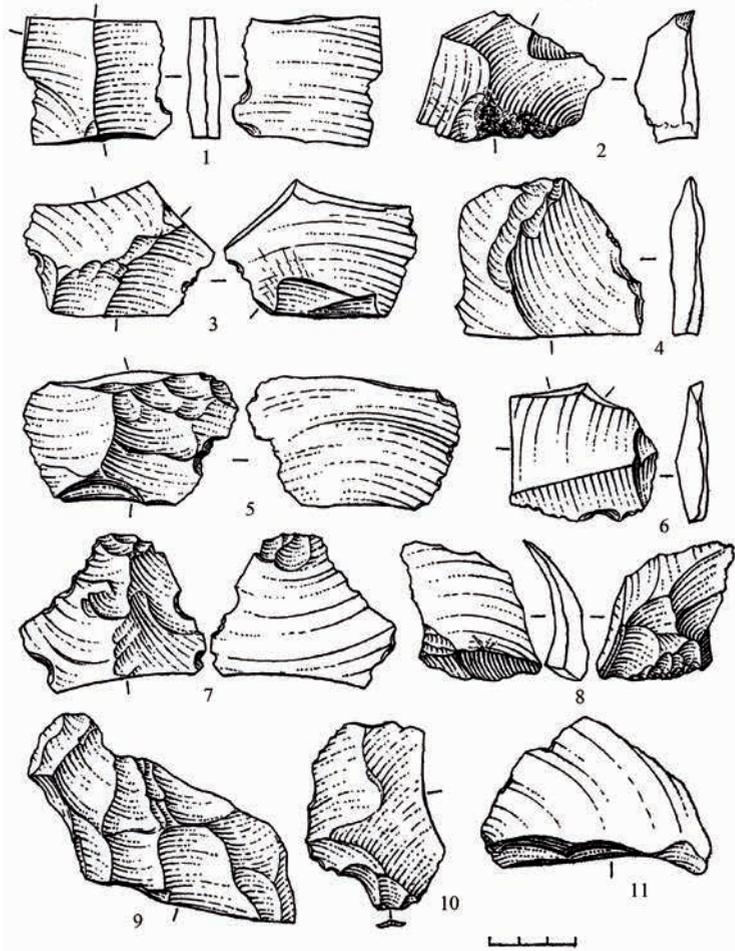

Рис. 8. Экибастуз-4. Кварцитовые артефакты:
 1–2 – угловые резчики; 3–5, 8, 9, 11 – режущие орудия;
 6 – резцевидное орудие; 7 – скребок; 10 – нож с обушком

Fig. 8. Ekibastuz-4. Quartzitic artifacts:
 1–2 – angular cutters;
 3–5, 8, 9, 11 – cutting tools; 6 – chisel-shaped tool;
 7 – scraper;
 10 – knife with hack

один небольшой бивентральный отщеп, который был использован под вкладышевое орудие. У 12 изделий площадки заготовок были отсечены или удалены иным образом. Среди сохранившихся площадок – гладкие (23 шт.), двухгранные (5 шт.), грубофасетированные (8 шт.), фасетированные (7 шт.), натуральные (3 шт.); но больше всего маленьких, тонких, почти точечных площадок (27 шт.) и

только одна изогнутая. Большинство площадок скошенные и сильно скошенные. В 16 случаях на внешних краях площадок наблюдается бахрома в виде серии уплощающих или выравнивающих поверхность заготовок фасеток. В единичных случаях использовались реберчатые и массивные, брусковидные формы заготовок.

Необходимо отметить, что приёмы широкого рассечения заготовок,

а также узкое сечение на уголках и выступах заготовок, вообще интенсивность рассечения – это одна из важнейших черт «свежих» кварцитовых индустрий Экибастуза. В первом случае, т.е. при широком рассечении заготовки, задавалась общая форма орудия или вкладыша орудия, оформлялся обушок и удалялась площадка заготовки. При узких, небольших и, чаще всего, вогнутых сечениях про-

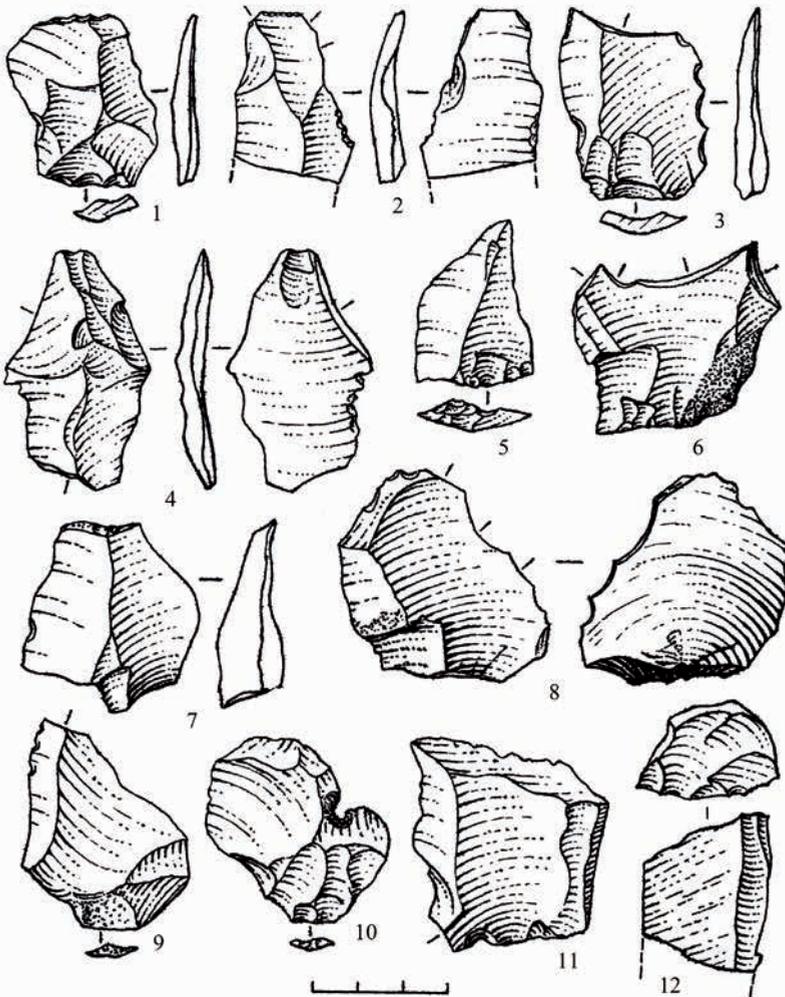

Рис. 9. Экибастуз-4. Кварцитовые артефакты: 1, 5, 7–11 – режущие орудия; 2 – микроскребок; 3 – проколка; 4 – вкладыш; 6 – орудие с выступами; 12 – фрагмент нуклеуса

Fig. 9. Ekibastuz-4. Quartzitic artifacts: 1, 5, 7–11 – cutting tools; 2 – microscrapper; 3 – piercer; 4 – insert; 6 – tool with protrusions; 12 – fragment of lithic core

изводились локальные модификации орудий, в том числе с одного или обоих боков выделялся рабочий элемент – режущее, скребковидное или иное лезвие, составляющее функциональную особенность орудия. Кстати, подобную же роль в индустрии исполняли отдельные чешуйчатые выемки-фасетки, тейякские выемки, микровыемки и микрофасетки. Последние два типа выемок наносились и на режущие лезвия орудий для придания им большей эффективности. Ещё одной особенностью орудийного набора является полное отсутствие здесь протяжённого ретушированного края, т.е. скрёбел, остроконечников, острий, притупленных спинок ножей и т.д. Ретушь на орудиях всегда локализована и формирует выступы, выемки, зубчики и другие узкие участки краёв, что вкупе с сечениями и отсутствием типичных форм скрёбел, скребков, острий, резцов и всего известного прочего неизбежно оставляет здесь впечатление «тейяка». Из общего собрания орудий выделены следующие группы.

Ножи боковые – 11 шт. Почти все они имеют на противоположном краю обушок – натуральный (1 шт.), в виде одной грани (1 шт.) или из нескольких граней (3 шт.), в виде одного или нескольких сечений (рис. 10, 10), в том числе дополнительно с сечёным концом (рис. 8, 10) – всего таких ножей 4 шт.; имеется также один нож с вентрально-притупленным обушком, а также один нож с вентрально-уточенной спинкой (рис. 7, 6). В одном случае у ножа с гранёным обушком и сечёным концом бюльб отщеп подвергся уточнению вентральной фасетками.

Режущие орудия – 36 шт. Это самая распространённая и самая про-

стая группа орудий – помимо указанного числа в различных сочетаниях с орудиями других групп выявлено ещё 30 режущих лезвий. Обычно лезвие охватывает один из участков края отщепы, в частности боковой край (рис. 5, 2), и у отщепы леваллуа (рис. 7, 1); иногда носит угловатый характер (рис. 6, 1; 8, 11; 9, 11) или имеет конвергентные очертания (рис. 9, 5; 8, 8). Иногда лезвие наделяли небольшими выемками или зубчиками для усиления эффективности режущей функции. Чаще всего, режущие орудия подвергались рассечению: на боковом краю (рис. 9, 8) или конце (рис. 7, 5; 9, 9), иногда отсекалась базальная часть отщепы (рис. 8, 9), площадка отщепы или заготовка рассекалась наискось (рис. 10, 12); в иных случаях режущие лезвия располагаются на боковых краях сечений – укороченных средних (рис. 8, 3, 5), концевых (рис. 8, 4) или иных (рис. 7, 3). У одного орудия площадка заготовки удалена вентральной чешуйчатой ретушью. Другое орудие имеет транкированный конец (рис. 9, 1). Некоторые отщепы имеют режущее лезвие по всему периметру (рис. 7, 9) и, в частности, черепаховидные отщепы (рис. 4, 5; 7, 2; 9, 10).

Зубчатые скобели – 3 шт. Один из них изготовлен из короткого желобчатого отщепы и имеет вентрально-ретушированное лезвие на широком конце (рис. 4, 4) – здесь наблюдается сочетание с массивным, трёхгранным в сечении угловым выступом, оформленным альтернативными фасетками, а также с боковым прямым режущим лезвием. Другое орудие представляет собой боковой зубчато-ретушированный скобель, ограниченный с одного бока сечением – напротив лезвия находится обу-

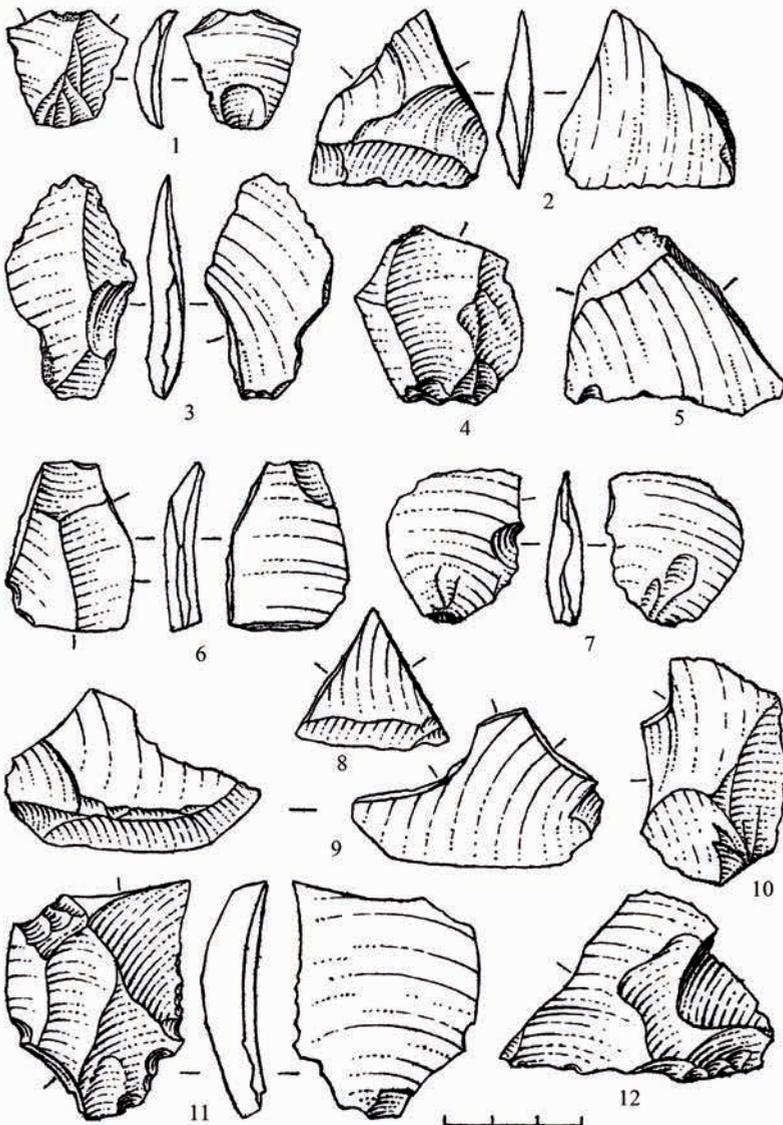

Рис. 10. Экибастуз-4. Кварцитовые артефакты: 1-9, 12 – вкладыши; 10 – нож с обушком; 11 – режущее орудие

Fig. 10. Ekibastuz-4. Quartzitic artifacts: 1-9, 12 – inserts; 10 – knife with hack; 11 – cutting tool

шок в виде дорзальной грани; здесь также имеется сочетание с другим элементом – угловым шиповидным выступом, оформленным альтернативными микрофасетками (рис. 6, 5). Третий образец представлен фрагментом зубчато-выемчатого орудия с

концевым сечением. В орудийном наборе есть ещё один рабочий элемент зубчатого бокового скобеля – в сочетании с другим типом орудия.

Выемчатые скобели – 3 шт. Одно орудие изготовлено из ассиметричного отщепы и имеет вентрально-

ретушированную выемку в базальной части (рис. 5, 3) – имеется сочетание с двумя режущими лезвиями, шиповидным выступом и скребковидным лезвием. На другом орудии также наблюдается сочетание выемчатого скобеля с шиповидным выступом и режущим вогнутым лезвием. На третьем орудии выемчатый скобель сочетается с резцевидным элементом. Ещё два лезвия выемчатого скобеля встречены на орудиях других типов.

Орудия с выступами – 4 шт. Одно из них с толстым выступом, оформленным боковым сечением и имеющим на окончании поперечную режущую кромку (0,3 см) – комбинируется с выемчатым скобелем и режущими лезвиями (рис. 6, 3). Другое орудие имеет форму сегмента – пара тонких шиповидных выступов комбинируется здесь с режущими лезвиями, однако, не исключено, что в данном случае перед нами крупный прямоосный вкладыш (рис. 6, 6). Ещё одно орудие имеет два шиповидных выступа, оформленных несколькими сечениями (рис. 9, 6). Последнее орудие имеет выступ с боковой выемкой на базальном углу отщепа. Ещё четыре рабочих выступа находятся в различной комбинации на орудиях других типов.

Угловые резчики – 5 шт. У одного орудия элемент углового резчика оформлен вентральной клетонской выемкой и сочетается с боковым режущим лезвием (рис. 6, 8). Другое орудие изготовлено из сечения отщепа (рис. 8, 2). Остальные орудия изготовлены ретушью и небольшими сечениями.

Скребковидные орудия – 9 шт. У одного орудия лезвие оформлено крутой дорзальной ретушью на широком поперечном краю (рис. 4, 2) и сочета-

ется с двумя режущими элементами. У другого орудия лезвие оформлено на конце отщепе краевой ретушью (рис. 4, 3) и сочетается также с режущим элементом, оформленным клетонской выемкой. У третьего орудия аналогичное лезвие сочетается с ретушированным скребущим участком в базальной части ассиметричного отщепе (рис. 4, 6). У четвертого орудия имеется два скребковидных лезвия: тонко-ретушированное лезвие на дистальном конце и двухсторонне-обработанное лезвие с боковой выемкой на месте площадки ассиметричного отщепе (рис. 5, 1) – орудие комбинировано с двумя режущими лезвиями. У пятого орудия тонко-ретушированное лезвие находится на углу ассиметричного отщепе (рис. 5, 4) и комбинируется с двумя боковыми режущими лезвиями. У шестого орудия аналогичное лезвие на дистальном углу выделено с боков выемчатыми сечениями (рис. 6, 2). Ещё одно двухсторонне-обработанное скребковидное лезвие на месте площадки рассечённого отщепе наблюдается на изделии с комбинацией с зубчатым скобелем и зубчатым режущим лезвием (рис. 8, 7). Остальные орудия сходны с описанными – типичные скребки отсутствуют.

Проколки-острия – 5 шт. На одном орудии тонкое шиповидное остриё оформлено с боков сечением и ретушированной выемкой и сочетается с боковым режущим лезвием (рис. 6, 4). Другое орудие во многом сходно с ним (рис. 6, 7). У третьего орудия жало проколки оформлено косым дистальным сечением и тонкой краевой ретушью (рис. 9, 3). Остальные орудия повторяют описанные формы. Два элемента «проколки» находятся в различном сочетании на орудиях других типов.

Резцы и резцевидные орудия – 1 шт. Это совсем нехарактерная группа орудий. Изделие с тонкой поперечной резцевидной кромкой (0,2 см) на углу больше напоминает сечёный вкладыш из отщепа с тонким режущим лезвием на боку (рис. 8, 6). Имеется ещё один элемент с плоским резцовым сколом среди орудий других типов.

Долотовидные орудия – 1 шт. Также нехарактерная группа орудий – совсем не типичное лезвие с вентральным фасом на узком боку укороченного среднего сечения отщепа находится в сочетании с выемчатым скобелем.

Вкладышевые орудия – 16 шт. Почти всегда это сечёные формы отщепов, минимально подвергнутые ретушированию. Среди них есть группа изделий (7 шт.), которые, вероятно, вставлялись в торец рукоятки. Отметим, прежде всего, небольшое орудие из короткого отщепа (5,0×3,9×1,1 см) с двумя боковыми острыми лезвиями и косым дистальным сечением (рис. 10, 11): правое вогнутое лезвие носит следы дорзальной ретуши, левое выпуклое – выделено с боков выемками-фасетками, а в основании с помощью бокового вогнутого сечения и двухсторонних фасеток оформлен лёгкий черешок; данное орудие вполне могло служить вкладышем в торец рукоятки составного режущего орудия. Другое черешковое изделие (4,8×2,7×0,6 см) имеет в верхней части конвергентно сходящиеся боковые острые лезвия, черешок оформлен косым сечением и вентральной ретушью (рис. 10, 3). У третьего изделия черешок едва намечен косым сечением в нижней части плоского удлинённого отщепа (5,3×3,2×0,4 см) и утончён двухсторонними фасетками (рис. 9, 4), оба

боковых края острые, дистальный конец наискось усечён. Ещё одно изделие отличается маленькими размерами (2,4×2,6×0,6 см), изготовлено из мелкого скола; основание-насад здесь утончено вентральной фасеткой, а оба боковых края ровные и острые и ограничены на верхних уголках небольшими косыми сечениями (рис. 10, 1). Пятое изделие изготовлено из короткого и плоского желобчатого отщепа и также с косым дистальным сечением и боковыми острыми краями (3,9×3,9×0,5 см), площадка отщепа здесь удалена дорзальными фасетками (рис. 10, 4). Шестое изделие (5,5×3,5×0,6 см) имеет один острый боковой край напротив сечёного угловатого края, на месте удалённой площадки вогнутым сечением и фасетками намечен черешок (рис. 10, 9). Последнее изделие данной группы (3,8×2,8×0,7 см) – короткое и подпрямоугольной формы, с сечёным основанием и дистальным узким поперечным (долотовидным) лезвием, приострэнным плоской вентральной фасеткой (рис. 10, 6).

Ещё одну группу составляют подтреугольные сечёные формы отщепов (3 шт.), среди которых наиболее выразительно симметричное маленькое (3,4×3,1×0,5 см) изделие (рис. 10, 8); два других изделия покрупнее, но также ровные и плоские в профиль и имеют острое лезвие в основании (рис. 10, 2, 5). Среди вкладышей имеется форма из отщепа с сечёным дистальным концом и натуральным боковым обушком напротив острого лезвия (4,1×2,6×0,6 см), у которого площадка удалена двухсторонними фасетками. Также имеется четыре маленьких укороченных сечения отщепов с острыми боковыми краями. Отметим также на-

личие изделия, изготовленного из небольшого бивентрального отщеп (3,5×3,1×0,6 см), один из краёв которого усечён небольшим сечением и выемкой-фасеткой (рис. 10, 7).

Отщепы и сколы – 24 шт. Здесь имеются целые отщепы (12 шт.), среди которых наиболее выразительны небольшой клетонский отщеп с гладкой толстой и скошенной площадкой (5,2×7,0×2,5 см) и укороченный желобчатый, брусковидный отщеп с широкой гладкой и скошенной площадкой, а также их фрагменты (8 шт.) и мелкие сколы (4 шт.).

Таков каменный инвентарь верхнего культурного горизонта памятника Экибастуз-4. Многие изделия, а также уже отмеченные выше технико-типологические черты и особенности здесь аналогичны инвентарю нижнего горизонта [Волошин, 2020]. Это объясняется, с одной стороны, общностью используемого и там и здесь кварцитового сырья, с другой стороны, безусловной культурной преемственностью между комплексами – последнее обстоятельство однозначно свидетельствует в пользу достаточно короткого разделяющего их временного интервала, в течение которого была отложена полутораметровая толща эоловой пылеватой супеси с криогенными образованиями. Здесь нужно иметь в виду и другое обстоятельство. Обитатели верхнего горизонта добывали кварцитовое сырьё из того же самого эоценового пласта, что и поселенцы, оставившие нижний горизонт артефактов, и для этого они были вынуждены проделывать в эоловой дюне узкие траншеи (одна из таких траншей зафиксирована в стенке нашей зачистки) – естественно, что вместе с блоками кварцита на поверхность должна была выбрасы-

ваться продукция нижнего горизонта, столь же «свежая», как тут же расщепляемый материал. Впрочем, на поверхностях нескольких артефактов из верхнего горизонта эти различия возраста всё-таки нашли своё отражение в виде едва заметной «суперпозиции фасов». Таким образом, не «чистый», а в какой-то степени смешанный характер инвентаря верхнего горизонта здесь вполне естественен. Это было смешение элементов разных этапов, в общем-то, одного и того же культурного пласта.

Последний характеризуется вполне определённо. В технике первичного расщепления – это сочетание ниже-среднепалеолитических приёмов и типов (площадочно-плоскостные нуклеусы, клетонские, пара-леваллуазские и черепаховидные приёмы расщепления) с позднепалеолитическими (краевые и клиновидные нуклеусы, техника пластин, использование посредника). Для продукции вторичного расщепления, орудийного набора – это значительное доминирование и невыразительность, аморфность орудий из отщепов, отсутствие или редкость среди изделий протяжённого ретушированного лезвия и, наоборот, выразительный «тейякский» компонент, интенсивная практика сечения заготовок приёмами широкого рассечения и локального тонкого сечения, отсутствие или редкость типичных позднепалеолитических форм орудий – скрёбел, остроконечников и острий, скребков, резцов. Пластинчатый набор орудий носит явно подчинённый характер. Наличие вкладышей из сечений отщепов и пластин, в том числе геометрических форм и с намеченным черешком в основании. Выразительны двухсторонне обработанные орудия

– клевцы листовидной и подтреугольной формы, ножи, а также бифасы, напоминающие известные ашельские формы.

Обсуждение

Аналоги для комплекса также определены. Это кварцитовые материалы стоянки-мастерской Дузоке-3 [Волошин, 2011], среди которых, как нам представляется, имеются самые ранние артефакты комплекса, а также Талдыозека-21 [Волошин, 1998] (оба памятника расположены восточнее Экибастуза – в районе Майкаина); более отдалённые аналогии – памятник Баршин-3 в Тенгизской степи [Волошин, 1982]. Особенно интересно сравнение материалов из верхнего горизонта Экибастуза-4 и Талдыозека-21. Последний памятник, будучи по типу узко локализованной «точкой», содержит по определению «чистый» материал и почти полностью кремневый (здесь есть только несколько артефактов из кварцита). Несмотря на это, по всем основным показателям, и даже до деталей, он сходен с Экибастузом-4 и, таким образом, не оставляет сомнений в специфичности всего культурного комплекса. Стратиграфическое положение обоих памятников также сходно. В Талдыозеке-21 артефакты залегали в эродированном сверху маломощном горизонте коричневатого бурого суглинка, заполняющего клиновидные трещины в нижележащих более светлых и карбонатизированных суглинках и супесях. Как и в Экибастузе-4, какая-то часть из них лежала непосредственно на поверхности этих последних, и с нижней поверхности эти артефакты были покрыты вследствие вытяжки солей плотной карбонатизированной корочкой.

Определение геологического возраста обоих памятников связано с уяснением положения в геохронологической шкале этого коричневатобурого горизонта (супеся или суглинка), достаточно хорошо представленного на многих памятниках среди сухостепных ландшафтов Левобережного Прииртышья. В Ангресоре-2, стратиграфия которого детальная и хорошо нам известна, этот горизонт покрывает делювиальные суглинки на склоне, а на днище ложбины формирует отдельную делювиально-пролювиальную ритмопачку (по нашему исчислению ритмопачку IV), которая линзами дресвы и щебня неявно делится на две части и перекрывает слоистые светлые карбонатизированные суглинки ритмопачки V, включающие две жилые поверхности финального палеолита (или раннего мезолита), и ниже – тонкую красноцветную прослойку. Выразительные криогенные образования, как и отдельные самые ранние каменные артефакты на этом памятнике, связаны с ещё более древней ритмопачкой VI.

На памятнике Шидерты-3, расположенном на поверхности первой надпойменной террасы речки и изученным В. К. Мерцем [2008], коричневатобурый горизонт сложен тяжёлыми суглинками и образует как бы переходную зону между верхней субэвальной частью отложений террасы, включающей три горизонта ископаемых почв и суглинка между ними, и нижней аллювиальной частью террасы, включающей две генерации клиновидных трещин и две тонких красноцветных прослойки. Насколько мне известно, здесь он отделён от нижней желтоватой глины тонкими песчано-дресвяными линзовидными

прослойками, а также разделён на две части: верхнюю часть, к основанию которой приурочен культурный слой 5, и нижнюю часть с двумя генерациями клиньев, в основании которой находится культурный слой 6.

Заключение

Исходя из приведенных наблюдений, можно предложить следующую хронологическую схему распределения памятников данного района:

1) самые ранние позднелитические материалы залегают в переотложенном состоянии в отложениях ритмопачки VI памятника Ангресор-2, отвечающих максимуму сарганского оледенения;

2) нижний культурный горизонт Экибастуз-4 соответствует базальной линзе ритмопачки V в Ангресоре-2 и грубообломочному аллювию первой надпойменной террасы речки

Шидерты, т.е. внутрисарганскому потеплению (18–17 тыс. л.н.);

3) две жилые поверхности позднего палеолита (раннего мезолита) в ритмопачке V Ангресора-2 соответствуют, вероятно, первому потеплению позднеледниковья (бёллинг или 14–13 тыс. л.н.);

4) памятник Талдыозек-21, культурный слой 6 Шидерты-3, верхний горизонт Экибастуза-4 (возможно, только артефакты из нижней части слоя 2), а также часть материала из ритмопачки IV в Ангресоре-2 соответствуют второму потеплению позднеледниковья (аллерёд или 12–11 тыс. л.н.);

5) верхняя часть слоя 2 (верхнего горизонта) Экибастуза-4 и культурный слой 5 Шидерты-3 – началу голоцена (пребореал или около 10 тыс. л.н.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Волошин В.С. Местонахождение каменного века Баршин 3 в Тенгизской степи // Вопросы археологии и этнографии Центрального Казахстана. Караганда: изд-во КарГУ, 1982. С. 42–57.

2. Волошин В.С. Памятник каменного века Талдыозек 21 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: изд-во АлтГУ, 1998. С. 47–50.

3. Волошин В.С. Палеолитическая стоянка-мастерская Дузоке-3 // Вопросы археологии Казахстана. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана; НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2011. Вып. 3. С. 199–211.

4. Волошин В.С. Нижний культурный горизонт памятника каменного века Экибастуз-4 // Қазақстан археологиясы. 2020. № 1 (7). С. 49–68.

5. Мерц В.К. Периодизация голоценовых комплексов Северного и Центрального Казахстана по материалам многослойной стоянки Шидерты 3: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово: КемГУ, 2008. 26 с.

Сведения об авторе:

Волошин Валерий Степанович – старший научный сотрудник, Филиал Института археологии им. А.Х. Маргулана (г. Нурсултан, Казахстан); voloshin49@list.ru

ЕКІБАСТҰЗ-4 ТАС ҒАСЫРЫ ЕСКЕРТКІШІНІҢ ТӨМЕНГІ МӘДЕНИ КӨКЖИЕГІ

В. С. Волошин

Мақалада 1988 ж. жоғарғы мәдени қабатын тазалау кезінде алынған Екібастұз-4 тас ғасыры ескерткішінің кварцитті жабдықтарының сипаттамасы беріледі. Өзіне тән ерекше түрлері бар өндіріс түрлерінің мынандай сипаттамасы беріледі: бастапқы

ыдырауда–жаңқалықтарды жарудың төменгі-ортапалеолиттік кәдісінің жәнетілімшелерді алудың жоғарыпалеолиттік әдістерінің үйлесуі, екінші реттегі ыдырауда – тейяктік құрамдасы, дайындауды қақ бөлу техникасын және жұмыс құралдары бөлшектерінің (элементтерін) комбинаторикасын кеңінен дамыту, жаңқалықтан жасалынған қосалқы саймандардың, сондай-ақ ірі және тұрпайы жарғыш құралдардың ерекше топтамасы. Ертis өңірінің Солтүстік жағалауындағы археологиялық ескерткіштерді ерте сарғандық мұзбасудан голоценнің басталуына дейін бөлудің хронологиялық сызбасы ұсынылған, оның ішінде Екібастұз-4 жоғарғы қабаты аллерёд-пребореалға (12–10 мың. ж.б.).

Түйін сөздер: археология, Екібастұз-4, ескерткіш, өндіріс, құрал, жұмысшы бөлшегі, қабат, кейінгі палеолит, техника

UPPER CULTURAL HORIZON OF THE STONE AGE MONUMENT EKIBASTUZ-4

V. S. Voloshin

The article gives a description of quartzite equipment from the upper cultural horizon of the Stone Age monument Ekibastuz-4, obtained in the process of cleaning in 1988. There is given a characteristic of specific type of the industry, which has some peculiar features: in primary splitting – a combination of lower middle palaeolithic techniques of cleaving of flakes and the upper palaeolithic methods of removal of plates, in secondary splitting – a Tayacian component, broad development of technology of section of preparations and combination theory of working parts (elements) of tools, a series of specific inset tools from flakes and also bilaterally processed tools. A chronological scheme of distribution of archaeological monuments of the left-bank Irtysh Land with age from the maximum of Sartan glaciation to the beginning of the Hologene is proposed, in which the upper horizon of Ekibastuz-4 refers to the Allerod-preboreal (12–10 thousand years ago).

Keywords: archaeology, Ekibastuz-4, monument, industry, tool, working part, layer, late palaeolithic, technique

REFERENCES

1. Voloshin, V. S. 1982. In *Voprosy arheologii i etnografii Centralnogo Kazakhstana (Questions of archeology and ethnography of Central Kazakhstan)*. Karaganda: Karaganda State University Publ., 42–57 (in Russian).
2. Voloshin, V. S. 1998. In *Sohranenie i izuchenie kulturnogo naslediya Altayskogo kraya (Preservation and study of the cultural heritage of the Altay region)*. Barnaul: Altay State University Publ., 47–50 (in Russian).
3. Voloshin, V. S. 2011. *Voprosy arheologii Kazakhstana (Questions of archeology of Kazakhstan)*, 3. Almaty: A.Kh. Margulan Institute of Archeology; “Begazy-Tasmola” Publ., 199–211 (in Russian).
4. Voloshin, V. S. 2020. *Kazakhstan archeology*, 1 (7), 49–68 (in Russian).
5. Merz, V. K. 2008. *Periodizatsiya golocenovykh kompleksov Severnogo i Centralnogo Kazakhstana po materialam mnogosloynoy stoyanki Shiderty 3 (Periodization of the Holocene complexes of Northern and Central Kazakhstan based on the materials of the multi-layered Shiderty 3 site)*: thesis of Cand. Hist. sciences. Kemerovo: Kemerovo State University Publ. (in Russian).

About the Author:

Voloshin Valery S. Senior Researcher, Branch of the A. Kh. Margulan Archeology Institute, Nur-Sultan, Kazakhstan; voloshin49@list.ru

Мүдделер қактығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қактығысының жоқтығын мәлімдейді.
/ Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
/ Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 30.04.2020.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 14.05.2020.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 28.05.2020.

**«ТОБОЛЬСКИЙ МЫСЛИТЕЛЬ»:
К ВОПРОСУ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОДНОГО
ИЗ АНТРОПОМОРФНЫХ СЮЖЕТОВ
ЭПОХИ ПАЛЕОМЕТАЛЛА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**

© 2020 г. И. Н. Швец

В статье анализируется антропоморфный персонаж, имеющий место в произведениях мелкой пластики и наскальном искусстве Центральной Азии, получивший условное название «Тобольский мыслитель». Автор привлекает новые аналогии данному сюжету в искусстве Средней Азии и Переднего Востока эпохи энеолита и ранней бронзы, а также обращается к вопросу этнокультурной и исторической интерпретации. Изображение людей в сидящей позе характерно для энеолитической антропоморфной пластики южных регионов Средней Азии и Переднего Востока. Широкий ареал данного образа показывает неоднозначность его семантики. Очевидно смысловое/семантическое многообразие сидящих антропоморфных фигур в искусстве палеометалла Центральной Азии. Природная естественность позы сидящего человека, компактность изображения сидящей фигуры, социальный (сиджу – властвую) и профессиональный контекст данной позы предполагает различные трактовки данных артефактов и сюжетов, несмотря на их иконографическую близость.

Ключевые слова: археология, Центральная Азия, мелкая пластика, антропоморфный сюжет, петроглифы, окуневская культура, колесной транспорт, возничий, печати Урука

Введение

Сюжет сидящего с поджатыми вверх коленями человека принадлежит к одному из редчайших в искусстве палеометалла Центральной Азии, нашедший свое воплощение не только в мелкой пластике, но и в наскальном искусстве. Подобные свидетельства сосуществования одного и того же образа в пластическом и изобразительном искусстве является большой редкостью в археологическом материале Центральной Азии эпох энеолита и бронзы.

Данная серия каменной антропоморфной пластики получила условное название «Тобольский мыслитель» в честь одной из первых скульптурок подобного типа, найденной близ г. Кустанай (современ-

ное название города – Костанай) (рис. 1, 3). Тобольская скульптурка человека, выполненная из песчаника, объединяет в себе наиболее характерные черты всех фигур этого типа – человек изображен сидя, большая голова выдвинута как бы вперед и немного вниз, фиксируется полное отсутствие шеи, руки согнуты в локтях и направлены параллельно вперед (рис. 1, 3–7, 10). Одна из казахстанских фигурок частично сохранила следы красной краски, т. е. была раскрашена в древности, вероятно, охрой [Новожинов, 2015, с. 314].

Коллекция каменных фигурок с поджатыми вверх коленями, найденная на территории Казахстана и Сибири, всегда вызывала интерес у исследователей и была довольно хо-

Рис. 1. Изображение антропоморфного персонажа в положении сидя: 1 – плита из мого. Черновая 8, Южная Сибирь; 2 – Знаменская стела, Южная Сибирь (по: [Новожинов, 2015, рис. 2]); 3–5 – Северный Казахстан; 6 – дер. Калы, Южная Сибирь; 7 – пос. Ботай, Северный Казахстан; 8–9 – Хоутайци, Китай (по: [Lie, 1996, S. 38 Abb. 1]); 10 – к. Черновая 11, Южная Сибирь; 11 – печать, Фарухабад-Тэпэ, Иран (по [Rashad, 1990, Taf. 42, 1101]); 12 – пос. Драма, Болгария (по: [Hansen, 2007, Taf. 338, 13]); 13–17 – цилиндрические печати, Урук, Ирак (по: [Boehmer, 1999, S. 115]). 1–7, 10 – по: [Новожинов, 2015, рис. 1–2]

Fig. 1. Image of an anthropomorphic personage sitting: 1 – Chernovaya 8, South Siberia; 2 – Znamenskaya stela, South Siberia; 3–5 – Northern Kazakhstan; 6 – Kaly, South Siberia; 7 – Botay, Northern Kazakhstan; 8–9 – Houtaizi, China (by: [Lie, 1996]); 10 – Chernovaya 11, South Siberia; 11 – seal, Tepe Faruhabad, Iran (by: [Rashad, 1990]); 12 – Drama, Bulgaria (by: [Hansen, 2007]); 13–17 – cylinder seals, Uruk, Irak (by: [Boehmer, 1999]). 1–7, 10 – by: [Novozhenov, 2015, Ill. 1–2]

рошо описана и проиллюстрирована в публикациях О. П. Ченченковой [2004] и В. А. Новоженова [2015].

Характеристика и анализ материала

В передаче лиц данной серии фигур большое значение придавалось изображению большого носа и больших глаз. Кроме этого древний мастер стремился четко выделить ноги, согнутые в коленях, ступни и элементы одежды (рис. 1, 3–7, 10). Одна из каменных сидящих скульптур окуневской культуры из кургана Черновая XI, Южная Сибирь, интерпретируется как женская, так как на груди у фигуры имеются два выступа (рис. 1, 10). Все остальные детали данной фигуры свидетельствуют, по мнению В. А. Новоженова [2015, с. 314], в пользу ее мужского облика. Ю. И. Михайлов предполагает, что сидящая статуэтка из кургана Черновая XI, Южная Сибирь, является региональной иммитацией «to the more perfect Kazakhstan examples». Наличие данного образа в искусстве Окуневской культуры он объясняет юго-западными контактами населения Южной Сибири [Michajlov, 2001, с. 20].

3. Самашев и Г. Джумабекова, анализируя образ сидящей фигурки, найденной близ г. Костанай, характеризовали черты её лица – огромные, запавшие глаза, выделяющийся заостренный подбородок и нос – как черты умершего человека. По их мнению, коллекция мелкой пластики в виде сидящих фигурок представляет без исключения мужские образы [Samašev, Žumabekova, 1996, p. 237].

Возможность видеть в этой скульптуре женскую статуэтку все же не стоит отбрасывать, так как она обладает определенным сходством с чер-

тами лиц так называемых костяных «куколок-божков» окуневской культуры из того же кургана Черновая XI, Южная Сибирь, женская идентификация которых однозначна [Вадецкая и др., 1980, табл. XXIV, 1–10].

Миниатюрные костяные и стеатитовые фигурки-головы, найденные в могильнике Черновая XI, Южная Сибирь, являющиеся «частями каких-то мягких, меховых, кожаных или тряпичных кукол» [Вадецкая и др., 1980, с. 71], как и серия антропоморфных портативных «жезлов-изваяний», приведенная в работе В. А. Новоженова [2015, рис. 6], имеют определенное сходство с сидящими статуэтками – удлиненное лицо, выступающий вперед подбородок, плоская голова (головной убор?). Данные женские образы костяных «куколок-божков» окуневской культуры, как и антропоморфная серия сидящих фигурок, являются натуралистичными и не имеют никаких фантастических элементов. Этот факт представляет особый интерес, так как многие мотивы искусства окуневской культуры представлены в зашифрованном виде.

У второй минусинской фигурки, поврежденной еще в древности, отломлен нос (рис. 1, б). При этом фигурка в своих деталях полностью соответствует рассматриваемой нами серии – сидячая поза, массивная голова, отсутствие шеи, согнутые в локтях руки. Пожалуй, эта фигурка также уступает в качестве изготовления «to the more perfect Kazakhstan examples». Сидячая статуэтка из поселения Ботай, Северный Казахстан, сохранилась фрагментарно (рис. 1, 7), но по ряду признаков также может быть отнесена к рассматриваемой категории антропоморфной пластики.

Наряду с портативными антропоморфными «жезлами-изваяниями» с территории Казахстана и Сибири и «куклами-божествами» из кургана Черновая XI, Южная Сибирь, еще одна необычная находка с поселения Саразм, Таджикистан, [Шкода, 1992; 1997] имеет иконографическую общность с рассматриваемой нами серией антропоморфной пластики. Речь идет о сосуде из порфирита с человеческой личиной [Новоженков, 2015, рис. 3], черты которой полностью повторяют черты лиц лучших казахстанских образцов сидящих фигурок.

Еще более редким является изображение сидящих антропоморфных фигур в петроглифах эпохи палеометалла. Большинство антропоморфных фигур в наскальном искусстве показаны стоя в полный рост. Иногда древним художникам удавалось передать определенную динамику в изображении человека. Это происходило путем сочетания двух манер изображения – профильной (торс) и в фас (ноги). Динамику антропоморфному персонажу придавал также контекст композиции и определенное положение рук и ног в изображении человека. Именно за счет этого были выделены в сюжетах наскального искусства такие персонажи как адоранты и танцующие.

На одном из обломков плиты окуневского могильника Черновая VIII, Южная Сибирь, были открыты схематичные рисунки двух сидящих людей. Головы и ноги антропоморфных даны в профиль, туловище – в фас, без шеи, с поднятыми вверх коленями [Вадецкая и др., 1980, с. 69]. Э. Б. Вадецкая отметила важную особенность, что «в аналогичных позах, как бы поджав коле-

ни, сидят также окуневские хищники на писаницах и на плите тагарского могильника Черновая IX. Сама поза хищников, ее полное соответствие с позой человечков Черновой VIII свидетельствуют, что перед нами не звери, а люди в звериных наголовниках» [Вадецкая и др., 1980, с. 69]. Кроме сидящей позы эти фигуры объединяет позиция рук, вытянутых вперед и вверх, и знак в виде креста на груди [Вадецкая и др., 1980, рис. 12, 3] (рис. 1, 1).

Иконография схематичных как бы сидящих фигур на одной из плит могильника Черновая VIII, Южная Сибирь, аналогична иконографии возникшего на Знаменской стеле окуневской культуры [Leont'ev, Karel'ko, 2002, таб. 27, 74]. Возничий, управляющий фургоном, изображен сидя и в профиль, с вытянутыми вперед и вверх руками (рис. 1, 2).

Среди недавно открытых петроглифов Кулжабасы (Жетысу) имеется изображение повозки, запряженной быками. На платформе показаны двое сидящих возничих [Байпаков, Марьяшев, 2004]. Фигуры изображены в профиль, одна за другой, ноги согнуты в коленях, руки направлены вперед [Новоженков, 2015, рис. 2, 3].

Сходство в исполнении двух антропоморфных фигур в сидящей позе на плите окуневского могильника Черновая VIII, Южная Сибирь, возникшего на Знаменской стеле окуневской культуры, а также двух возничих в петроглифах Кулжабасы с коллекцией каменных сидящих антропоморфных статуэток с территории Казахстана и Сибири, позволили ряду авторов сделать предположение, что данная серия каменных статуэток является фигурками возничих (подробнее см.: [Новоженков, 2015, с. 316]).

Изображение людей в сидящей позе более характерно для энеолитической антропоморфной пластики южных регионов Центральной и Средней Азии. По мнению Е. В. Антоновой, 90% всех фигурок человека периода Намазга II и Намазга III, найденных на памятниках Южного Туркменистана, изображены сидя. Женские статуэтки в сидящей позе она интерпретирует как изображение рожениц [Антонова, 1978, с. 7]. Доминирование данного типа скульптур она объясняет более «пассивным» земледельческим образом жизни [Антонова, 1978, с. 8]. Подобная поза женских статуэток могла иметь, по мнению исследователей, и прагматичный характер. Некоторые из этих фигурок были найдены в ритуальных нишах домов эпохи энеолита Южного Туркменистана. Компактная поза сидящих статуэток могла способствовать более удобному их размещению в ритуальных нишах. Большинство из них могли иметь какие-то дополнительные функции, для чего служили сквозные отверстия в головах многих фигур [Шишкин, 1981, с. 60].

Интерес к данному образу антропоморфной пластики и наскального искусства вызван, прежде всего, необычностью передачи позы человека и реалистичностью подачи изображения. Подобная манера характерна не только для территории Сибири, Казахстана и Средней Азии. Так, в провинции Хэбэй в Китае были найдены шесть женских каменных скульптур, датируемых V тыс. до н.э. [Lie, 1996, p. 38, fig. 1] (рис. 1, 8–9). Самая крупная из этих фигурок (34 см) изображает беременную женщину в положении сидя. У скульпту-

ры выделен округлый живот и грудь (рис. 1, 9). В своей иконографии фигура напоминает казахстанские и южносибирские образцы.

Изображение человека сидя характерно не только для мелкой пластики Средней Азии эпохи энеолита, но и для Южной Европы. Так, среди многочисленных глиняных фигурок с энеолитического поселения Драма (Болгария) выделяется одна, получившая название «Мыслитель» (рис. 1, 12). Речь идет о фигурке человека, который изображен сидя, ноги плотно согнуты в коленях, одна рука охватывает колени, другая подпирает подбородок. Данная антропоморфная статуэтка датируется эпохой энеолита, Каранова VI (ca. 4500–4000 до н.э.) [Hansen, 2007, с. 240, табл. 338, 13].

М. Рашад публикует в работе, посвященной развитию печатей урукского периода на территории современного Ирана, две печати из мрамора (или амулеты в форме печати (?)), на которых изображен, по мнению автора, человек или обезьяна, сидящая на корточках и охватившая голову руками (рис. 1, 11) [Rashad, 1990, табл. 42, 1101; 34, 2]. Автор, к сожалению, не даёт более детального описания этих находок и датирует их Джемдэт-Наср периодом (3100–2900 гг. до н.э.). Фигура человека или обезьяны изображена в профиль и по своей иконографии очень близка сидящим антропоморфным фигуркам из Казахстана и Южной Сибири.

В книге Р. Бёмера приводятся ранние экземпляры цилиндрических печатей урукского периода, найденные при раскопках городища Урук, расположенного на юге современного Ирака [Boehmer, 1999]. Многие из них сохранились только фрагментар-

но. Среди них присутствуют образцы, на которых изображен человек сидя, с руками согнутыми в локте и направленными вперед и вверх (рис. 1, 13–17). Данные образцы цилиндрических печатей датируются серединой урукского периода (3800–3400 гг. до н.э.) [Boehmer, 1999, с. 115]. Фигуры людей изображены в профиль и иконографически очень близки профильным антропоморфным фигурам, изображенным сидя, на плите окуневского могильника Черновая VIII, Южная Сибирь, возникшего на Знаменской стеле окуневской культуры, а также двух возникших в петроглифах Кулжабасы. Изображение людей в сидящей позе на цилиндрических печатях Урука наделены рядом деталей и показаны в различных сценах. Качество публикации находок и отсутствие сопутствующей к ним информации затрудняет делать какие-либо выводы по изображенным сюжетам на печатях.

Заключение

Подводя итог анализу представленного в статье материала, необходимо отметить популярность данного образа в искусстве эпохи палеометалла Центральной Азии, выполненного при помощи различных материалов – из камня, кости, глины, мрамора или же в виде выбитого рисунка на плите/скале. Данный сюжет представлен в искусстве этого времени как «целостно», так и по принципу *pars pro toto* – личина на сосуде с поселения Саразм (Таджикистан). Можно также предположить, что сидящие фигурки на плите из могильника Черновая VIII (Южная Сибирь) были еще не закончены.

Очевидно смысловое/семантическое многообразие сидящих ан-

тропоморфных фигур в искусстве палеометалла Центральной Азии. Природная данность позы сидящего человека, компактность изображения сидящей фигуры человека, социальный («восседающий») и профессиональный (возничий) контекст данной позы предполагает различные трактовки данных артефактов и сюжетов, несмотря на их иконографическую близость. В этом смысле неправильно было бы все антропоморфные фигуры, изображенные сидя, интерпретировать как возникших. Так, рассматриваемая нами коллекция мелкой пластики с территории Казахстана и Сибири имеет, на наш взгляд, больше общего с мелкой пластикой Средней и Передней Азии. Данные антропоморфные изображения в сидящей позе возможно интерпретировать как фигурки/куклы (?) – божество для ритуальных ниш.

Широкий ареал данного образа и появление его в различных смысловых контекстах не облегчает его анализ, но одновременно показывает неоднозначность его семантики. Предложенный материал демонстрирует функциональное многообразие данного сюжета как определенного изобразительного канона в эпоху палеометалла, который мог выступать как в роли фигуры возникшего, «ряженного», беременной женщины, так и в роли печати-амулета, «куколки-божества», антропоморфного жезла или ритуального сосуда, т.е. выполнять функции оберега.

Хронологическая атрибуция предложенной к рассмотрению коллекции мелкой пластики и наскальных рисунков на территории Казахстана и Южной Сибири второй половиной III тыс. – рубежом III–II тыс.

до н.э. аргументированно доказана в работе В. А. Новоженова [2015], с которой автор данной статьи полностью согласен. Наличие общих канонов в мире художественных образов эпохи палеометалла на огромной территории Казахстана и Южной Сибири, их

иконографическое родство с сюжетами Передней Азии свидетельствует о наличии тесных экономических и культурных связей данных регионов, что повлияло на формирование общего визуального языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонова Е.В. К вопросу о значении поз антропоморфных изображений дописьменной эпохи (Передняя и Средняя Азия) // Древность и средневековье народов Средней Азии (история и культура). М.: Наука, 1978. С. 5–16.
2. Байпаков К.М., Марьяшев А.Н. Петроглифы в горах Кульжабасы. Алматы: Print-S, 2004. 22 с. 88 илл.
3. Boehmer R.M. Uruk. Früheste Siegelabrollungen // Ausgrabungen in Uruk-Warka. Endberichte; 24. Mainz: von Zabern. 1999. 104 S.
4. Вадецкая Э.Б., Леонтьев Н.В., Максименков Г.А. Памятники окуневской культуры. Л.: Наука, 1980. 147 с.
5. Leont'ev N.V., Kapel'ko V.F. Steinstelen der Okunev-Kultur. Archäologie in Eurasien 13. Mainz: von Zabern, 2002. 110 S.
6. Lie Chen. Der Ahnenkult im alten China // Das alte China. Menschen und Götter im Reich der Mitte, 5000 v. Chr. - 220 n. Zürich: Kunsthau, 1996. P. 34–42.
7. Mikhailov Y.I. Genre Subject in the Petroglyphs and Portable Art of the Okunevo Culture // Вестник САИПИ. 4, 2001. С. 18–20.
8. Новоженов В.А. К вопросу об этнокультурной интерпретации коллекции антропоморфной пластики из памятников Центральной Азии второй половины 3 тысячелетия до н.э. // Древний Тургай и Великая Степь: часть и целое. Сб. научн. ст., посвящ. 70-летию юбилею В.Н. Логвина. Костанай; Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2015. С. 314–331.
9. Rashad M. Die Entwicklung der vor- und frühgeschichtlichen Stempelsiegel im Iran: im Vergleich mit Mesopotamien, Syrien und Kleinasien - von ihren Anfängen bis zum Beginn des 3. Jahrtausends v. Chr. Berlin: Reimer, 1990. 303 s.
10. Samašev Z., Žumabekova G. Spätbronzezeitliche Waffen aus Kasachstan // Eurasia Antiqua. 1996. Bd. 2. S. 229–241.
11. Svend H. Bilder vom Menschen der Steinzeit. Archäologie in Eurasien; 20. Bd 2. Mainz: von Zabern, 2007. 532 s.
12. Ченченкова О.П. Каменная скульптура лесостепной Азии эпохи палеометалла III–I тыс. до н.э. Екатеринбург: Тезис, 2004. 336 с.
13. Шишкин И.Б. У стен великой Намазги. М.: Наука, 1981. 189 с.
14. Шкода В.Г. К вопросу о северных связях Саразма // Северная Евразия от древности до средневековья: тез. конф. к 90-летию М.П. Грязнова. СПб.: ГосЭрмитаж, 1992. Т. 2. С. 57–59.
15. Шкода В.Г. Две каменные скульптуры палеометалла // СГЭ. 1997. С. 48–51.

Сведения об авторе:

Швец Ирина Николаевна – кандидат исторических наук, доктор археологии Германии (Хайделберг), независимый исследователь, преподаватель археологии в школах для одаренных детей (Германия), основатель педагогического центра «Занимательная археология для детей» (Хайделберг, Германия); schwezi@mail.ru

«ТОБЫЛ ОЙШЫЛЫ»: ОРТАЛЫҚ АЗИЯ ПАЛЕОМЕТАЛ ДӘУІРІНІҢ
АНТРОПОМОРФТЫҚ СЮЖЕТТЕРІНІҢ БІРІН
ИНТЕРПРЕТАЦИЯЛАУ МӘСЕЛЕСІНЕ

И. Н. Швец

Мақалада Орталық Азия ұсақ пластика мен жартас өнері шығармашылығында «Тобыл ойшылы» деген шартты атауға ие болған антропоморфтық кейіпкер талданады. Автор энеолит пен ерте қола дәуіріндегі Орталық Азия мен Алдыңғы Шығыс өнеріндегі осы бір сюжетке жаңа үйлестікте назар аударады, сондай-ақ этномәдени және тарихи интерпретация мәселесіне жүгінеді. Жүрелеп отырған адам сұлбасының кескіні Орталық Азия мен Алдыңғы Шығыстың оңтүстік аймақтарының энеолиттік антропоморфтық пластикаларына тән. Осы образдың кең таралуы оның мағынасының күрделілігін көрсетеді. Сірә, Орталық Азия палеометал өнеріндегі отырған антропоморфтық тұлғалардың мағыналық/семантикалық мағынасы сан алуан. Отырған адам сұлбасының табиғи жаратылысы, отырған сұлба кескінінің жинақылығы, берілген кейіптің әлеуметтік (отырмын – билеймін) және кәсіби мәнмәтіні, олардың иконографиялық жақындықтарына қарамастан, аталған артефактілер мен сюжеттердің әртүрлі түсіндірілуін болжамдайды.

Түйін сөздер: археология, Орталық Азия, ұсақ пластика, антропоморфтық сюжет, петроглифтер, окунев мәдениеті, дөңгелекті көлік, арбакеш, Урук мөрлері

«TOBOLSKY THINKER»: ABOUT INTERPRETATION
OF ONE ANTHROPOMORPHOUS PERSONAGE IN THE ART
OF CENTRAL ASIA IN THE ENEOLITHIC AND BRONZE AGES

I. N. Shvets

The article is devoted to the anthropomorphic personage of small plastic art and rock art of Central Asia, which received the provisional name “Tobolsky thinker”. The author draws attention to new analogies of this anthropomorphic personage in the art of the Central and Middle East of the Eneolithic and Early Bronze Age, and also addresses the issue of ethnocultural and historical interpretation of this rare plot. The presentation of people in a sitting pose is typical of the eneolithic anthropomorphic plastics of the southern regions of Central Asia. The wide range of this image shows the ambiguity of its semantics. It is obvious that the purpose of sitting anthropomorphic figures in the art of the Eneolithic and Bronze Ages of Central Asia was varied. The naturalness of the pose of a sitting person, the compactness of the image of a sitting figure, the hierarchical and professional context of this pose implies different interpretations of these artifacts despite their iconographic similarity.

Keywords: archaeology, Central Asia, Middle East, small sculptures, anthropomorphic figure, petroglyphs, Okunev-culture, wheel transport, charioteer, seals of Uruk

REFERENCES

1. Antonova, Ye. V. 1978. In *Drevnost i srednevekoviyе narodov Sredney Azii (istoriya i kultura) (To the question of the significance of poses of anthropomorphic images of the preliterate era (Middle East and Central Asia))*. Moscow: „Nauka“ Publ., 5–16 (in Russian).
2. Baipakov, K. M., Maryashev, A. N. 2004. *Petroglify v gorakh Kulzhabasy (Petroglyphs in the Kulzhabasy mountains)*. Almaty: „Print-S“ Publ. (in Russian).
3. Boehmer, R. M. 1999. In *Ausgrabungen in Uruk-Warka*. Endberichte; 24. Mainz: von Zabern (in German).
4. Vadetskaya, E. B., Leontiyev, N. V., Maksimenkov, G. A. 1980. *Pamyatniki okunevskoy kulturey (Monuments of Okunev culture)*. Leningrad: „Nauka“ Publ. (in Russian).

5. Leont'ev, N. V., Kapel'ko, V. F. 2002. *Steinstelen der Okunev-Kultur*. Archäologie in Eurasien 13. Mainz: von Zabern (in German).
6. Lie, Chen. 1996. In *Das alte China. Menschen und Götter im Reich der Mitte, 5000 v. Chr. - 220 n. Zürich*: Kunsthaus, 34–42 (in German).
7. Mikhailov, Y. I. 2001. In *Vestnik Sibirskoy assotsiatsii issledovateley pervobytnogo iskusstva (Bulletin of Siberian Association of Primitive Art Researchers)*, 4, 18–20 (in English).
8. Novozhenov, V. A. 2015. In Beisenov, A. Z. (Ed.). *Drevniy Turgay i Velikaya Step: chast i tseloye (Ancient Turgay and Great Speppe: part and whole)*. Kostanay; Almaty: A.Kh. Margulan Institute of Archeology, 314–331 (in Russian).
9. Rashad, M. 1990. *Die Entwicklung der vor- und frühgeschichtlichen Stempelsiegel im Iran: im Vergleich mit Mesopotamien, Syrien und Kleinasien - von ihren Anfängen bis zum Beginn des 3. Jahrtausends v. Chr.* Berlin: Reimer (in German).
10. Samašev, Z., Žumabekova, G. 1996. In *Eurasia Antiqua*, Bd. 2, 229–241 (in German).
11. Svend, H. 2007. *Bilder vom Menschen der Steinzeit*. Archäologie in Eurasien; 20. Bd 2. Mainz: von Zabern (in German).
12. Chenchenkova, O. P. 2004. *Kamennaya skulptura lesostepnoy Azii epokhi paleometalla III–I tys. do n.e. (Stone sculpture of forest-steppe Asia of the Paleo-metal era of the III-I millennium BC)*. Yekaterinburg: „Tezis“ Publ. (in Russian).
13. Shishkin, I. B. 1981. *U sten velikoy Namazgi (At the walls of the great Namazga)*. Moscow: „Nauka“ (in Russian).
14. Shkoda, V. G. 1992. In Piotrovskiy, Yu. Yu. (Ed.). *Severnaya Yevraziya ot drevnosti do srednevekoviya (Eurasian Steppes of Antiquity and the Early Middle Ages)*, 2. Saint Petersburg: State Hermitazhe Museum, 57–59 (in Russian).
15. Shkoda, V. G. 1997. In *Soobshcheniya GosErmitazha (Reports of State Hermitage)*, 48–51 (in Russian).

About the Author:

Shvets Irina N. Candidate of Historical Sciences (Kazakhstan), Dr. Phil. Germany (Heidelberg), Independent researcher, teacher of archeology at schools for gifted children (Germany), founder of the pedagogical center “Living archaeology for children”, Heidelberg, Germany; schwezi@mail.ru

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді.
/ Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
/ Disclosure of conflict of interest information. The author claim no conflict of interest.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 12.05.2020.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 21.05.2020.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 31.05.2020.

ДРЕВНЕТЮРКСКИЕ ОГРАДЫ АКБАУЫР

© 2020 г. Е. А. Дмитриев, А. И. Кукушкин, И. А. Кукушкин

Малочисленность исследованных раннесредневековых памятников в Центральном Казахстане актуализирует интерес к каждому новому изученному комплексу. Древнетюркские ограды Акбауыр (Шетский р-н, Карагандинская обл.) представляли собой вытянутый дугой комплекс из шести сооружений кудыргинского и яконурского типов. Определенный интерес вызывает миниатюрный каменный ящик в ограде № 3. Подобные объекты являются отличительной особенностью ранней группы древнетюркских комплексов Алтая и продолжают традицию булан-кобинской культуры. Подтверждает культурную принадлежность оград Акбауыр иконографический облик поясного антропоморфного изваяния. Первые успехи в изучении хуннских комплексов Центрального Казахстана открывают новые возможности для уточнения нижней хронологической границы древнетюркских памятников региона, которая может быть определена второй половиной VI в., учитывая сопоставимость данных радиоуглеродного анализа и исторических свидетельств. Противоположная ситуация сложилась с верхней границей, которая остается гипотетичной и основывается на исчезновении традиции возведения четырехугольных оград у кыпчакских племен. Во всяком случае, на сопредельных территориях, по мнению ряда исследователей, она ограничена X в.

Ключевые слова: археология, Центральный Казахстан, Средневековье, древнетюркская эпоха, четырехугольные ограды, антропоморфное изваяние

Введение

Степень изученности древнетюркских памятников Центрального Казахстана конкретизирована довольно четко [Касенова, 2019; Дмитриев, Жусупов, 2018, с. 144], что позволяет избежать в рамках данной статьи излишне «раздутой» историографической преамбулы. Однако в последнее время появились и новые материалы, дополняющие базу источников о раннесредневековой истории региона.

В 2018 г. были опубликованы результаты изучения комплекса Кабантау, расположенного в долине реки Атасу, где раскопана цепочка из шести многоплитных оград, в которых обнаружены бронзовая пряжка с железным язычком, железная пластина с отверстиями и фрагментирован-

ные кости животного [Бейсенов и др., 2018].

Масштабные работы проведены экспедицией Сарыаркинского археологического института под эгидой Международной тюркской академии на двух памятниках древнетюркского времени, расположенных в предгорьях Едирея, на северо-востоке Каркаралинского района [Кукушкин и др., 2019а; 2019б]. На святилище Ащекен Сораны сплошным раскопом охвачены цепочка из восьми оград различной формы, шесть каменных курганов с попарно соединенными насыпями, содержавших подквадратные ограждения, а также курган с отходящей в восточном направлении каменной выкладкой. Кульново-ритуальный характер комплекса подтверждается

отсутствием захоронений и объясняет малочисленность обнаруженных предметов, представленных фрагментами бронзовых застёжки, ножа и стержневидного псаля, а также железным наконечником стрелы.

Более значительный материал получен на могильнике Кетабан, где исследованы два захоронения лошадей в оградах, перекрытых спаренной каменной насыпью. Сопроводительный инвентарь состоит из двух железных петельчатых стремян, фрагментов удила, подпругной пряжки, колчанного крючка, а также наконечника стрелы.

Таким образом, необходимо отметить, что в последние годы наметилась положительная тенденция в области изучения погребальных и поминальных раннесредневековых памятников Центрального Казахстана. Однако накопленные материалы все же малочисленны и без систематических исследований позитивных сдвигов в ближайшие годы не предвидится, а этап первичного накопления данных может продлиться еще не одно десятилетие.

Материалы исследования

В данной статье публикуются результаты раскопок древнетюркских оград Акбауыр, проводившихся в 2019 г. экспедицией САИ при КарГУ им. академика Е. А. Букетова. Памятник находится в Шетском районе Карагандинской области, в 8,5 км северо-западнее одноименного

поселка, в 4,5 км к ВЮВ от пос. Байбала, в 0,8 км южнее реки Талды и занимает относительно ровную площадку у северного подножия горы Коньрыкзылтау (рис. 1).

Сооружения, составлявшие комплекс древнетюркского времени, вытянуты дугой с севера на юг-юго-восток. Уже до начала вскрышных работ установлено, что ограды имели существенные разрушения – часть плит завалилась или отсутствовала, каменная забутовка большей частью разбросана по периметру построек, а в сооружении № 4 наблюдалась современная грабительская воронка.

На объекте, состоящем из шести компактно расположенных оград, был разбит сплошной раскоп, подчиненный дугообразной конфигурации комплекса (рис. 2).

Сооружение № 1 представляло собой шестиплитную ограду подквадратной формы размерами 2×1,9 м, высотой до 0,6 м, стенки которой вертикально врыты в материковый грунт и имели некоторый наклон наружу. Необходимо подчеркнуть, что

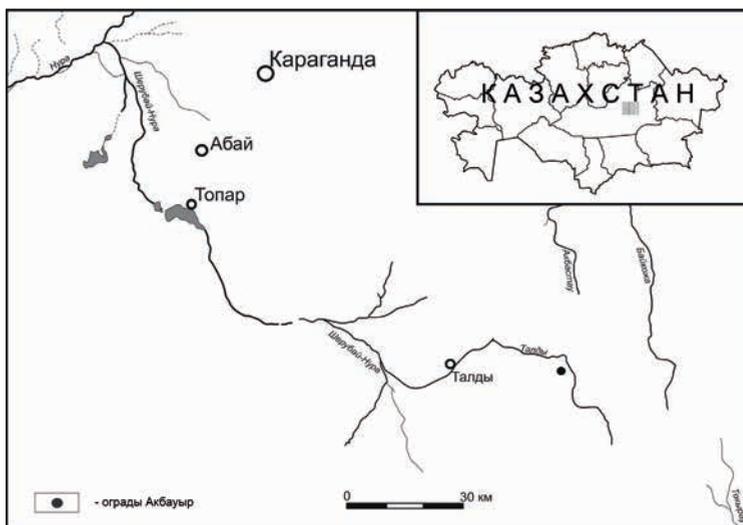

Рис. 1. Карта местонахождения оград Акбауыр.
Выполнил Е. А. Дмитриев

Fig. 1. Map of the location of the fences of Akbaury.
Map by E. A. Dmitriev

западная и южная стенки на момент раскопок состояли из четырех плит, которые, видимо, первоначально являлись цельными, т.е. комплекс, имел четырехплитную конфигурацию. Ориентировано сооружение стенками по сторонам света. Внутриградное пространство было заполнено камнями вперемешку с землей. После выборки заполнения каких-либо дополнительных внутренних структур не обнаружено.

Сооружение № 2 – шестиплитная ограда подквадратной в плане формы, размерами 2×1,9 м, ориентированная стенками, с некоторым отклонением, по сторонам света. Высота ограды достигала 0,5 м. Часть стенок, сложенных из двух плит, представляла собой треснувшие цельные плиты. Внутриградное пространство заполнено камнями вперемешку с землей. После выборки заполнения на уровне материка была зафиксирована овальная яма диаметром 0,3 м, глубиной до 0,1 м, в которой находились две вертикально вкопанные плитки размерами 0,1×0,03–0,09×0,15 м, а заполнение представляло собой углистый грунт черного цвета. Северо-восточнее ямы № 1 зафиксирована вторая (№ 2), аналогичной формы, диаметром 0,4 м, глубиной до 0,1 м, с идентичным заполнением.

Сооружение № 3 – ограда подпрямоугольной в плане формы размерами 1,9×1,7 м, ориентированная по линии ССЗ–ЮЮВ, состояла на момент раскопок из трех плит (юго-восточная стенка отсутствовала), врытых на ребро в материковый грунт (рис. 3). Высота стенок достигала 0,6 м. У северо-северо-западной стенки зафиксирована небольшая каменная плитка. Внутриградное заполнение состояло из камней и грунта. После выборки забутовки в центральной части ограды был расчищен частично сохранившийся наземный каменный ящик, состоявший из вертикально

поставленных плиток, имевший приблизительные размеры 0,8×0,6 м, высотой до 0,35 м, заполнение которого представляло собой углистый грунт черного цвета.

Сооружение № 4. Имело современную грабительскую воронку, которая была заглублена в материк на 0,1 м. Полностью сохранились лишь северо-восточная и северо-западная стенки, достигавшие 0,7 м в высоту. Каменная забутовка практически полностью отсутствовала. В процессе вскрышных работ обнаружено обломленное основание юго-юго-восточной стенки ограды. Предположительно, сооружение имело подпрямоугольную в плане форму, размерами 1,9×1,7 м и было ориентировано по оси СВ–ЮЗ.

Сооружение № 5 – четырехплитная ограда подпрямоугольной в плане формы, размерами 1,5×1,4 м, ориентированная углами по сторонам света. Юго-юго-восточная часть постройки имела общую с сооружением № 6 стенку. Внутриградное пространство было заполнено камнями и грунтом. Плиты, высотой до 0,43 м, установленные вертикально на материковый слой, частично завалились наружу. Находок не обнаружено.

Сооружение № 6 – самая крупная ограда, возможно, давшая начало для устройства остальной части комплекса, представляла собой четырехплитную конструкцию, стенки которой были установлены вертикально. Она имела подпрямоугольную в плане форму, размерами 2,4×1,95 м и была ориентирована длинной осью по линии ССЗ–ЮЮВ. Высота плит достигала 0,6 м. Необходимо отметить, что юго-восточная стенка завалилась наружу, а часть юго-западной, в свою очередь, отсутствовала. Внутриградное пространство было заполнено камнями вперемешку с грунтом на высоту 0,3–0,4 м от уровня материка. После выборки заполнения сооруже-

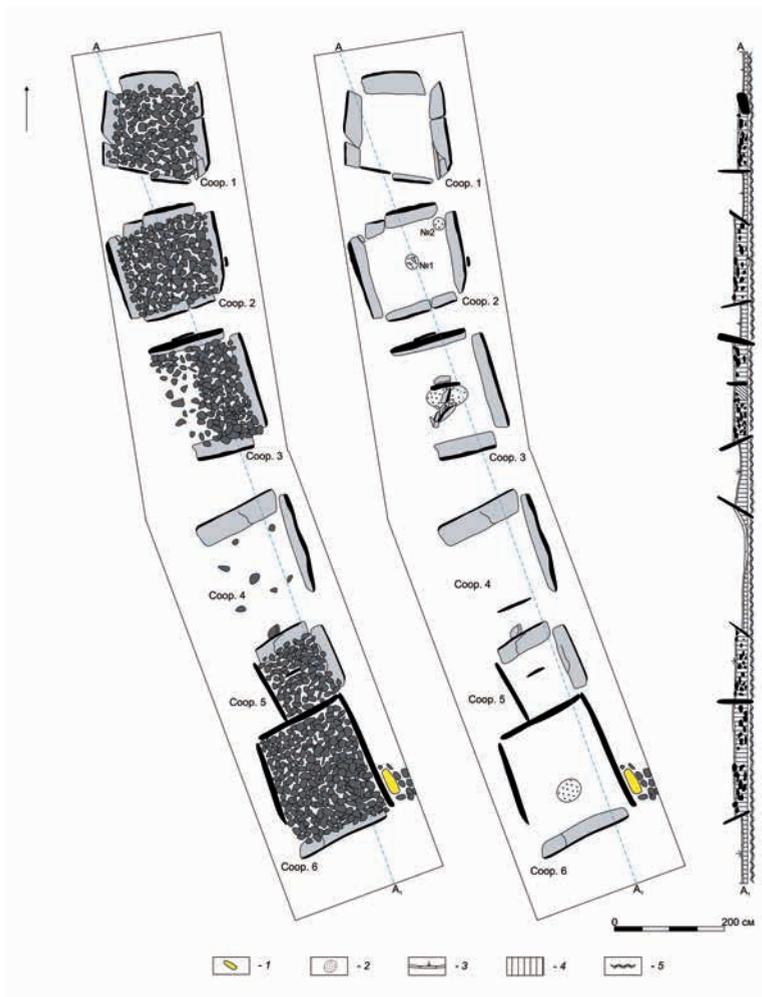

Рис. 2. План и профиль исследованных сооружений: 1 – изваяние; 2 – ямки с углистым заполнением; 3 – дерн; 4 – грунт коричневого цвета; 5 – материк.
Выполнил Е. А. Дмитриев

Fig. 2. The plan and profile of the investigated structures: 1 – sculpture; 2 – pits with carbonaceous filling; 3 – turf; 4 – brown soil; 5 – the mainland. Plan by E. A. Dmitriev

ния, в центральной части, на уровне материка выявлено углубление округлой в плане формы, диаметром до 0,3 м, глубиной до 0,15 м, заполненное углистым грунтом черного цвета.

У восточной стенки ограды зафиксировано вкопанное гранитное поясное изваяние (рис. 4). Верх головы скруглен. Надбровные дуги отсутствуют. Глаза миндалевидные. Нос выполнен схематично. Усы плавно изогнуты. Рот слабо читаем, показан

углублением. Подбородок заострен. Шея четко обозначена. Руки не детализированы, согнуты под прямым углом. Правая рука удерживает на уровне груди едва заметный кубок, между которым и шеей углублением оконтурен нагрудник. На боковой правой грани показано ухо, возможно, с серьгой. Размеры: 1,4×0,45×0,25 м.

Под камнями, укрепляющими основание изваяния, обнаружен железный гвоздь длиной 10,4 см, имев-

*Рис. 3. Расчищенные остатки каменного ящичка в сооружении № 3.
Фото А. И. Кукушкина*

*Fig. 3. Cleared remains of a stone box in building No. 3.
Photo by A. I. Kukushkin*

ший заостренный четырехгранный (квадратный в сечении со сторонами до 0,6 см) в нижней и округлый (диаметр сечения 0,7 см) в верхней части стержень. Шляпка перпендикулярна оси изделия, овальная в плане, размерами 2,6×2,4 см. На некотором расстоянии от изваяния зафиксированы поваленные и обломленные у основания балбалы. По окончании исследования комплекса была выполнена его реставрация (рис. 5).

Анализ и обсуждение материала

Все исследованные оградки Акбауыр представляют собой четырехплитные постройки с каменно-земляным заполнением внутреннего пространства. Сооружения № 5 и 6 – смежные оградки, сооружения № 1–4 – рядом стоящие, т.е. согласно В. Д. Кубареву – кудыргинского и яконурского типов соответственно [Кубарев, 1984, с. 50]. Необходимо отметить, что напротив оград № 1–4 отсутствовали внеоградные объекты, но, несмотря на определенные предостережения автора классификации [Кубарев, 2001, с. 27], мы позволим

себе такую условную трактовку. Расположение комплекса дугообразной цепочкой аналогично изученному «ансамблю» многоплитных оградок яконурского типа Кабантау [Бейсенов и др., 2018, рис. 8].

Одной из отличительных особенностей оград Акбауыр является наличие наземного каменного ящичка с углестым заполнением в сооружении № 3, что было зафиксировано впервые в Центральном Казахстане. Не исключено, что они имелись и в других оградках, на что указывали от-

дельные находки довольно широких плоских плиток, однако, существенное разрушение комплекса не позволяет говорить об этом однозначно. По мнению А. А. Тишкина и Н. Н. Серегина, наличие небольших ящичков в пределах оград является одной из отличительных особенностей ранней группы древнетюркских комплексов [Тишкин, Серегин, 2013, с. 77].

Сооружение № 5 выделяется на общем фоне довольно малыми размерами. Подобные небольшие оградки воспринимаются некоторыми исследователями в качестве «детских» [Кубарев, 2011, с. 234]. В двух сооружениях (№ 2 и 6) выявлены устроенные в материке ямки с углестым заполнением, диаметром 0,3–0,4 м, глубиной 0,1–0,15 м. Причем в ограде № 2 ямка содержала две вертикально установленные каменные плитки.

Зафиксированное поясное изваяние отличается довольно хорошей детализацией (изображение лица, уха, нагрудного доспеха, кубка, обозначена поза). Его иконографический облик, бесспорно, соотносим с древнетюркской традицией. Об этом

свидетельствуют каноническая поза с кубком в одной руке, а также ряд других признаков [Ермоленко, 2004, с. 16–17].

Вопросы назначения оград, семантики изваяний и балбалов, несмотря на выработку доминирующей модели интерпретации, периодически приводят к появлению нетривиальных гипотез. Думается, в рамках данной статьи будет не лишним вспомнить некоторые аспекты историографии этой проблематики, которые в наиболее концентрированном виде изложены в работе В. Е. Войтова «Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв.» [1996].

По наиболее распространенным представлениям древнетюркские ограды имеют поминальное назначение. Однако нельзя не отметить альтернативную гипотезу об их, во всяком случае, частично погребальной принадлежности. Основываясь на документальных источниках, Л. П. Потапов предположил, что оградки могли служить в качестве места ритуального сожжения покойника вместе с инвентарем [Потапов, фотоархив МАЭ № И-1251]. В 90–е гг. XX в. В. А. Могильниковым [1992, с. 176; 1994, с. 111–112; 1995, с. 145] были опубликованы результаты работ на могильнике Кара-Коба-I, где исследованы округлые и четырехугольные сооружения с конскими захоронениями, позволившие автору предположить, что, во всяком случае, ранние оградки могли иметь как погребальную (кенотафы), так и поминальную функцию [Могильников, 1992, с. 186]. Однако, нельзя не отметить, что выводы В. А. Могильникова все же основаны на несколько спорных сопоставлениях, на что указано В. Д. Кубаревым [2001, с. 43].

Сторонником компромиссного подхода является также Н. Н. Сере-

Рис. 4. Антропоморфное изваяние.
Фото А. И. Кукушкина

Fig. 4. Anthropomorphic sculpture.
Photo by A. I. Kukushkin

гин, обратившийся к данной проблеме на страницах ряда работ [Серегин, 2011, с. 50; Серегин, Шелепова, 2015, с. 91–106]. Основанием для таких выводов являются результаты сравнительного анализа с известными кенотафами булан-кобинской культуры [Матренин, 2005, с. 37; Матренин, Сарафанов, 2006, с. 210], с которой, по мнению исследователей, прослеживается преемственность по другим аспектам обрядности и предметному комплексу [Тишкин, Серегин, 2011, с. 28–29; Серегин, Шелепова, 2015, с. 100].

Как ранее отмечалось одним из авторов статьи [Дмитриев, Жусупов, 2018, с. 150], подвергнуть сомнению поминальное назначение центрально-казахстанских оград древнетюркского времени нет оснований, при этом вполне вероятно, что более ранние

Рис. 5. Панорамный вид на реставрированные сооружения. Фото А. И. Кукушкина

Fig. 5. Panoramic view of the restored buildings. Photo by A. I. Kukushkin

комплексы Алтая могут по «инерции» продолжать традицию булан-кобинской культуры.

В вопросе интерпретации цепочек балбалов наблюдается определенное единство мнений, заключающееся в их символическом олицетворении поверженных врагов [Войтов, 1996 и др.], основанное как на переводах китайских династийных хроник Чжоу-шу (629 г.), Суй-шу (636 г.) и Тан-шу (1064 г.), выполненных Н. Я. Бичуриным [1950, с. 230], Р. Ф. Итсом [1958, с. 102–103], Лю Мао-цаем [1958, с. 42] и др., так и орхонских эпиграфических памятников [Радлов, Меліоранскій, 1897, с. 45]. Альтернативная, к слову не верифицируемая на данный момент, гипотеза об использовании балбалов в качестве коновязных столбов-сэргэ предложена П. П. Хороших [1972, с. 96–96].

Суть дискуссии о семантике антропоморфных изваяний сводится к двум противоположным взглядам: отождествлению с главным врагом или самим умершим. Сторонники первой гипотезы (А. Д. Грач [1955], Р. Ф. Итс [1958] и др.) опирались на дешифровку орхонских письменных памятников

[Малов, 1951; Радлов, Меліоранскій, 1897] и неоднозначно трактовали сведения из историй Чжоу-шу и Суй-шу. Однако необходимо подчеркнуть, что сами источники и их переводы не содержат принципиально противоречивой информации.

Другая группа исследователей отождествляет изваяния с «нарисованным обликом покойного» (к примеру, Л. А. Евтюхова [1952, с. 143], С. В. Киселев [1951, с. 509, 546] и др.). Наиболее всесто-

ронную и комплексную аргументацию (на основе анализа письменных, археологических и исторических источников) она получила в статье Л. Р. Кызласова [1964].

Своеобразную позицию в этом вопросе занимал А. Н. Бернштам, трактовавший изваяния двойко, предполагая, что они могли олицетворять самого умершего, а порой и его слугу в потустороннем мире [Бернштам, 1952, с. 143].

Датировка. На данный момент достигнуты определенные успехи в изучении памятников завершающей стадии раннего железного века – раннего средневековья Центрального Казахстана, которые позволяют на более аргументированной основе наметить нижнюю хронологическую границу древнетюркских комплексов региона.

Для нас, прежде всего, представляет интерес пересмотр времени и культурной принадлежности курганов с «усами», долгое время рассматривавшихся исключительно в качестве «визитной карточки» тасмолинской культуры. Решающим толчком к этому послужили раскопки кургана Солончанка I [Любчанский, Таиров,

1999], давшие бесспорные факты, во всяком случае, для частичного подтверждения высказывавшейся ранее их поздней хронологической позиции [Маргулан, 1949, с. 12; Маргулан и др., 1966, с. 394].

Проведенная А. З. Бейсеновым работа по радиоуглеродному датированию ряда курганов с «усами» Центрального Казахстана [Бейсенов, 2017; Бейсенов и др., 2018] указывает на то, что хуннское население осуществляло кардинальную планиграфическую перестройку более ранних сакских погребальных комплексов в пределах II – первой половины VI в.

Именно второй половиной VI в. считаем возможным ограничить нижнюю хронологическую границу древнетюркских комплексов региона, что согласуется с историческими свидетельствами [Кляшторный, Савинов, 2005, с. 203].

Немаловажное значение имеет отсутствие в Сарыарке памятников близких кызыл-ташскому типу, которые рассматриваются в качестве наиболее ранних в периодизации древнетюркской культуры и имеют соответственно более раннюю датировку [Тишкин, Серегин, 2011]. Наличие каменных ящиков в пределах огады Акбауыр вряд ли может служить, во всяком случае, на данный момент, весомым аргументом для отнесения памятника к ранней группе. Тем более, согласно В. Е. Войтову четырехплитные комплексы имеют более поздний возраст [Войтов, 1996, с. 61–70].

Более детализировано решать вопрос о времени возведения огад Акбауыр в системе древнетюркских

памятников Центрального Казахстана представляется преждевременным, т.к. слишком малочисленна группа аналогичных объектов исследованных в регионе. Любые сопоставления без надежных хронологических реперов или данных радиоуглеродного анализа будут страдать известной гипотетичностью. Эта проблема отмечается Г. В. Кубаревым, который указывает на большую вариативность в конструкции поминальных сооружений и зачастую отсутствие каких-либо находок, а значит оснований для их датирования и хронологии [Кубарев, 2011, с. 219].

Заключение

Резюмируя, авторы статьи в целом солидарны с мнением Г. В. Кубарева и не считают возможным принять ту или иную схему датирования, основанную на типологическом анализе древнетюркских огад для сопредельных регионов [Войтов, 1996, с. 61–70; Кубарев, 1984, с. 50; Савинов, 1984; Шелепова, 2011] и определяют время возведения исследованного комплекса широким хронологическим диапазоном в пределах второй половины VI в. – VIII в., где нижняя граница «подпирается» хуннскими комплексами, а верхняя – распространением с IX в. кыпчакских племен [Археология СССР, 1981, с. 190], у которых традиция возведения четырехугольных огад, видимо, отмирает. Во всяком случае, на сопредельных территориях, по мнению ряда исследователей, она ограничена X в. [Москалев и др., 1996, с. 52; Худяков, Ким, 1999, с. 23; Кубарев, 2001, с. 43].

ЛИТЕРАТУРА

1. Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Институт археологии АН СССР, «Наука», 1981. Т. 18. 303 с.
2. Бейсенов А.З. Курганы с «усами» Центрального Казахстана // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение. Сб. научн. статей, посвящ. 70-летию организации ЦКАЭ Академии наук Казахстана. Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2017. Т. 2. С. 31–37.

3. *Бейсенов А.З., Хасенова Б.М., Ахияров И.К., Дуйсенбай Д.Б.* Курган с «усами» Кабантау в Центральном Казахстане // Вестник Дагестанского научного центра. 2018. № 71. С. 64–76.
4. *Бернштам А.Н.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алтая // МИА. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 26. 344 с.
5. *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Т. 1. 381 с.
6. *Войтов В.Е.* Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. М.: Изд-во Государственного музея Востока, 1996. 152 с.
7. *Грач А.Д.* Каменные изваяния западной Тувы (К вопросу о погребальном ритуале тугю) // Сб. МАЭ. 1955. Т. XVI. С. 401–431.
8. *Дмитриев Е.А., Жусупов Д.С.* Тюркские ограды могильника Танабай в контексте исследований раннесредневековых памятников Центрального Казахстана // ТиПАИ. 2018. № 1 (21). С. 144–154.
9. *Евтюхова Л.А.* Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // МИА СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1952. № 24. С. 72–120.
10. *Ермоленко Л.Н.* Средневековые каменные изваяния казахстанских степей (типология, семантика в аспекте военной идеологии и традиционного мировоззрения). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. 132 с.
11. *Итс Р.Ф.* О каменных изваяниях в Синьцзяне // СЭ. 1958. № 2. С. 100–103.
12. *Касенова А.Д.* Изучение тюркских каменных изваяний Сарыарки на современном этапе // Поволжская археология. 2019. № 2 (28). С. 47–60.
13. *Киселев С.В.* Древняя история Южной Сибири. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 635 с.
14. *Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г.* Степные империи древней Евразии. СПб.: Филфак СПбГУ, 2005. 346 с.
15. *Кубарев В.Д.* Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск: Наука, 1984. 232 с.
16. *Кубарев В.Д.* Изваяние, оградка, балбалы: о проблемах типологии, хронологии и семантики древнетюркских поминальных сооружений Алтая и сопредельных территорий // Алтай и сопредельные территории в эпоху средневековья. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2001. С. 24–54.
17. *Кубарев Г.В.* Оградки кудыргинского типа в урочище Ак-Кообы (юго-восточный Алтай) // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2011. Т. 10, вып. 7: Археология и этнография. С. 219–235.
18. *Кукушкин И.А., Дмитриев Е.А., Кукушкин А.И.* Предварительные результаты исследований памятников тюркского времени Центрального Казахстана в 2018 году // Кочевые империи Евразии в свете археологических и междисциплинарных исследований: сб. науч. ст. IV междунар. конгресса средневековой археологии евразийских степей, посвящ. 100-летию российской академической археологии (г. Улан-Удэ, 16–21 сентября 2019 г.). Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2019а. Кн. 1. С. 135–137.
18. *Кукушкин И.А., Ломан В.Г., Кукушкин А.И., Дмитриев Е.А., Шариязданов О.К.* Археологические исследования объекта тюркского периода «Ащекен Сораны» // Алтаистика, тюркология, монголистика. 2019б. № 1. С. 49–126.
19. *Кызласов Л.Р.* О назначении древнетюркских каменных изваяний, изображающих людей // СА. 1964. № 2. С. 27–39.
20. *Любчанский И.Э., Таиров А.Д.* Археологическое исследование комплекса курган с «усами» Солончанка I // Курган с «усами» Солончанка I: сб. науч. тр. Челябинск: Изд-во «Челяб. гос. ун-т», 1999. С. 5–62.
21. *Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 451 с.

22. *Маргулан А.Х.* Отчет о работах Центрально-Казахстанской археологической экспедиции 1947 года // Известия АН КазССР. Сер. археол. 1949. Вып. 2. С. 3–36.
23. *Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М.* Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1966. 445 с.
24. *Матренин С.С.* Способы захоронения населения Горного Алтая во II в. до н. э. – V в. до н. э. // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск: АКИН, 2005. Вып. 2. С. 35–51.
25. *Матренин С.С., Сарафанов Д.Е.* Классификация оградок тюркской культуры Горного Алтая // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск: АКИН, 2006. Вып. 3–4. С. 203–218.
26. *Могильников В.А.* Древнетюркские оградки Кара-Коба-I // Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1992. С. 175–212.
27. *Могильников В.А.* Культовые кольцевые оградки и курганы Кара-Коба-I // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1994. С. 94–116.
28. *Могильников В.А.* К проблеме происхождения древних тюрок Алтая // Алтай и тюрко-монгольский мир. Горно-Алтайск: ГАИГИ, 1995. С. 142–145.
29. *Москалев М.И., Табалдиев К.Ш., Митько О.А.* Культура средневекового населения Внутреннего Тянь-Шаня и сравнительный анализ с сопредельными регионами Центральной Азии. Бишкек: КНГУ, НГУ, 1996. 259 с.
30. *Потапов Л.П.* Материалы, хранящиеся в Музее антропологии и этнографии имени Петра Великого РАН (фотоархив МАЭ № И-1251: 97–100, 146–153, 197–198, 200–201, 630–640).
31. *Радловъ В.В., Меліоранскій П.М.* Древне-тюркскіе памятники въ Кошо-Цайдамъ // Сборникъ трудовъ Орхонской экспедиціи. СПб.: Типографія Императорской Академіи наукъ, 1897. Т. IV. 45 с.
32. *Савинов Д.Г.* Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. 174 с.
33. *Серегин Н.Н.* Объекты «ритуального» характера в составе погребальных комплексов тюркской культуры // Древние и современные культовые места Алтая. Барнаул: ООО «Печатная компания АРТИКА», 2011. С. 49–54.
34. *Серегин Н.Н., Шелепова Е.В.* Тюркские ритуальные комплексы Алтая (2-я половина I тыс. до н.э.): систематизация, анализ, интерпретация. Барнаул: Азбука, 2015. 168 с.
35. *Тишкин А.А., Серегин Н.Н.* Предметный комплекс из памятников кызылташского этапа тюркской культуры (2-я половина V – 1-я половина VI в. н.э.): традиции и новации // ТиПАИ. 2011. Вып. 6. С. 14–32.
36. *Тишкин А.А., Серегин Н.Н.* Тюркские оградки как одна из форм сооружения кенотафов в раннем средневековье // ТиПАИ. 2013. Вып. № 2 (8). С. 75–81.
37. *Хороших П.П.* Оленные камни Монголии и Бурятии // Монголын эртний туух соелын зарим судлал. SA. Улаанбаатар, 1972. Т. V. С. 93–96.
38. *Худяков Ю.С., Ким С.А.* Древнетюркские поминальные памятники в долине р. Нарын в Туве // Памятники культуры древних тюрок в Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Изд. центр НГУ, 1999. С. 23–54.
39. *Шелепова Е.В.* Систематизация и интерпретация ритуальных оградок тюркской культуры Алтая // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2011. Т. 10, вып. 5: Археология и этнография. С. 212–227.
40. *Liu Mau-tsai.* Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-küe). Wiesbaden: O. Harrassowitz, 1958. I. 831 s.

Сведения об авторах:

Дмитриев Евгений Анатольевич – аспирант, Алтайский государственный университет (г. Барнаул, РФ), младший научный сотрудник, Сарыаркинский археологический институт, Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова (г. Караганды, Казахстан); yevgenii1992@mail.ru

Кукушкин Алексей Игоревич – PhD, научный сотрудник, Сарыаркинский археологический институт, Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова (г. Караганды, Казахстан); tatarlandia@mail.ru

Кукушкин Игорь Алексеевич – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Сарыаркинский археологический институт, Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова (г. Караганды, Казахстан); sai@ksu.kz

«АҚБАУЫР» ЕЖЕЛГІ ТҮРКІ ҚОРШАУЛАРЫ

Е. А. Дмитриев, А. И. Кукушкин, И. А. Кукушкин

Орталық Қазақстандағы зерттелген ерте ортағасырлық ескерткіштердің аздығы зерттелетін әрбір жаңа кешенге қызығушылық танытады. Ақбауырдың ежелгі түрік қоршаулары (Қарағанды облысының Шет ауданы) Кудиргин және Яконур типіндегі 6 құрылымның созылған кешені болып табылады. № 3 қоршаудағы миниатюралық тас қорапшасы ерекше қызығушылық тудырады. Мұндай заттар Алтайдың ежелгі түркі кешендерінің ерекшелігі болып табылады және Булан-Кобин мәдениетінің дәстүрін жалғастырады. Белбеу антропоморфтық мүсіннің иконографиялық көрінісі Ақбауыр қоршауларының мәдени жақындығын растайды. Орталық Қазақстанның ғұндық кешендерін зерттеудегі алғашқы жетістіктер VI ғасырдың екінші жартысында анықталуы мүмкін аймақтың ежелгі түркі ескерткіштерінің төменгі хронологиялық шекарасын анықтауға жаңа мүмкіндіктер ашады. Қарама-қарсы жағдай гипотетикалық болып қалатын және қыпшақ тайпалары арасында төртбұрышты қоршаулар салу дәстүрінің жойылуына негізделген жоғарғы шекпен дами бастады. Қалай болғанда да, көрші территорияларда, кейбір зерттеушілердің пікірінше, бұл оныншы ғасырмен шектелген.

Түйін сөздер: археология, Орталық Қазақстан, Орта ғасыр, ежелгі түркі дәуірі, төртбұрышты қоршаулар, антропоморфтық мүсіндер

ANCIENT TURKIC AKBAUYR FENCES

E. A. Dmitriev, A. I. Kukushkin, I. A. Kukushkin

The small number of studied early medieval sites in Central Kazakhstan actualizes interest in each new studied complex. The ancient Turkic enclosures of Akbauyr (Shet district of Karagandy region) represented an elongated arc of 6 structures of the Kudyrginsky and Yakonur types. Of particular interest is the miniature stone box in the fence number 3. Such objects are a distinctive feature of the early group of ancient Turkic complexes of Altai and continue the tradition of Bulan-Kobin culture. The iconographic design of the half-length anthropomorphic sculpture confirms the cultural affiliation of the Akbauyr enclosures. The first successes in the study of the Xiongnu complexes of Central Kazakhstan open up new possibilities for clarifying the lower chronological boundary of the ancient Turkic sites of the region, which can be determined by the second half of the 6th century, given the comparability of the data of radiocarbon analysis and historical evidence. The opposite situation has developed with the upper limit, which remains hypothetical and is based on disappearance of the tradition of erecting quadrangular enclosures among the Kipchak tribes. In any case, in neighboring territories, according to some researchers, it is limited to the 10th century.

Keywords: archaeology, Central Kazakhstan, the Middle Ages, the ancient Turkic era, quadrangular enclosures, anthropomorphic sculpture

REFERENCES

1. *Arheologiya SSSR*. 1981. *Stepi Evrazii v epohu srednevekov'ya (Archeology of the USSR. Steppes of Eurasia in the Middle Ages)* / Ed. Pletneva, S. A. Moscow: Institute of Archeology USSR AS, «Nauka» Publ. (in Russian).
2. Beisenov, A. Z. 2017. In Beisenov, A. Z., Loman, V. G. (Eds.) *Arheologicheskoe nasledie Central'nogo Kazakhstana: izuchenie i sohranenie (Archaeological Heritage of Central Kazakhstan: Study and Preservation)*. Almaty: «Begazy-Tasmola», 31–37 (in Russian).
3. Beisenov, A. Z., Khasenova, B. M., Akhiyarov, I. K., Duisenbay, D. B. 2018. In *Vestnik Dagestanskogo nauchnogo centra (Bulletin of the Dagestan Scientific Center)*, 71, 64–76 (in Russian).
4. Bernshtam, A. N. 1952. In *Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR (Materials and research on archeology of the USSR)*. Moscow–Leningrad: SR AS Publ., vol. 26 (in Russian).
5. Bichurin, N. Ya. 1950. *Sobranie svedenii o narodah, obitavshih v Srednei Azii v drevnie vremena (Collection of information about the peoples who lived in Central Asia in ancient times)*. Moscow–Leningrad: SR AS Publ., vol. 1 (in Russian).
6. Voitov, V. E. 1996. *Drevnetyurkskii panteon i model' mirozdaniya v kul'tovopominal'nyh pamjatnikah Mongolii VI–VIII vv. (The Ancient Turkic pantheon and the model of the universe in the cult-memorial monuments of Mongolia of the VI–VIII centuries)*. Moscow: Orient museum Publ. (in Russian).
7. Grach, A. D. 1955. In *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii (Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography)*, vol. XVI, 401–431 (in Russian).
8. Dmitriev, E. A., Zhusupov, D. S. 2018. In *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy (Theory and practice of archaeological research)*, 1 (21), 144–154 (in Russian).
9. Evtyuhova, L.A. 1952. In *Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR (Materials and research on archeology of the USSR)*. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ., № 24, 72–120 (in Russian).
10. Ermolenko, L.N. 2004. *Srednevekovye kamennye izvayaniya kazakhstanskih stepi (tipologiya, semantika v aspekte voennoi ideologii i tradicionnogo mirovozzreniya) (Medieval stone sculptures of the Kazakhstan steppes (typology, semantics in the aspect of military ideology and traditional worldview)*. Novosibirsk: Siberian branch Institute of Archeology and Ethnography RAS Publ. (in Russian).
11. Its, R. F. 1958. In *Sovetskaya etnografiya (Soviet ethnography)*, 2, 100–103 (in Russian).
12. Kasenova, A. D. 2019. In *Povolzhskaya arheologiya (The Volga river region Archeology)*, 2 (28), 47–60 (in Russian).
13. Kiselev, S.V. 1951. *Drevnyaya istoriya Juzhnoi Sibiri (Ancient history of Southern Siberia)*. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ. (in Russian).
14. Klyashtorni, S. G., Savinov, D. G. 2005. *Stepnye imperii drevnei Evrazii (Steppe empires of ancient Eurasia)*. Saint Petersburg: Philologie faculty of the Saint Petersburg State University Publ. (in Russian).
15. Kubarev, V. D. 1984. *Drevnetyurkskie izvayaniya Altaya (Ancient Turkic sculptures of Altai)*. Novosibirsk: Nauka (in Russian).
16. Kubarev, V. D. 2001. In *Altai i sopredel'nye territorii v epohu srednevekov'ya (Altai and adjacent territories in the Middle Ages)*. Barnaul: Altay State University Publ., 24–54 (in Russian).

17. Kubarev, G. V. 2011. In *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta* (*Bulletin of Novosibirsk State University*). Series: History, philology, vol. 10, 7: Archeology and Ethnography, 219–235 (in Russian).

18. Kukushkin, I. A., Dmitriev, E. A., Kukushkin, A. I. 2019a. In *Kochevye imperii Evrazii v svete arheologicheskikh i mezhdisciplinarnykh issledovaniy* (*The nomadic empires of Eurasia in the light of archaeological and interdisciplinary research*), 1. Ulan-Ude: Siberian branch Buryat Scientific Center, 135–137 (in Russian).

18. Kukushkin, I. A., Loman, V. G., Kukushkin, A. I., Dmitriev, E. A., Shariyazdanov, O. K. 2019b. In *Altaistika, tyurkologiya, mongolistika* (*Altaistics, Turkology, Mongolistics*), 1, 49–126 (in Russian).

19. Kyzlasov, L. R. 1964. In *Sovetskaya arheologiya* (*Soviet archeology*), 2, 27–39 (in Russian).

20. Lyubchanskii, I. Je., Tairov, A. D. 1999. In *Kurgan s «usami» Solonchanka I: sb. nauch. tr. (Barrow with Solonchanka I «mustache»): Scientific col.*. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University Publ., 5–62 (in Russian).

21. Malov, S. E. 1951. *Pamyatniki drevnetyurkskoi pis'mennosti. Teksty i issledovaniya* (*Monuments of ancient Turkic writing. Texts and studies*). Moscow–Leningrad: USSR AS Publ. (in Russian).

22. Margulan, A. Kh. 1949. In *Izvestiya AN KazSSR* (*News of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR*). Ser. archeol., 2, 3–36 (in Russian).

23. Margulan, A. Kh., Akishev, K. A., Kadyrbayev, M. K., Orazbayev, A. M. 1966. *Drevnyaya kul'tura Central'nogo Kazakhstana* (*Ancient culture of Central Kazakhstan*). Alma-Ata: «Nauka» KazSSR, 1966 (in Russian).

24. Matrenin, S. S. 2005. In *Izuchenie istoriko-kul'turnogo naslediya narodov Juzhnoi Sibiri* (*Study of the historical and cultural heritage of the peoples of South Siberia*), 2. Gorno-Altaysk: Agency for the cultural and historical heritage of the Republic of Altay Publ., 35–51 (in Russian).

25. Matrenin, S. S., Sarafanov, D. E. 2006. In *Izuchenie istoriko-kul'turnogo naslediya narodov Juzhnoi Sibiri* (*Studying the historical and cultural heritage of the peoples of South Siberia*), 3–4. Gorno-Altaysk: Agency for the cultural and historical heritage of the Republic of Altay Publ., 203–218 (in Russian).

26. Mogil'nikov, V. A. 1992. In *Materialy k izucheniyu proshlogo Gornogo Altaya* (*Materials for the study of the past of Altai Mountains*). Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk Research Institute of History, Language and Literature Publ., 175–212 (in Russian).

27. Mogil'nikov, V. A. 1994. In *Arheologicheskie i fol'klornye istochniki po istorii Altaya* (*Archaeological and folklore sources on the history of Altai*). Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk Research Institute of History, Language and Literature Publ., 94–116 (in Russian).

28. Mogil'nikov, V. A. 1995. In *Altai i tyurko-mongol'skii mir* (*Altai and the Turkic-Mongolian world*). Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk Institute for Humanitarian Research Publ., 142–145 (in Russian).

29. Moskalev, M. I., Tabaldiev, K. Sh., Mit'ko, O. A. 1996. *Kul'tura srednevekovogo naseleniya Vnutrennego Tyan'-Shanya i sravnitel'nyi analiz s sopredel'nymi regionami Central'noi Azii* (*Culture of the medieval population of the Inner Tien Shan and a comparative analysis with the neighboring regions of Central Asia*). Bishkek: Kyrgyz National State University, Novosibirsk State University Publ. (in Russian).

30. Potapov, L. P. *Materialy, hranyashiesya v Muzee antropologii i etnografii imeni Petra Velikogo Rossiiskoi akademii nauk* (*Materials stored in the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences*) (fotoarhiv MAE № I-1251: 97–100, 146–153, 197–198, 200–201, 630–640).

31 Radlov, V. V., Melioranskii, P. M. 1897. In *Sbornik trudov Orhonskoi ekspedicii* (*Collection of works of the Orkhon expedition*), vol. IV. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences Publ. (in Russian).

32. Savinov, D. G. 1984. *Narody Juzhnoi Sibiri v drevnetyurkskuyu epohu (Peoples of southern Siberia in the ancient Turkic era)*. Leningrad: Leningrad State University Publ. (in Russian).
33. Seregin, N. N. 2011. In *Drevnie i sovremennye kul'tovye mesta Altaya (Ancient and modern cult places of Altai)*. Barnaul: «Pechatnaya kompaniya ARTIKA» Publ., 49–54 (in Russian).
34. Seregin, N. N., Shelepova, E. V. 2015. *Tyurkskie ritual'nye komplekсы Altaya (2-ya polovina I tys. do n.e.): sistematizaciya, analiz, interpretaciya (Turkic ritual complexes of Altai (2nd half of the I millennium BC): systematization, analysis, interpretation)*. Barnaul: “Azbuka” Publ. (in Russian).
35. Tishkin, A. A., Seregin, N. N. 2011. In *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy (Theory and practice of archaeological research)*, 6, 14–32 (in Russian).
36. Tishkin, A. A., Seregin, N. N. 2013. In *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy (Theory and practice of archaeological research)*, 2 (8), 75–81 (in Russian).
37. Khoroshih, P. P. 1972. In *Mongolyn ertnii tuuh soelyn zarim sudlal*. SA, Ulaanbaatar, vol. V, 93–96 (in Russian).
38. Khudyakov, Yu. S., Kim, S. A. 1999. In *Pamyatniki kul'tury drevnih tyurok v Yuzhnoi Sibiri i Central'noi Azii (Monuments of culture of ancient Turks in South Siberia and Central Asia)*. Novosibirsk: Novosibirsk State University Publ., 23–54 (in Russian).
39. Shelepova, E.V. 2011. In *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta (Bulletin of Novosibirsk State University)*. Ser.: History, philologie, vol. 10, 5: Archeology and Ethnographie, 212–227 (in Russian).
40. Liu Mau-tsai. 1958. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-küe). Wiesbaden: O. Harrassowitz, I.

About the Authors:

Dmitriev Evgeniy A. Postgraduate student, Altai State University, Barnaul, Russia, junior researcher, Saryarka Archaeological Institute, Buketov Karagandy State University, Karagandy, Kazakhstan; yevgenii1992@mail.ru

Kukushkin Alexey I. PhD, researcher, Saryarka Archaeological Institute, Buketov Karagandy State University, Karagandy, Kazakhstan; tatarlandia@mail.ru

Kukushkin Igor A. Candidate of historical sciences, leading researcher, Saryarka Archaeological Institute, Buketov Karagandy State University, Karagandy, Kazakhstan; sai@ksu.kz

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді.
/ Раскрытие информации о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
/ Disclosure of conflict of interest information. The authors claims no conflict of interest.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 24.04.2020.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 01.06.2020.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 11.06.2020.

**БУРНООКТЯБРЬСК (ЖЫЛҚЫШЫТӨБЕ) ҚАЛАШЫҒЫНДА
2018–2019 жылдары ЖҮРГІЗІЛГЕН ЗЕРТТЕУЛЕР****© 2020 ж. Д. Ә. Талеев, Е. С. Торбеков**

Мақалада Жамбыл облысы Жуалы ауданындағы Бурнооктябрьск қалашығында 2018–2019 жылдары жүргізілген қазба жұмыстарының нәтижелері баяндалады. Көлемі 110×100×18–20 м болатын төбенің оңтүстік шетінен салынған қазба бұл жерде екі қабатты құрылыс кешенінің болғандығын анықтады. Қазба барысында кешеннің әртүрлі көлемдегі бірнеше бөлмелері ашылды. Бөлмелердің қам кесектен қаланған қабырғаларының қалыңдығы 2 м және одан да көп, сақталған биіктігі 3–3,5 м. Қазбадан табылған археологиялық материалдардың сипаты кешеннің I–IV ғғ. аралығымен мерзімделетіндігін көрсетті. Табылған материалдар Қауыншы және Отырар-Қаратау мәдениеттері материалдарымен өте ұқсас. Құрылыс салу тәсілі де етене жақын. Зерттеу барысында алынған мәліметтер кешенді қаңлы дәуірінде осы өңірді мекендеген егінші қауымның орталығы болған деп тұжырымдауға негіз береді.

Түйін сөздер: археология, Бурнооктябрьск, зерттеу, дерек, қазба, кешен, керамика, мерзімдеу

Ескерткіштің жалпы сипаттамасы мен зерттелу деңгейі. Белгілі шығыстанушы Бартольд Орта Азияға жасаған іс сапарында Шымкенттен Әулиеатаға баратын жолдағы Теріс өзенінің бойында жатқан кішігірім үш қалашықтың орны жайлы кезінде айтып, оларға Дунин жасаған топографиялық сипаттаманы келтіреді [Бартольд, 1966, с. 27]. Сол қалашықтардың орнын алғаш Пацевич (Жамбыл археологиялық пункті) 1939 ж. тауып, толық өлшемдері мен сипаттамасын беріп, шартты мерзімделуін көрсеткен [Пацевич, 1939, с. 21–22]. Оларды зерттеуші жергілікті мекенің атымен Бурнооктябрьск 1–3 деп белгілеген.

Пацевичтің сипаттауы бойынша бірінші қалашық ауылдан теміржол бекетіне апаратын жолдан 400 м, Теріс өзенінің арнасынан 200 м жерде деп береді. Ал екінші қалашық ауылдың оңтүстік-батыс шетіндегі жолдың бойында. Үшінші қалашық бірінші мен екінші қалашықтың орта тұсында деп көрсеткен және үш қалашық жалпы VII–XII ғасырлар аралығында өмір сүрген деп болжаған [Агеева, Пацевич, 1958, с. 138–139]. Өкінішке орай бұл күнде екінші және үшінші қалашықтардың орындары жойылып кеткен. Екінші қалашықтың орны егістік аймағына айналса, үшінші қалашық осы күнгі Теріс ауылының үй құрылыстары мен бау-бақшасы

Жұмыс Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігі Ғылым комитетінің қаржыландыруы бойынша № BR05236565 «Тас ғасырынан қазіргі этнографиялық дәуірге дейінгі Қазақстанның мәдени мұрасы (археологиялық деректер негізінде)» жобасы аясында орындалды

астында қалған. 2018 ж. осы аймақта Теріс археологиялық экспедициясы (ТАЭ) жүргізілген барлау жұмыстары жемісті нәтиже бермеді. Бұл күнде жойылып кеткен екі қалашықтың орындары анықталғанымен оларды қорғау, зерттеу мәселесінің бекер екендігі мәлім болды. Егістік алқаптарын аралап, бақылау жұмыстары екінші қалашық орналасқан аймақта қышыдыстардың сынықтары шашылып жатқанымен ескерткіштің ешқандай топографиялық бедері сақталмағанын көрсетті. Үшінші қалашықтың да тағдыры осындай күйде. Ауыл адамдарының мәлімдеуінше көптеген үйлердің ауласынан, бақша орындарынан ыдыс сынықтары, күйдірілген кірпіштер, тас қаландылары, құбыр сынықтары, құдықтың орны секілді көне қала белгілілері жиі кездеседі екен. Жалпы қазіргі күнде Бурнооктябрьск 2 және 3 қалашықтары сақталмаған. Олар туралы ғылыми мәлімет беретін кішігірім қазба салуға болады. Бірақ, қала жайлы толыққанды тұжырымға негіз болатын кең көлемдегі зерттеу жүргізу мүмкіндігі жоқ.

Ал ауылдың шетінде, өзен арнасының оң жағасындағы биіктеу жерде сақталған Бурнооктябрьск 1 (Жылқышытөбе) (сур. 1) үстінде орналасқан кейінгі дәуір жерлеулері мен жеке еңсесінің биіктігі салдарынан бұзылудан, жойылудан аман қалған. Жергілікті тұрғындар бұл төбені Жылқышытөбе деп атайды. Г. И. Пацевичтің келтірген мәліметі бойынша Бурнооктябрьск 1 қалашығы әртүрлі көлем мен биіктіктерден тұратын үш алаңша мен негізгі төбеден құралғанын байқаймыз. Оның ішінде алғашқы үш төбенің өлшемдері мен топографиялық орналасуы көрсетілген. Қалған алаңшаларды

қоршаған жалдың іздері сақталмаған. Автор ескерткіштің үстінен жиналған ыдыс сынықтарының сипатына қарай оны шамамен VII–X ғғ. аралығымен мерзімдеген және қалашықта арнайы қазба жұмыстары жүргізілмегенін жазады [Пацевич, 1939, с. 21–22; Агеева, Пацевич, 1958, с. 138–139]. 2018 ж. жүргізілген зерттеу жұмыстары Пацевич сипаттамасы бойынша төбеге солтүстік жағынан жалғасатын төртінші алаңшада ешқандай мәдени қабат жоқ, жәй табиғи бедер екендігін көрсетті. Сонымен қатар төбеде жүргізілген қазба жұмысының нәтижелері қалашықтың негізгі бөлігінің мерзімделуі Пацевич болжауынан едәуір ерте кезге жататындығын анықтады.

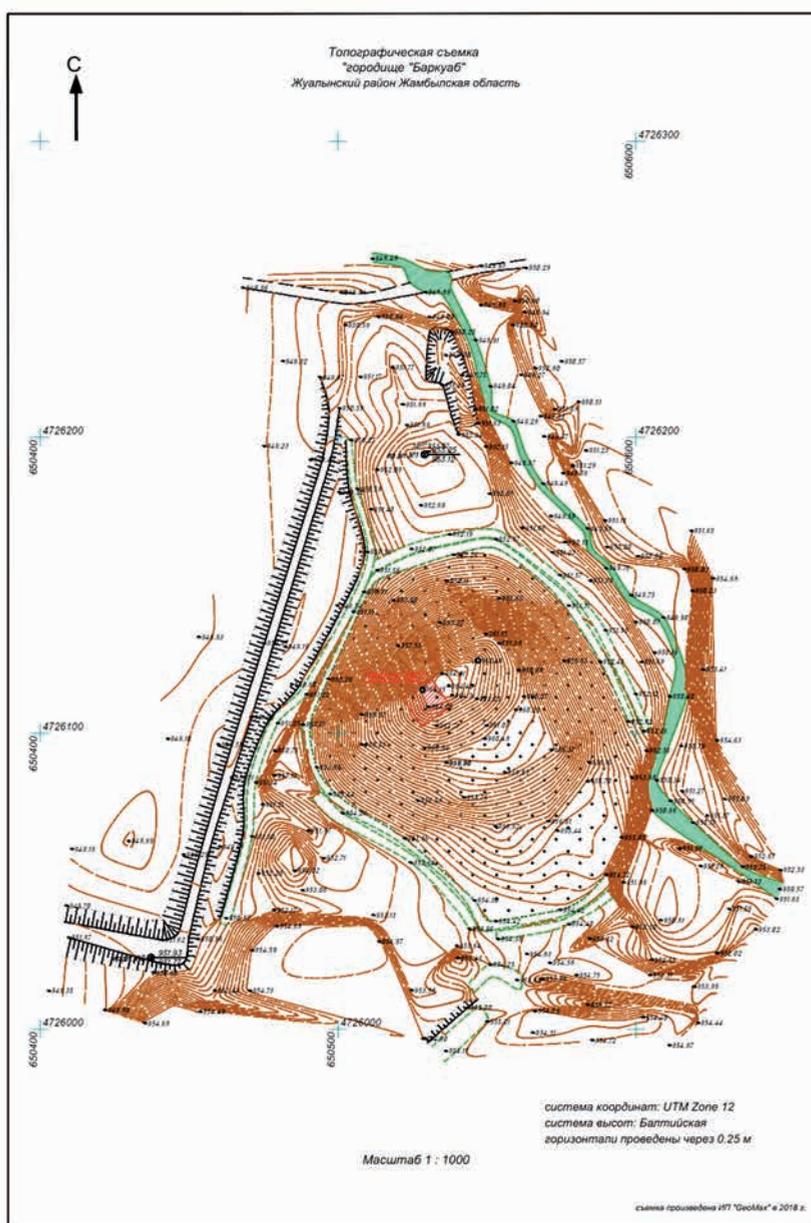
Ұлы Жібек жолының Әулиеатадан батысқа қарай Шымкент уезі шекарасына дейінгі бөлігінде зерттеу жұмыстарын жүргізген (1896, 1903 жж.) В. А. Каллаур Теріс өзені өңіріндегі ортағасырлық елді мекендер мен қалаларда болып, оларды аттары тарихи жазба деректерде аталған қалалармен сәйкестендіру мәселесін көтерді [Каллаур, 1897].

1978 ж. Жамбыл облыстық тарихи өлкетану музейінің археологиялық экспедициясы (К. Байбосынов) Жуалы ауданында зерттеу жұмыстарын жүргізіп, бұрын ғылымға белгісіз болып келген 32 археологиялық ескерткіштерді ашқан, олардың қатарында: 11 жеке оба, 12 оба топтары мен қорымдары, 7 ортағасырлық елді мекен мен қала, 1 тас қоршау және 1 тасқа салынған сурет орны бар. Сонымен қатар, зерттеу барысында 4 оба қорымымен 7 ортағасырлық қала мен елді мекендерде қайта зерттеу жұмыстары жүргізілген. Осы сапар барысында жасалған ескерткіштердің

жаңа тізіміне тек Бурнооктябрьск 1 қалашығы ғана енді [Алипчиев, Байбосынов, 1982, с. 57].

2000 ж. Қазақстан Республикасының Тарихи және мәдени ескерткіштері жинағының археолог

логиялық экспедициясы (К. Байпақов) Жуалы ауданындағы ескерткіштердің мемлекеттік тізімін жасау кезінде Теріс өзенінің жағасындағы Бурнооктябрьск қалашығының тарихи-топографиясы мен сипаттамасын

Сур. 1. Бурнооктябрьск. Ескерткіштің топографиялық жобасы
Fig. 1. Burnooktyabrsk. Topographic plan of the monument

сол баяғы Пацевич жазған күйінде қайталаған [Қазақстан Республикасының тарихи және мәдени ескерткіштерінің жинағы, 2002, с. 115].

2006 ж. А. Ясауи атындағы Халықаралық қазақ-түрік университеті Археология ғылыми-зерттеу орталығының Тұран археологиялық экспедициясы (ТАЭ, жетекшісі т.ғ.д. М. Елеуов) «Қаратаудың археологиялық ескерткіштері» ғылыми жобасын іске асыру мақсатымен Теріс (Аса) өзенінің сол жағасынан бастап, оңтүстік-шығыстан солтүстік-батысқа қарай 400 км-ге созылып жатқан Қаратаудың оңтүстік-шығысында жатқан Жамбыл облысының Жуалы ауданында және осы таудың теріскей бетінде орналасқан Жамбыл, Талас, Сарысу аудандарының тауаралық, тауалды жазықтарды археологиялық барлау жүргізді [Қаратаудың археологиялық ескерткіштері, 2006, с. 19].

2013 ж. «Археологическая экспертиза» ЖШС-нің (Д. А. Воякин) Жамбыл облысы тарих және мәдениет ескерткіштерінің жинағы, Жуалы ауданыны экспедициясы ескерткішті қайта зерттеп, есепке алып, тарихи-топографиялық жобасын түсірді.

2018 ж. зерттеулер бойынша ерте ортағасырға жатқызылған Бурнооктябрьск (Жылқышытөбе) қалашығы Жуалы ауданына қарайтын қазіргі Теріс ауылының шығысында 0,6 км жерде, Шойбек сайының бойындағы бірнеше бұлақтардан түзіліп, Теріске барып құятын Қарасу жылғасының сол жағасында орналасқан. Нұрлыкен ауылы да Жылқышытөбеден солтүстікке қарай 1 км жерде Теріс өзенінің сол жағалауын жағалай созылып жатыр. Ескерткіштің теңіз деңгейінен биіктігі 953 м. Арнайы

құралдардың көмегімен есептелген көлемі 100×110 м. Шығыс шетін аздап су шайып кеткен сопақша төбе. Жалпы биіктігі 18–20 м. Бірінің үстіне бірі орналасқан екі алаңша мен батыс шетіндегі орталық бөліктен тұрады. Төбеге шығыс жағынан келіп қосылатын төменгі алаңшаның көлемі шығыстан батысқа қарай 25 м, солтүстіктен оңтүстікке қарай 65 м, биіктігі 2–2,5 м. Оның үстінен батысқа қарай 25 метрден кейін басталатын екінші алаңшаның көлемі шығыстан батысқа қарай 25 м, солтүстіктен оңтүстікке қарай 60 м биіктігі 5–5,5 м. Осы екеуінің батыс шетін алып жатқан орталық төбенің көлемі шығыстан батысқа қарай 32 м, солтүстіктен оңтүстікке қарай 60 м, биіктігі 15,5 м (Барлығының көлемі мен биіктігі астыңғы жағынан есептелді). Төбенің жалпы көлемі шығыстан батысқа қарай 115 м, солтүстіктен оңтүстікке қарай 100 м. Батыс, солтүстік және оңтүстік жақтары едәуір тік келген. Ал шығыс жағынан жалғасатын алаңшалар бұл шетін көлбеу етіп тұр.

Талас өңірінің қаңлы дәуірі ескерткіштері

Археологиялық зерттеулер қорытындысы Жылқышытөбе кешенін ежелгі Қаңлы дәуіріне, яғни I–V ғасырларға жатқызуға мүмкіндік береді. Бұндай тұжырым жасауға жазба және заттай деректер мәліметтері мен ескерткіштің топографиялық құрылымы негіз болады.

Деректер бойынша Қаңлы мемлекеті (қытайша Канзю) б.д.д. III – б.д. III ғасырлары аралығында Орта Азияда едәуір гүлденген, қуатты патшалық болған. Б.д.д. II ғ. елшілік сапармен келген (138 ж.) Хан әулетінің сол кездегі императоры У-Дидің жіберген елшісі Жань

Шанның жазбаларында «Батыста Әмудариядан шығыста Талас өңіріне дейінгі аралықты жайлаған Қаңлы мемлекетінің астанасы Бетен қаласы болған және ол бес патшалықтан құралған» деп жазылған [Қытай жылнамаларындағы..., 2006, 37 б.]. Сонымен қатар Жань Шань қытайдың астанасы Шаннанан Бетен арасындағы және бес патшалық арасындағы қашықтық өлшемін де көрсеткен. Кеңестік тарихшы Л. А. Боровкова өзінің «Запад Центральной Азии во II в. до н.э. – VII в. н.э.» атты еңбегінде Бетеннің орны Талас өңірінде болуы мүмкін деген болжам айтқан болатын [Боровкова, 1989, с. 64]. Бірақ ол болжам Қаңлы тарихын зерттеуші мамандар тарапынан қолдау таппаған.

1964–1968 жылдары Талас өңірінде қаңлы дәуіріне жататын ескерткіштер Шөлтөбе мен Көкқайнартөбе зерттелді. Қазба нәтижелері мекенжайлардың I–IV ғасырлар аралығымен мерзімделетінін анықтаған. Табылған заттай деректер мен құрылыс салу ерекшеліктері де қаңлы дәуіріне сәйкес келетіндігін көрсетті. Біз қазба жүргізіп жатқан Жылқышытөбенің материалдары Шөлтөбе мен Көкқайнартөбенің заттарымен өте ұқсас. Кешендердегі құрылыс салу дәстүрі де қайталанатын.

2015–2019 жылдары аралығында Шөлтөбе мен Қызылқайнартөбеге жақын орналасқан Бақатөбе қалашығында ҚР Ұлттық орталық музейі мен Мемлекеттік Эрмитаждың біріккен экспедициясы қазба жүргізуде. Қазба нәтижесі Мершиев қазған нысандарға ұқсас кешеннің бір бөлігін ашты. Бұл қазбаның материалдары мен кешеннің сәулеткерлік ерекшелігі бастапқыларын қайталайтын секілді.

Қазба материалдарының сипаты ескерткіштің жоғарғы құрылыс қабатының V ғ. жататындығын шамалауға келеді [Торежанова и др., 2018]. Археологиялық барлау жұмыстары осы аймақта бір-біріне жақын орналасқан алаңды төбелердің ондаған шоғырының бар екендігін көрсетті. Олардың барлығы да антикалық дәуірмен мерзімделеді. Ал «алаңды төбелер» археологияда шартты түрде таза қаңлы мекендерінің орындары деп танылған.

Зерттеу нәтижелерінің осындай сәйкестіктері Жылқышытөбе кешенінің I ғасырлар шамасында салынып, V ғ. дейін өмір сүргендігін толық растайды. Осы жылғы қазбалар барысында алынған археологиялық мәліметтер Жылқышытөбеде VI–IX ғғ. аралығында да тіршілік болғандығын аңғартты. Яғни ескерткіштің үстіңгі қабатынан айтылған уақыт аралығына жататын құрылыс іздері мен қыш ыдыстардың сынықтары шықты. Зерттеу барысында жасалған тұжырымдар Г. И. Пацевичтің ескерткіштерді мерзімдеу болжамының дұрыстығын растайды.

Жылқышытөбеде жүргізілген қазба жұмыстары

2018 ж. төбенің оңтүстік-батыс шетіндегі негізгі бөлігінің оңтүстік шетінен қазба салынды. Қазбаның бастапқы көлемі 15×13,5 м болды. Кейіннен құрылыс қалдықтарының ашылуына қарай едәуір кеңейтілді. Қазба барысында бір-бірімен қатар орналасқан үш ұзын бөлме мен төртбұрышты шағын бөлме ашылды. Бөлмелердің реттік санын олардың ашылу кезегіне қарай белгіледік.

Бөлме 1. Алдымен қазбаның орта тұсында орналасқан ұзын бөлме ашылды. Ол батыстан шығысқа

қарай созылған ұзын бөлме (сур. 2). Көлемі 8,7×3 м. Екі қапталындағы қабырғалары қалың (2,2 м) және жақсы сақталған. Қабырғалар көлемі 48×27×12 см, 46×25×10 см, 50×25×10 см қам кесектермен қаланған. Бөлменің төбесі 2,5 м биіктіктегі қабырғаның үстінен ішке қарай біртіндеп тарта қырынан қаланған қам кесектермен сүйірленіп (свод тәріздес етіп) жабылған. Бөлменің осы қабырғалары биік жағында (шығыс) 3 м дейін сақталған. Сақталу деңгейі өте жақсы. Жоғарғы своды ғана бұзылған, оның бір бөлігін қазба барысында бұзып алдық. Қабырғалардың иығынан бастап ішке қарай тартыла қаланған сводының төменгі жағы бұзылмай қалған. Шығыс қабырғасының қалыңдығы 1 м, 3,3 м биіктікте сақталған, ал батыс қабырғасының қалыңдығы 2,5 м, сақталған биіктігі 2,2 м. Бөлмеде есік қуысы үшеу. Біріншісі шығыс қабырғаның оңтүстік-шығыс бұрышында, ені 0,8 м, биіктігі 1,6 м, төбесі үшбұрышты болып келген. Екіншісі солтүстік қабырғаның ор-

та тұсында орналасқан ені 0,9 м, биіктігі 1,3 м, тереңдігі 2,2 м төбесі сүйір келген. Үшіншісі оңтүстік қабырғаның оңтүстік-батыс бұрышында, ені 0,8 м, биіктігі 1,5 м, тереңдігі 2,4 м төбесі сүйір келген. Бөлменің қабырғаларында тұтас жанған өрттен қалған күйе қалдықтары жақсы байқалады. Қабырғалардың оңтүстік-батысқа қарай қисая отырғаны байқалады. Қабырғалардың қисайуынан қорғау мақсатында солтүстік қабырғаның бойындағы 3 м қашықтықтағы есік қуысынан батысқа қарай ені 0,5 м қосымша қабырға тұрғызылыпты.

Бөлменің оңтүстік-шығыс бұрышында 0,5 м биіктікте үлкен қызуда жанған оттан қалған күйік ізі сақталыпты. Осы бұрышты тазарту барысында еденнің үстінен адамның бас қаңқасы табылды. Бастың жоғарғы бөлігі ғана болды. Қалған сүйек бөліктері кездеспеді. Тек жеке бас қаңқасы төрт жоғарғы тісімен. Бас сүйектің антропологиялық белгілері ерекше. Шүйде жағы едәуір шығынқы. Антрополог Е. П. Китов-

тың алдынала болжамы бойынша 19 жас шамасындағы әйел адамның бас сүйегі тірі кезінде қолдан әдейілеп өзгертілген. Мамандар Оңтүстік Қазақстанның ежелгі тұрғындарында осындай дәстүр I–II ғасырларда болған деседі. Бұл алдын ала жасалған болжам. Антропологиялық және генетикалық сараптама алда болады.

Бөлме 2. Бастапқы бөлменің шы-

Сур. 2. Бурнооктябрьск. Қазба I, бөлме 1.
Фото авторлардікі

Fig. 2. Burnooktyabrsk. Excavation 1, room 1. Authors's photo

ғыс шетінде орналасқан. Қабырғалары біртегіс емес (кейбір тұсы ішке қарай қисайса, енді бір бөлігі сыртқа қарай шалқайған) және өлшемдері де тең емес. Бөлменің шартты көлемі 2×2,3 м қабырғаларының сақталған биіктігі 3 м, төбесі құлап кеткен. Ішкі жағында ешқандай қосымша құрылыс орындары жоқ. Едені ортасынан төмен қарай ойылған. Ойылған жерден төменгі қабатта болған бөлме төбесін күмбездеп қалаған кірпіш қаландылары анық байқалады.

Бөлме 3. Бастапқы бөлменің солтүстік қапталында, онымен қатар орналасқан. Екі бөлме бастапқы бөлменің солтүстік қабырғасының орта тұсындағы есік қуысы арқылы байланысады. Бөлменің бастапқы көлемі 6×2 м болған. Оңтүстік қабырғасын бойлай кейін салынған ені 1 м болатын қорғау қабырғасының салдарынан ені тарылған (сур. 3). Есіктен кіргенде шығысқа қарайғы бөлігінде оның күмбезделіп жабылған төбесі сақталған. Оның салыну тәсілі алғашқы бөлмедегі тәсілді қайталайды. Бөлменің солтүстік қабырғасының батыс бөлігінде ені

0,9 м, биіктігі 1,3 м болатын тағы бір есік қуысы бар. Осы есік қуысының батыс шетіндегі 1×1 м шаршыға түрлі өлшемдегі жұмыр тастар үйілген. Тас толтырылған бөліктің биіктігі 0,7 м. Арасында бірлі-жарым тұрмыста пайдаланылған іздері бар тастар да кездесті.

Бөлме іші толығымен қолдан көмілген. Толтырылған топырақ, кам кесектердің түрлі көлемдегі сынықтары мен күл қалдықтарын тазарту барысында үш құрылыс қабаты болғандығы байқалады. Осындай үш деңгей барлық бөлмелерде кездесті. Ең төменгісі бөлменің бастапқы едені, оның төбесінен 3 м тереңдікте жатыр. Қалған екі құрылыс деңгейі кейіннен бөлме ішін қолдан толтырып, таптау арқылы қалыптасқан. Бір ерекшелігі құрылыс қабаттарының едені тегіс емес. Негізінен оңтүстікке қарай еңкейе қиғаш қалыптасқан. Ортаңғы құрылыс қабатының едені төменгі еденнен 1–1,2 м биіктікте жатыр. Ал үшінші жоғарғы еден тағы да 1–1,4 м биіктікте. Бұл еден де тегіс емес, оңтүстік бөлігі төмен қарай еңістене қисайған. Еден қаптарында жақсы тапталған 2,3 см

қыртыс қалыптасқан. Ал енді осы қабаттың үстінде үй төбесіне дейінгі 1 м шамасындағы қуыс кеңістікте кімдер қалай және қанша тіршілік еткені құпия. Бұл зерттеушілер үшін шешуі қиын сөзжұмбақ секілді болып тұр.

Бөлме 4. Бастапқы бөлменің оңтүстік

Сур. 3. Бурнооктябрьск. Қазба I, бөлме 3. Фото авторлардікі
Fig. 3. Burnooktyabrsk. Excavation I, room 3. Authors's photo

қапталында, онымен қатар орналасқан. Бастапқы көлемі 2×7 м, қабырғаларының сақталған биіктігі 2,5 м, кей тұста 3 м жуық. Бөлменің солтүстік қабырғасын бойлай қалыңдығы 0,5 м, ұзындығы 4 м болатын сақтандыру қабырғасы қаланған. Қабырғалардың жоғарғы жағында күмбезденіп жабылған төбесін қалаған кірпіштердің бір бөлігі сақталған. Бастапқы және 4-ші бөлмені байланыстырған есік қуысы оңтүстік қабырғаның батыс бұрышында. Оның ені 0,8 м, биіктігі 1,5 м, тереңдігі 2 м. Осы бөлменің оңтүстік қабырғасының орта тұсында келесі бөлмеге өтетін тағы бір есік қуысы анықталды. Оның ені 0,6 м, биіктігі 1,3 м, тереңдігі 2 м. Есік қуысы батысқа қарай қисая отырған. Бөлменің ішкі жағында ешқандай ішкі құрылыс қалдықтары болмады.

Осы жылы ашылған төрт бөлменің барлығы да еденнен төбесіне дейін топырақ, күл, қам кесектердің сынықтарымен толтырылып, есік қуыстары бекітілген. Бөлмелерді толтырған топырақ арасында қыш ыдыс сынықтары, тастан жасалған дәнүгіткіш, тасбалта, жұмыр тастардың арнайы қойылған үйінділері, т.б. жекелеген заттар табылды. Ашылған бөлмелердің сақталу деңгейі 80% шамасында. Негізінен күмбездеп жабылған төбесінің қаландылары құлаған. Қабырғалары қалың (2–2,2 м) және көлемі $50 \times 25 \times 10$; $52 \times 26 \times 10$ см кірпіштермен қаланған. Арасында көлемі $54 \times 26 \times 10$ см болатын үлкендері де кездеседі. Ешқандай пахса блоктары анықталмады. Бөлмелерді кешен тұрғындары қолдан толтырып, есігін бекітіп не үшін тастап кеткені белгісіз. Екінші бөлмені қазу барысында біз қазып жатқан бөлмелердің

астыңғы жағында төменгі қабатта болған бөлмелер бар екендігі байқалды.

Қазба I

2019 жылғы қазбаның мақсаты өткен жылы ашылған төрт бөлменің қапталында байқалған көрші бөлмелерге өтетін есік қуыстары арқылы олардың ішкі жағынан қазып, көрші бөлмелерді мүмкіндігінше бүтін күйде аршу болатын. Өткен жылғы қазба барысында белгілі болғандай бөлмелердің ішкі жағын қам кесек сынықтары, күл-қоқыс, топырақпен толтырылып тастаған. Тіпті кейбір тұстарын қам крпіштермен қалап тастапты. Есік қуыстарының өзін қалап тастапты. Бөлмелерді толтырған топырақтардың арасында мал сүйектері, ыдыс сынықтары, тастан жасалған құралдар кездеседі. Әсіресе адамның алғаш игерген құралдарының бірі тас балта мен дән үгіткіштердің алғашқы нұсқалары да табылды.

Бөлме 5. Өткен жылы қазылған үшінші бөлменің солтүстік қабырғасында орналасқан есік қуысы байқалған. Қазбаны осы есік қуысын ашудан бастадық. Мақсатымыз осы есік арқылы келесі бөлмеге өтіп, оны ішкі жағынан тазарту. Осы мақсатта арнайы дайындалып, қажетті құралдар мен көмекші материалдарды жинадық. Яғни каска, маска, арнайы көзілдірік, фонар, қайла т.б. Есік қуысы 2,2 м болатын қабырғаны кесіп өтеді екен. Есіктің биіктігі 1,4 м, ені 0,8 м, тереңдігі қабырғаның қалыңдығына сай 2,2 м жоғарғы жағы доғалданып келген (сур. 4). Осы қашықтықты тазалап өткенде есіктің сол қапталынан 20 см қашықтықтан солтүстікке қарай кеткен қабырғаны аңғардық. Есіктің ішкі жағы тұтастай көмілгендіктен шахтерлердің кен

Сур. 4. Бурнооктябрьск. Қазба I, бөлме 5.

Фото авторлардікі

Fig. 4. Burnooktyabrsk. Excavation 1, room 5. Authors's photo

қазу әдісі тәріздес қаздық. Бірнеше күнге созылған қазба барысында 4-ші бөлменің нобайы анықталды. Бөлменің біз ашқан бөлігінің шартты көлемі $3,2 \times 2$ м, биіктігі шатырланып жабылған төбесінің орта тұсында 3,2 м. Нобайы дейтіміз бөлменің шығыс қабырғасына қатысты. Бұл шеттегі қабырға өзгеріске ұшыраған. Бастапқыда едәуір үлкен болған бөлменің шығыс қабырғасын қысқартып қайта қаласа керек. Және оныңбеткіжағысыланбаған, әрінегізгі қабырғалармен арасында байланыс жоқ. Дегенмен бөлменің күмбезделіп жабылған төбесі бүтін сақталыпты. 2,2 м биіктіктен басталатын күмбезді төбе (жабын) қырынан қаланған кірпіштермен өріліпті. Жабынның орта тұсынан ауа және жарық түсу үшін кішігірім тесік салынды. Осы тесіктен бөлме жабыны 30–35 см қалыңдықта ғана сақталғандығы анықталды. Нәтижесінде солтүстікке қарай созылған бөлме толықтай бүтін ашылды. Бөлменің шығыс шеті өзгеріске ұшыраған. Осы шеті еденнен 1,5 м биіктікке дейін топырақпен толтырылып, оның үстіңгі жағына

кірпіш қаланыпты. Қаланды мен толтырылған топырақ арасында бір кездегі еденге ұқсас тұтас таптанды қабат қалыптасқан. Шығыс шетінен түскен кейінгі қаланды қабаттың қалыңдығы қаншалықты болғанын анықтау мүмкін болмады. Өйткені аралық жіктің іздері байқалмайды. Сондықтан бұл бөлмені қазуды уақытша тоқтатуды ұйғардық.

Бөлме 6. Бұл бөлмеге 4-ші бөлменің оңтүстік қабырғасының орта тұсында орналасқан есік қуысы арқылы өтеді. Осы есік қуысы оң шетіне қарай аздап қисайған және өзгелерге қарағанда 20 см-ге жіңішке. Биіктігі 1,5 м, ені 0,6 м, тереңдігі қабырғаның қалыңдығына сәйкес 2 м бөлмені толтырылған топырақтан тазартып болғаннан кейін қабырғалары тең емес төрт бұрышты бөлме нобайы ашылды. Бөлме қабырғаларында өрттен қалған жалын мен қызарған қабырға сылақтары анық байқалады. Бөлменің есік орналасқан солтүстік қабырғасының ұзындығы 2,5 м, оған қарсы орналасқан оңтүстік қабырғасының ұзындығы 1,7 м. Екі қапталдағы қабырғаларының ұзындықтары 3 м-ден. Қабырғаларының сақталған биіктігі еденнің бетінен қазбаның бетіне дейін 2,3–2,5 м. Қабырғасын қалаған қам қыштардың көлемі $54 \times 27 \times 10$; $52 \times 26 \times 10$ см. Осы бөлменің еденін тазарту барысында оның төмен қарай опырыла ойысканын байқадық. Оны тазарту кезінде осы бөлменің астыңғы жағында тағы бір бөлме бар екендігі

анықталды. Құландыларды тазарту барысында астыңғы қабаттағы төбесі күмбезделіп жабылған жабынының төмен қарай ойылып түскендігі анық көрінді. Төмен қарай 1 м тереңдікке түскенде бөлменің солтүстік және батыс қабырғаларының астынан қатар өткен тұтас қабырға аршылды. «Г» тәріздес бөлігі ашылған бұл қабырғаның биіктігі 0,8 м, ені белгісіз. Өйткені қабырғаның ішкі жағы алтыншы бөлменің қабырғаларынан 30–40 см ішкері орналасса, сыртқы жағы сол үстіңгі қабырғаның астында қалған. Жалпақтығын анықтау мүмкіндігі жоқ. Зер салып қараған кісіге бұл қабырғалардың астыңғы бөлме күмбезінің шеттеріндегі бос қуыс бөлігін толтырып, үстінен түсетін құрылысты қауіпсіздендіру үшін салынғанын байқауға болады. Қабырғалар пахсадан біртұтас етіп құйылған және ішкі жағы жылтыр. Тіпті ешқандай жарық, сызат анықталмады. Төменгі қабаттағы бөлмені қазу барысында оның солтүстік қабырғасы ғана едәуір бүтін, ал шығыс және батыс қабырғалары өте нашар сақталғаны анықталды. Оңтүстік қабырғасына дейін қазба жетпеді. Өйткені бөлменің осы шеті оңтүстікке қарай кеңейтілгендіктен, үстіңгі бөлменің оңтүстік қабырғасының астына қарай кетеді. Ал оның астыңғы жағын үңгіп қазу аса қауіпті болды. Дегенмен, төменгі бөлмені 2 м-ден төмен тереңдікке дейін қаздық. Әрі қарай қазу қауіпті болды. Осы бөлмені қамтыған қазбаның жалпы тереңдігі жердің бетінен 4,5 м дейін түскен болатын. Техникалық қауіпсіздік талабына сай бұл бөлмені қазуды амалсыз тоқтатуға тура келді.

Қазба II

Қазақстан археологиясының ортағасырлық қала орындары (қа-

лашықтар) мен елді мекен (мекенжай) орындарын типологиялық және хронологиялық тұрғыдан зерттеу тәжірибелері көрсеткендей біз қазба жүргізіп жатқан Жылқышытөбе «аланды төбелер» қатарына жатады. Хронологиялық жағынан мұндай төбелер антикалық дәуірге (қаңлы заманына) сәйкес келеді. 2018 ж. қазба нәтижелері төбенің кезінде егінші қауым тұрған екі қабатты ғимараттар кешенінің орны болғандығын көрсетті және бұл кешеннің тіршілік етіп тұрған уақыты да шартты түрде анықталды. Ондай тұжырым жасауымызға қазбадан табылған археологиялық жәдігерлерді олардың ғылымда белгілі нұсқаларын тауып салыстыру жүргізу көмектесті. Оған қосымша өткен жылғы қазба кезінде бөлме ішінен алынған жанған ағаштың көмір қалдығына шетелде жасалған сараптама қорытындысы негіз болады. Сараптама (F14C) көрсетуі бойынша көмірдің конвенциональды жасы 1837 ж. яғни б.д. 180 жылы (II ғ.). Сараптама нәтижесі жайлы кесте төменде берілді (кесте 1; сур. 5). Бұл сараптама ғимарат өртенген кезде оның ішінде пайда болған көмірдің жасы. Олай болса кешен көмір қалғаннан едәуір бұрын салынған. Зертханалық сараптама нәтижесі біздің шартты мерзімдеуімізді толық растайды.

2018 ж. бірінші бөлменің еденін тазалау барысында табылған адамның бас сүйегі антрополог Е. П. Китовтың алдын ала сараптауы бойынша қолдан өзгертілген 18–19 жасар қыз баланыкі, яғни әдейілеп өзгерткен. Тірі кісінің бас сүйегін қолдан өзгерту ғұрпы Қазақстанның оңтүстігінде I–II ғасырдан бастап қалыптасқан. Алдынала жасалған сараптама тұжырымы көмірге жасалған сараптама қорытындысымен сәйкес

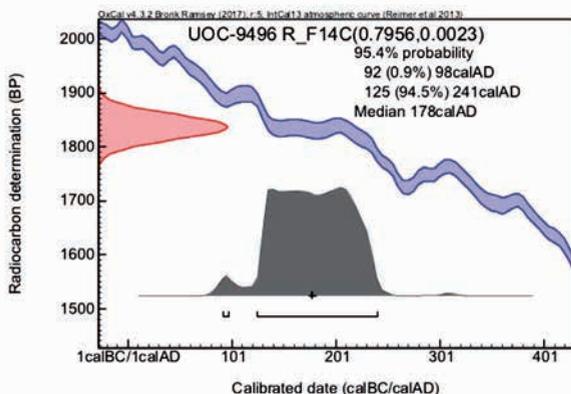
Кесте 1 – Оттава университетінің А. Е. Лалонде атындағы Тездеткіш масса-спектроскопия зертханасында (Канада) ағаш көмірінің уақытын анықтайтын сараптаманың кестесі

Table 1 – Charcoal Analysis Conducted in Lalonde Accelerator Mass Spectrometry Laboratory of the University of Ottawa (Canada)

Код	Конвенционалдық жасы	±	F14C	±	Күнгізбелік жасы (б.д.д. – б.д.) (калибрлік)	Ескерткіш	Материал
JKaz-18	1837	23	7956	00 023	92–98 (0,9%) cal AD 125–241 (94,5%) cal AD	Бурно-октябрьск қалашығы	Ағаш көмірі

келеді. Екеуінің де мерзімделуі ІІ ғасыры. Кешенде тіршілік тоқтаған уақытты көрсетіп тұр. Осы сараптамаға қосымша бас сүйектің алдыңғы тістерін Жапон ұлттық генетикалық институттың зертханасына арнайы сараптамаға жібердік. Оның қорытындысы айтылған сараптаулар нәтижелерін шегелеуге негіз болары анық. Сонымен алғашқы жылғы зерттеулер нәтижесі кешеннің І ғасырда салынғандығын меңзейді. Бірақ, нақты салыну уақытын анықтау үшін мәліметтер жеткіліксіз. Тағы да зерттеуді, қосымша мәліметтер жинауды қажет етеді.

Алғашқы жылғы зерттеулер нәтижелері 80% бұзылмай сақталған кешен құрылысын мүмкіндігі болғанша бізге жеткен қалпынан өзгертпей (бұзып алмай) қазу мақсатымен 2019 ж. төбенің шығыс жағынан келіп қосылатын алаңда болуы тиіс оның басты есігін анықтау мақсатында қазба ІІ салынды. Қазба бастапқыда төбенің шығыс бетіне, оңтүстіктен солтүстікке қарай 2×14,5 м көлемдегі кесік түрінде салынды. Кесіктің бетінен 0,8 м шамасында төмен түскен кезде оның батыс шетімен қатар жатқан (солтүстікке қарай кішкене ғана ауытқыған) сыртқы қабырғаның

Сур. 5. Бурнооктябрьск. F14C сараптамасы бойынша ағаш көмірінің конвенционалды жасы

Fig. 5. Burnooktyabrsk. Conventional age of coal by F14C examination

бір шеті (шығыс) ашылды. Осы қабырғаны қуалай қазған кезде ол оңтүстіктен 6 м жерден шығысқа қарай бұрылды. Осы қабырғалардың арасындағы құрылыс қалдықтарын ашу мақсаында кесікті шығысқа қарай едәуір кеңейтуге тура келді. Қазу барысында төбенің беткі қабатында орналасқан кейінгі дәуір жерлеулері қатты қолбайлау болды. Бұл қиындыққа қарамай қазбаның көлемін 14,5×12 м

дейін үлкейттік. Қазбаның беткі жағында орналасқан 15 жерлеудегі марқұмдардың қаңқасын алып, олардың әр қайсысын жеке-жеке ақ матаға орап, басқа жерге қайта жерлеу жасалды. Содан кейін ғана қазбаны әрі қарай жалғастыру мүмкін болды. Осы адам жерлеу үшін қазылған қабір шұңқырлары ежелгі құрылыс қалдықтарын қатты бұзып кетіпті. Оның үстіне төбенің біз қазба салған жоғарғы бетінде ер-теректе қандай да бір қазба немесе шаруашылық мақсатта жүргізілген қазу жұмыстарының салдарынан қалыптасқан ретсіз құланды қабат байқалды. Осындай әрекеттер төбенің жоғарғы қабатындағы ежелгі құрылыс іздерін жойып жіберіпті. Қазбаның биік батыс шетін 2 м, шығыс шетін 0,8 м тереңдікке дейін түсірген кезде қандайда бір құрылыс іздері айқындала бастады. Жоғарыда айтылған батыс және солтүстік қабырғалар 2 м тереңдік бойына ашылды. Ал «Г» тәріздес кейіптегі осы екі қабырғалар арасында ешқандай құрылыс қалдықтары сақталмапты. Тек 1 м тереңдіктен кішігірім құты қазан табылды. Одан басқадәнүгіткіштердің түрлі сынықтары мен тас балталар, ортасы тесік домалақ келген тастар, ұзынша, сопақ, домалақ келген тас құралдар кездесті. Олардан басқа үй жануарларының сүйектері де шықты. Табылған сүйектердің бір бөлігі арнайы сараптамаға жіберілді. Оның нәтижелері жайлы алдағы есептерде айтармыз.

Қазбаның Батыс шетіндегі қабырғаның бойымен жердің бетінен 4,5 м, қабырғаның үстіңгі жағынан 3,5 м тереңдікке дейін қазылды. Оңтүстіктен солтүстікке қарай созылған 6 метрлік осы қабырғаның бетінде сырты күйе жалыннан қалған от іздері сақталған сылағы ір жерінде қалыпты. Қабырғаның шығыс шетінен 2 м кеңейтілген қазбаның ішінен ешқандай құрылыс іздері анықталмады. Топырақ және сынған кесек араласқан массамен толтырылған осы бет кешеннің жоғарғы қабатының сыртқы қабырғасының тыс бетіне ұқсас. Шама-сы кешен дәурен құрып тұрған кезде осы шығыс бет оның ауласы болған қас бетіне ұқсайды. Осы қабырғаның солтүстік шетінен жалғасып, шығысқа қарай бағытталған екінші қабырға 5 м кейін солтүстікке қарай бұрылады. Бұл қабырғаның тереңдігі де батыс қабырғамен бірдей. Тек екі қабырғаның бойы да тұтас, ешқандай есік қуысы жоқ болып шықты. Тек батыс қабырғаның оңтүстік бұрышы мен оның солтүстік қабырғамен түйіскен жерінен диаметрі 1 м бо-

Сур. 6. Бурнооктябрьск. Керамика
Fig. 6. Burnooktyabrsk. Ceramics

Сур. 7. Бурнооктябрьск. Тастан жасалған құралдар.
Фото авторлардікі

Fig. 7. Burnooktyabrsk. Stone tools. Authors's photo

латын қоқыс тастаған дөңгелек шұңқырлар ашылды. Күл аралас топырақпен толтырылған осы шұңқырлардың ішінен бірлі жарым ыдыс сынықтарынан басқа ұсақ малдың сүйектері алынды. Ал солтүстік қабырғаның жоғарғы жағын кейінгі жерлеу шұңқырлары қатты бұзып кеткен екен. Дегенмен оның жалпақтығы анықтауға келеді. Ол 2,2 м қалыңдықта. Осы қабырғаның солтүстік шеті неге екені белгісіз тұтастай қаланған қам қыштармен толтырылыпты. Қазбаның солтүстік-шығыс бөлігінен кешен тіршілігін

да жүргізілген қазба барысында табылған археологиялық материалдар (тас құралдар мен бұйымдар, қыш ыдыстар мен олардың сынықтары, мал сүйектері, т.б.) (сур. 6, 7). Жылқышытөбе кешенінде I–IV ғғ. аралығында жергілікті егінші тұрғындардың бүтін бір әулеті мекендеген деген тұжырым жасауға негіз береді. Кешенді салу құрылысының ерекшелігі мен оның сәулеткерлік сипаты жергілікті тұрғындардың үй құрылысын салу дәстүрінің жоғары деңгейде дамығандығын көрсетеді.

тоқтатқаннан кейін оның сырт жағында жалғасқан өмірдің іздері деуге болатын екі бөлменің нобайы мен ошақтың, тапталған еденнің кішігірім сыпаның және 6 бұрышты қамбаның орындары ашылды. Осы бөлмелердің солтүстік шеті бір кезде аула болса керек. Онда тас қаланған жолдың шығыстан батысқа қарай өткен жіңішке бөлігі анықталды. Екі маусым-

ӘДЕБИЕТ

1. Агеева Е.И., Пацевич Г.И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана // Труды ИИАЭ АН КазССР. 1958. Т. 5. С. 3–215.
2. Алипчиев И.С., Байбосынов К. Свод памятников истории и культуры Джамбулской области. Джамбул: «Ойық», 1982. 126 с.
3. Археологическая карта Казахстана. Алма-Ата: изд-во АН КазССР, 1960. 449, [35] с., 13 л. ил., карт.: ил.
4. Бартольд В.В. Сочинения. Т. 4. Отчет о поездке в Среднюю Азию с рабочей целью 1893–1894 гг. М.: Наука, 1966. 497 с.
5. Боровкова Л.А. Запад Центральной Азии во II в. до н.э – VII в. н.э. М.: Наука, 1989. 177 с. [4] с.: ил.
6. Қазақстан Республикасының тарихи және мәдени ескерткіштерінің жинағы. Жамбыл облысы. Алматы: РГП «НИПИ ПМК» 2002. 305 б.

7. Қаратаудың археологиялық ескерткіштері 2006 ж. есебі (М.Е. Елеуов – жет.) // Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институтының архиві, ф. 2, д. 2779, 79 б.

8. Қытай жылнамаларындағы қазақ тарихының деректері (Б.з.д. 177 – б.з. 222 жж.). Алматы: «Өнер», 2006. I-ші кітап. 216 б.

9. Каллаур В.А. Древние местности Аулиеатинского уезда на древнем караванном пути на западе от Аулиеаты к границе Чимкентского уезда // Протоколы заседаний и сообщений членов Туркестанского кружка любителей археологии. Историко-культурные памятники Казахстана. Авторы предисловия и сост. Елеуов М., Бахтыбаев М.М. Туркестан: “Туран”, 2011. 447 с.: ил.

10. Пацевич Г.И. Археологические памятники междуречья Талас–Арысь (по древним караванным путям от Тараза до Испиджаба) // Архив Института археологии им. А. Х. Марғұлана, ф. 2, д. 39, 85 л.

11. Труды Семиреченской археологической экспедиции. Таласская долина // Архив Института археологии им. А.Х. Марғұлана, ф. 2, д. 62, 36 л.

12. Торезжанова Н.Ж., Торгоев А.И., Қулиш А.В. Исследование Бака тобе в округе Тараза в 2015–2017 гг. // «Қазақстан мен іргелес елдердің тарихи-мәдени мұрасын зерттеудегі заманауи әдістер мен түрғылар» атты «IX Оразбаев оқулары» халықар. ғыл.-әдіст. конф. м-ры / жауапты ред. Г.Қ. Омаров. Алматы: Қазақ университеті, 2018. С. 216–221.

Авторлар туралы мәліметтер:

Талеев Докей Әбдікерімұлы – тарих ғылымдарының кандидаты, жетекші ғылыми қызметкер, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты (Алматы қ., Қазақстан); doc19_59@mail.ru

Торбеков Ескендірбек Санжарұлы – директор, «АРК» Ғылыми ұйымы (Тараз қ., Қазақстан); torbekov@mail.ru

ОБ ИССЛЕДОВАНИЯХ ГОРОДИЩА БУРНООКТЯБРЬСК (ЖЫЛҚЫШЫТӨБЕ) в 2018–2019 гг.

Д. А. Талеев, И. С. Торбеков

В статье освещаются результаты раскопок 2018–2019 гг., проводившихся на городище Бурнооктябрьск (Жуалынский р-н, Жамбылская обл.). Раскопом площадью 110×100×18–20 м, заложенном в южной части памятника, установлено наличие двухуровневого строительного комплекса. В ходе раскопок было открыто несколько помещений, стены которых возведены из сырцовых кирпичей. Параметры сохранившихся стен: ширина – 2 м, высота – 3–3,5 м. Археологические материалы, обнаруженные в результате раскопок, датируются I–IV вв. Аналогии находкам, а также характер строительной техники сближает памятник с кауынчинской и отрар-каратауской культурами. Данные, полученные в ходе исследования, позволяют утверждать, что изученный комплекс выполнял роль центра земледельческой общины, населявшей этот регион, в кангуйскую эпоху.

Ключевые слова: археология, Бурнооктябрьск, исследование, источник, раскоп, комплекс, керамика, хронология

ON RESEARCH OF THE TOWN OF BURNOOKTYABRSK (JYLKYSHYTOBE) IN 2018–2019

D. A. Taleev, E. S. Torbekov

The article highlights the results of excavations of the Burnooktyabrsk settlement located on the territory of Jualy district of Jambyl region in 2018–2019. Excavations on the southern edge of the monument measuring 110×100×18–20 m have established that there was a two-story building complex. During the excavations, several rooms of the complex of various sizes were discovered.

The walls of the building were built of raw bricks; the remaining walls are 2 m wide and 3–3.5 m high. Archaeological materials found during the excavations of the complex date back to the I–IV centuries. Found materials are very similar to the materials Kauynchinsky and Otrar-Karatau cultures. In addition, the nature of construction equipment is close to these cultures. The data obtained in the course of the study suggest that the complex was the center of agricultural community that inhabited this region during the Kangiy era.

Keywords: archaeology, Burnooktyabrsk, research, source, excavation, complex, ceramics, chronology

REFERENCES

1. Ageeva, E. I., Pacevich, G. I. 1958. In *Trudy IIAE AN KazSSR (Proceedings of the Institute of History, archeology and ethnography of the Academy of sciences KazSSR)*, 5, 3–215 (in Russian).
2. Alipcheev, I. S., Baybosynov, K. 1982. *Svod pamyatnikov istorii i kultury Dzhambul'skoy oblasti (Title of monuments of history and culture of the Jambyl region)*. Jambyl: «Oiyk» (in Russian).
3. *Arheologicheskaya karta Kazakhstana (Archaeological map of Kazakhstan)*. 1960. Alma-Ata: Academy of Sciences of the Kazakh SSR Publ. (in Russian).
4. Bartold, V. V. 1966. *Sochineniya. T. 4. Otchet o poezdke v Srednyuyu Aziyu s rabochey celiyu 1893–1894 gg. (Report on a trip to Central Asia with a working purpose of 1893–1894)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
5. Borovkova, L. A. 1989. *Zapad Centralnoy Azii vo II v. do n.e – VII v. n.e. (West of Central Asia in the 2nd century BC – VII century AD)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
6. *Kazakstan Respublikasynyn tarihi zhane madeni eskertkisherinin zhinagy. Jambyl oblysy (The title of monuments of history and culture of the Kazakhstan. Jambyl region)*. 2002. Almaty: RGP «NIPI PMK» Publ. (in Kazakh).
7. *Kytay jylnamalaryndagy kazak tarihyynyn derekteri (B.z.d. 177 – b.z. 222 jj.) (Data on Kazakh history in Chinese chronicles (177 BC – 222 BC))*. 2006. I kitap. Almaty: “Oner” Publ. (in Kazakh).
8. In *Archive of the A.Kh. Margulan Institute of Archeology*, f. 2, d. 2779, 79 p. (in Russian).
9. Kallaur, V. A. 2011. In Eleuov, M., Bahtybaev, M. M. (Compl.). *Protokoly zasedaniy i soobshcheniy chlenov Turkestanskogo krugha lyubiteley arheologii. Istoriko-kulturnye pamyatniki Kazakhstana (Journals and reports of members of the Turkestan circle of archeology fancy. Historical and cultural monuments of Kazakhstan)*. Turkestan: “Turan” Publ. (in Russian).
10. In *Archive of the A.Kh. Margulan Institute of Archeology*, f. 2, d. 39, 85 p. (in Russian).
11. In *Archive of the A.Kh. Margulan Institute of Archeology*, f. 2, d. 62, 36 p. (in Russian).
12. Torezhanova, N. Zh., Torgoev, A. I., Kulish, A. V. 2018. In Omarov, G. K. (Ed.). *IX Orazbaev okulary (9th Orazbayev readings)*. Almaty: Kazakh University Publ., 216–221 (in Russian).

Taleev Dokey A. Candidate of historical sciences, leading researcher, A.Kh. Margulan Archeology Institute, Almaty, Kazakhstan; doc19_59@mail.ru

Torbekov Eskendirbek S. Director, “ARK” scientific association, Taraz, Kazakhstan; torbekov@mail.ru

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді.
/ Раскрытие информации о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
/ Disclosure of conflict of interest information. The authors claims no conflict of interest.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 11.05.2020.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 19.05.2020.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 29.05.2020.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ ГОРОДИЩА РАХАТ В ПОЛЕВОМ СЕЗОНЕ 2019 г.

© 2020 г. Т. Ж. Тулегенов, А. Г. Чекин, Ж. Құрбанәлі

Археологический комплекс Рахат – уникальное место, где на небольшом пространстве мы можем проследить историю региона с эпохи камня (найдена стоянка верхнего палеолита) до этнографического периода (мельницы и землянки XIX в.) Комплекс расположен на надпойменных террасах у выхода реки из ущелья Рахат и состоит из: поселения Орикты, могильников Рахат-I–II, городища Рахат и одноименной палеолитической стоянки. В статье изложены некоторые результаты полевых исследований 2019 г., проводившихся на городище Рахат. Изучение памятника дает более полное представление о быте и хозяйстве средневекового города в Иссыкском микрорегионе. В ходе исследования получен обширный керамический материал. Археологические раскопки, произведенные заповедником-музеем «Иссык», дали возможность подтвердить хронологические рамки существования городища Рахат, высказанные академиком К. М. Байпаковым.

Ключевые слова: археология, Жетысу, заповедник-музей «Иссык», ассоциация «Алтын адам», городище Рахат, керамика, средневековье, раскопки, археологическая разведка, стратиграфия, культурный слой

Введение

В 1999 году в ходе археологических исследований на курганах могильника Иссык участники археолого-этнологической комплексной экспедиции университета «Кайнар» и ассоциации «Алтын адам» обратили внимание на холмы, расположенные на окраинах поселка Рахат. Было высказано предположение об искусственном их характере возникновения, что было подтверждено рассказами местных жителей о многочисленных находках в виде фрагментов керамических изделий, сделанных на

территории предполагаемого городища. Для подтверждения или опровержения гипотезы была снаряжена кратковременная разведывательная экспедиция под руководством археолога Б. Н. Нурмуханбетова.

В ходе разведки подтвердился искусственный характер холмов. С большой долей вероятности стало ясно, что это городище, которое представляет собой комплекс разнохарактерных и разновременных сооружений, тянется вдоль предгорий с южной части сел Орикты (бывш. Красный Восток) и Рахат (Енбекшиказахский

р-н, Алматинская обл.). Наиболее значительная часть городища находится у села Рахат, с правой стороны у входа в ущелье Тасмурын. О разновременности и преемственности городища «Рахат» можно судить по подъемной керамике. Ее хронология прослеживается от сако-усуньского времени до средневековья.

В 2004 г. на городище Рахат сотрудниками Института археологии им. А. Х. Маргулана проводились работы разведывательного характера. Закладка шурфа размерами 4×4 м на поверхности центрального бугра городища Рахат выявила культурный слой толщиной около 70 см, содержащий золу, кости и фрагменты сосудов. На поверхности центрального холма и на близлежащей территории была собрана коллекция керамики, среди которой обломки типично сако-усуньской посуды, фрагменты котлов, кувшинов, хумов, а также средневековая керамика. На основе выявленных находок был сделан вывод о длительном периоде существования поселения, первый этап которого связан с эпохой раннего железа [Байпаков, 2008, с. 71–72].

В 2013 г. территория городища вошла в охранную зону Государственного историко-культурного заповедника-музея «Иссык» (созданного в 2010 г.). С этого момента заповедник-музей «Иссык» начинает планомерное археологическое исследование примыкающего к городищу ущелья Рахат. К 2015 г., благодаря разведочным работам, было выяснено, что археологический комплекс ущелья Рахат, расположенный вдоль поймы одноименной реки, включает в себя памятники, относящиеся к разному времени – от эпохи палеолита до средневековья.

В 2017 г. исследование городища Рахат было продолжено археологами заповедника-музея «Иссык» совместно со специалистами из КНР (Институт археологии провинции Шаньси) закладкой разведочной стратиграфической траншеи. Разведочные раскопы были заложены в двух местах – в северо-восточной и юго-западных частях вала. Стратиграфический шурф, размерами 10×2×4 м, заложен в юго-западной части, у подножья центральной возвышенности. После снятия дернового слоя и зачистки на различных глубинах раскопа в огромном количестве были выявлены фрагменты керамики (венчики, донца и стенки сосудов), а также по всей площади раскопа встречены кости крупных и мелких домашних животных. Срез был доведен до уровня 4 м, где нижние слои прослежены до стерильного слоя светло-коричневого суглинка. В разрезе четко выделяется девять культурных слоев, из них четыре – пятна золистой глины красноватого цвета. Находки представлены фрагментами керамики, изделиями из бронзы, камня и кости (оберег).

Собранные на городище фрагменты керамики различаются по форме венчиков и тулова, способу изготовления и по функциональному назначению. Хронологические рамки материала охватывают период от эпохи раннего железа до Средневековья. Найденная в одной из разведывательных ям печь для обжига керамики подтвердила предположение об искусственном происхождении холмов. Стало ясно, что необходимо продолжить исследования, расширить площадь раскопа для получения материала и выявления более ранних культурных слоев [Мухтарова и др., 2018].

Полевые работы 2018 г. велись в двух направлениях. Первое – исследование тюркских захоронений в южной части городища, где было раскопано несколько курганных захоронений. В четырех погребениях были обнаружены костные останки четырех человек и двух лошадей, а также фрагменты конских сбруй в большом количестве. Второе направление полевых работ – выявление стратиграфии (планиграфии) центральной цитадели городища путем закладки шурфа длиной 10 м, шириной 5 м. Здесь были обнаружены фрагменты керамики и костные останки животных. В ходе работ предполагалось определить ход будущих широкомасштабных раскопок в ближайшие годы, которые, возможно, позволят открыть новый яркий памятник городской культуры Жетысу.

В 2019 г. заповедник-музей Иссык начал полевые археологические работы на городище Рахат в рамках научного проекта «Семиозис* материальной культуры Жетысу на материалах археологического комплекса Рахат с эпохи саков до XIII в.» (*Семиозис – от др.-греч. *σημείωσις*, «обозначение» – термин, принятый в семиотике; обозначает процесс интерпретации знака, или процесс порождения значения).

Описание материала

Городище представляет собой восемь земляных холмов (рис. 1), центральная возвышенность, прямоугольная в плане, имеет размеры 70×75 м, высоту 20–25 м. Три холма округлой формы, вокруг них расположено пять земляных валов вытянутых пропорций. Отснят ортофотоплан городища Рахат (рис. 2) и сделаны графические разрезы с применением новейших технологий (рис. 3; 4).

На первом этапе исследований для выявления культурного слоя на земляном валу с южной стороны городища был заложен стратиграфический шурф размерами 5×16 м по оси С–Ю (рис. 5). Были оставлены две бровки шириной 0,5 м по оси В–З. Таким образом, шурф имел общую площадь 75 кв. м (три квадрата 5×5 м). После удаления дернового слоя 0,4 м в квадратах № 1, 2 (нумерация с севера на юг) было выявлено большое количество фрагментов керамики (венчики, стенки и донца сосудов). Во втором квадрате обнаружены две печи тандырного типа (рис. 6). Стало очевидно наличие поселенческой инфраструктуры. Было принято решение о расширении площади раскопок на запад и прирезке еще шести квадратов площадью 5×5 м. Таким образом, общая площадь составила 256 кв. м (рис. 7), произведена зачистка на глубину 0,5–0,7 м, объем изъятых грунта составил 170 куб. м. После изучения южных и северных «бровок» они были разобраны, объем изъятых грунта составил 15 куб. м.

Вместе с керамикой на глубине 0,3–0,4 м по всей площади раскопа были выявлены кости крупных и мелких домашних животных. Далее проходил слой коричневой глины. На глубине 0,5 м – слой коричневой материковой глины. На этом уровне были выявлены ямы хозяйственного назначения, в количестве 24. На данный момент исследовано 12 из них. Все они имеют округлую форму и почти одинаковые размеры и глубину. В ходе полевых работ было выявлено около 400 фрагментов керамики, два металлических предмета (ножи), 259 элементов остеологического материала (кости животных).

Рис. 1. Общій вид памятника до начала раскопок
Fig. 1. General view of the monument before the excavation

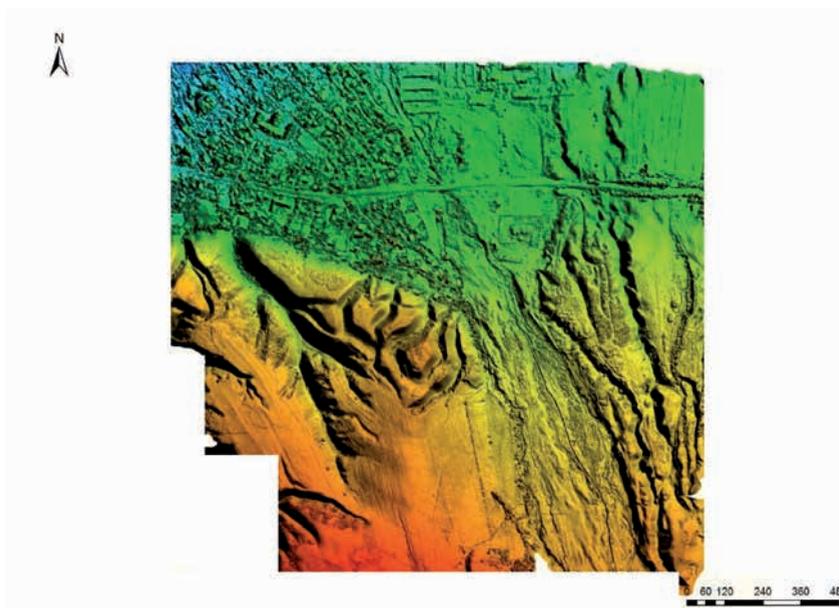

Рис. 2. Ортофотоплан археологического комплекса Рахат (ККРАЭ-2017)
Fig. 2. Orthophotomap of the archaeological complex of Rakhat (КСРАЕ-2017)

Подробное описание полевых работ:

Квадрат № 1. После зачистки пола раскопа, на глубине 0,7 м, выявлено несколько пятен, три из них

имеют отчетливо округлую форму. Все они имели окантовку из глины отличного от материкового цвета шириной 1,5–2 см. Хозяйственные ямы (далее по тексту – яма) нумеруются

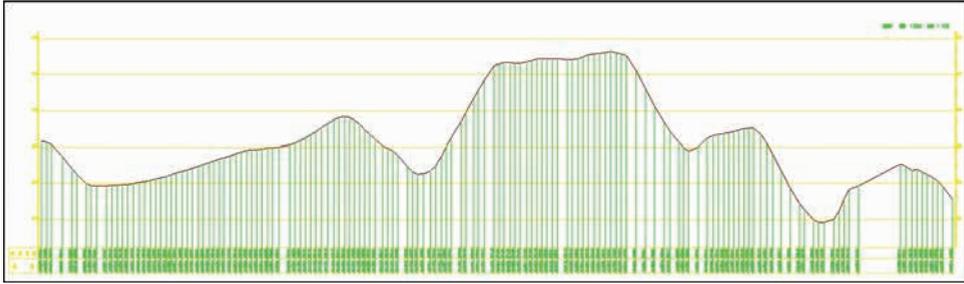

Рис. 3. Профиль разреза по направлению 3–В (ККРАЭ-2017)

Fig. 3. Section profile in the direction W–E (KCPAE-2017)

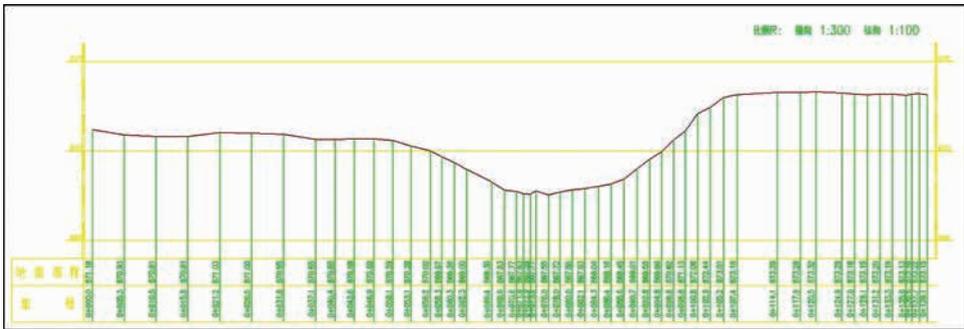

Рис. 4. Профиль разреза по направлению Ю–С (ККРАЭ-2017)

Fig. 4. Section profile in the direction S–N (KCPAE-2017)

с запада на восток и по принадлежности к квадрату. Яма № 1 имела заполнение светло-серого цвета с включениями фрагментов керамики, кости и обожжённой глины кирпичного цвета. Диаметр составил 0,9 м, приблизительная глубина от древней поверхности 0,7 м. Яма № 2 имела заполнение подобного цвета и большое количество костных фрагментов животных при аналогичных размерах. Яма № 3 имела разрушенные края, возможно, поэтому имела большой диаметр – 1 м.

Вещевой материал ям (погребов?) представлен большим количеством фрагментов керамики: столовой (рукоятки казанов – 6 шт. и их венчики – 8 шт.) и кухонной. Всего 45 элементов. Керамика фрагментированная, возможно, это объясняется

стихийным характером прекращения существования городища (война, нашествие). Избыточное для одного домохозяйства количество казанов говорит о том, что город имел и гостиничную инфраструктуру.

Остеологический материал представлен фрагментами костей животных крупного и мелкого рогатого скота - 32 фрагмента (челюсти, конечности, лопатки животных).

Квадрат № 2. На глубине 0,3–0,4 м от поверхности земли в северо-западном углу обнаружены две печи округлой формы, размеры печей составили: высота около 0,3 м, периметр в обхвате 1,9 м. На глубине 0,7 м выявлено пять пятен округлой формы и одно продолговатой овальной формы размерами 3,7×0,8 м, имеющее ориентацию ЮВ–СВ. Средний диа-

Рис. 5. Разметка раскопа

Fig. 5. Excavation marking

Рис. 6. Две печи тандырного типа. Стратиграфический шурф, квадрат № 2

Fig. 6. Two tandoor type furnaces. Stratigraphic pit square № 2

метр хозяйственных ям 0,9–1,1 м. На западной стенке бровки прослеживается глина светлого цвета, возможно, это следы отвала из хозяйственных ям. Вещевой материал представлен фрагментами казанов и столовой посуды, всего 38 шт. Наибольший инте-

рес представляет венчик водоноса с рукоятью.

Квадрат № 3. Исследованы две хозяйственные ямы. Юго-западная яма № 1 имела диаметр 1 м, а северо-западная яма № 2 имела диаметр 0,9 м, в заполнении обнаружены фрагменты керамики и камень.

Рис. 7. Общая площадь исследований на городище Рахат

Fig. 7. The total area of research on the fortress Rakhat

Вещевой материал представлен керамикой (мелкие фрагменты) и остатками дерева, вертикально уходящего в землю (возможно, опора под крышу здания).

В квадрате № 4 выявлены две ямы, уходящие под восточную и южную бровки, заполнение светлосерого цвета. Яма № 1 диаметром 1,1 м. Яма № 2 диаметром 0,95 м. Вещевой материал примерно аналогичен – элементы столовой и кухонной посуды. Научную значимость имеют только два осколка казана, найденные в северо-восточном углу. Фрагменты дают представление о венчике, тулове и дне сосуда.

Квадрат № 5. Обнаружено пять хозяйственных ям округлой формы. Яма № 1 имела диаметр 1 м, № 2 – 0,9 м, № 3 – 1 м, № 4 – 0,6 м, № 5 – 1,3 м. Исследованы две ямы № 4 и № 5. На дне ямы № 4 найдены фрагменты хума – стенки сосуда (рис. 8), другие части (венчик, тулово) были найдены на уровне древней поверхности, что подтверждает версию о внезапном заполнении ям-погребов. Яма № 4 – самая большая из обна-

руженных. Возможно, имела более позднее происхождение, так как имела отличное от других заполнение коричневого цвета и не имела включений керамики и костей (рис. 9), а также вплотную примыкала к яме № 3, частично задев ее стенки, имея при этом самую большую глубину 0,9 м от древней поверхности.

Вещевой материал представлен казаном без ручек, кружкой, светильником с петлевидной ручкой. Все предметы найдены в юго-западном углу квадрата и являются датирующим материалом.

Квадрат № 6. Выявлено шесть хозяйственных ям, пять из которых имели примерно одинаковые размеры в диаметре – 0,9–1 м. Яма № 5 имела в результате обрушения грушевидную в горизонтальном сечении форму и больший диаметр 1,2 м. Исследованная яма № 2 материала не дала.

Вещевой материал представлен большим количеством осколков хума (фрагменты венчика и стенок сосуда).

Квадрат № 7. Выявлено пять ям-погребов, четыре из них исследо-

вано. Яма № 1 диаметром 1,1 м, глубиной 0,8 м; заполнение из перемеса глины желтого и молочного оттенков. Яма № 2 глубина 0,6–0,7 м от древней поверхности, диаметр 0,7 м. Яма № 3 диаметром 1,1 м, глубиной 0,8 м; в за-

полнении имела фрагменты керамики – три рукояти от котлов. В заполнении погребца № 4 выявлен венчик от котла, другая часть которого найдена на предполагаемом полу здания в 2 м от ямы, что подтверждает гипотезу о

Рис. 8. Фрагменты хума. Квадрат № 5, яма № 4. Фото авторов

Fig. 8. Fragments of hum. Square № 5, pit № 4. Authors's photo

Рис. 9. Квадрат № 5, яма № 4. Фото авторов

Fig. 9. Square № 5, pit № 4. Authors's photo

том, что часть ям была пуста на момент разрушения. Яма № 5 уходит под восточную бровку в разрезе прослеживаются кости животных.

Вещевой материал представлен фрагментами керамики, рукоятями котлов, венчиком котла, костями животных.

Квадрат № 8. Две хозяйственные ямы - № 1 и 2 примерно одного диаметра – 1,1 м.

Квадрат № 9. Одна хозяйственная яма.

В квадратах № 1 (южная стена), № 4 (западная стена), № 6 (западная стена), № 7 (южная стена) были отобраны образцы на споропыльцевой и карпологической анализы и направлены в Институт геологических наук им. К. И. Сатпаева (г. Алматы).

С целью сохранения памятника на городище Рахат были проведены работы по консервации и рекультивации. Подразумеваемая возможное наличие более древних слоев, исследованные площади на городище были законсервированы для дальнейшего изучения. С целью предотвращения разрушения стратиграфических бровок и постороннего вмешательства вся площадь раскопа на городище была засыпана грунтом отвала с применением спецтехники и рабочих.

Обсуждение материала

По результатам исследовательских работ можно отметить, что разнообразие керамики на данном городище говорит о его долговременном существовании [Байпаков, 2008, с. 71–72], среди них встречаются фрагменты кувшинообразных, котловидных, горшковидных, баночных сосудов, а также мисок (рис. 10). Наиболее характерной деталью котловидных сосудов являются наклепные ручки. Среди фрагментов встречаются в

основном венчики округлой формы. Фрагменты дна сосудов сакского времени, как правило, округлой формы. Также фиксируются фрагменты орнаментированной посуды. В основном встречаются каннелюры под венчиком и по шейке сосудов и ряды вдавлений округлой формы и ногтевых вдавлений, а также резной орнамент в виде косых треугольников и волнообразный орнамент.

Всего было обнаружено около 400 фрагментов керамики, которые относятся к средневековому периоду. Таким образом, это самый значительный материал для культурно-хронологической атрибуции различных слоев памятника. Керамика городища представлена фрагментами сосудов, восстановить формы которых полностью не удалось.

Обилие ям, из которых большая часть примерно одного размера, наводит на мысль, что часть из них использовалась как временное зернохранилище и, возможно, (имея одинаковый объем) как мера количества зерна. В целом, подтвердилась датировка городища VIII–X вв., данная К. М. Байпаковым в отчете за 2004 г. [Отчет..., 2004, л. 5].

Анализ найденных изделий из керамики и металла позволил отнести этот объект к раннему и развитому средневековью. Создание огромной империи тюрков не могло не привести к включению их в мировые политико-экономические отношения раннего средневековья, в первую очередь, с окружающим миром – Китаем, Ираном и Византией. В международных отношениях того времени одной из главных задач была борьба за контроль над маршрутами и узловыми пунктами Шелкового пути. Возникновение оседлости в Жетысу/Семи-

Рис. 10. Фрагменты керамических сосудов
Fig. 10. Fragments of ceramic vessels

речь относят к VII в. н.э., так называемому тюрко-согдийскому периоду. В. В. Бартольд предполагал, что образование северной ветки Великого шелкового пути связано с возникновением в VI в. новой кочевой империи тюрков и возникшими в Фергане в VII в. смутами, продлившимися несколько десятилетий. «Минуя Фергану и Кашгар, путешественники отправлялись из Самарканда на северо-восток, через Ташкент и Аулие-Ата в Семиречье к берегам Чу...» [Бартольд, 1963, с. 31]. Опираясь на сведения Сюань Цзяня о средневековой стране Сули, В. В. Бартольд предполагает, что развитие городской жизни в Средней Азии и Казахстане было связано с колонизаторской деятельностью согдийцев как в древности, так и в эпоху Кокандского ханства [Бартольд, 1927, с. 3–20]. По мнению исследователей, в VII в. происходила интенсивная согдийская колонизация в долинах рек Талас, Чу/Шу и Или/Иле, которая привела к созданию десятков городов и укрепленных поселков [Кляшторный, 1992, с. 94–98].

А. Н. Бернштам уделяет большое значение влиянию согдийской культуры на культуру населения Жетысу. «Культура согдийских переселенцев, обнаруживаемая в укрепленных домах согдийских колоний ... типична своей керамикой. Если для глиняной посуды кочевников – саков, усуней, тюрков - характерно отсутствие на ней орнамента, для согдийской керамики весьма характерен крупномасштабный резной, лепной и желобчатый (вдавленный) орнамент различного типа (жгут, треугольник, резной зигзагообразный и т.д.)» [Бернштам, 1949, с. 366]. А. Н. Бернштам не давал точной датировки началу культурной экспансии согдийцев. «Городища Семиречья в нижних слоях содержат инвентарь согдийского происхождения.... Точной датировки для находок из нижних слоев семиреченских городищ пока еще у нас нет» [Бернштам, 1940, с. 55]. Однако полное отсутствие терракотов и кувшинов с налпами, дастарханов на городище Рахат не позволяют с полной уверенностью

говорить именно о согдийском его происхождении.

Остановимся подробнее на керамике, найденной на вскрытых площадях городища Рахат (условно назовем их поселением). По большинству признаков она относится к первому хронологическому признаку керамики Северо-Восточного Жетысу, который выделил К. М. Байпаков, датируется VIII – началом X в. н.э. «...Лепная грубая и кухонная, изготовленная на ручном круге с большой примесью дресвы. Поливная керамика отсутствует. Большинство посуды в обломках. Археологически целых форм мало» [Байпаков и др., 2002, с. 73]. Керамика с поселения Рахат представлена в большинстве своем фрагментами венчиков и ручек котлов, фрагментами водоносов, найдены фрагменты двух хумов, светильник и большое количество фрагментированной керамики горшков без ручек. С определенной долей уверенности можно утверждать, что поселение Рахат является одновременным городищу Талхиз и входит в его периферию. Большой интерес представляют печи тандырного типа, которые являются своего рода маркером поселенческой инфраструктуры и датирующим материалом. А. Н. Бернштам называет

их неизменными спутниками жилищ, начиная с IX в. [Бернштам, 1949, с. 377]. Таким образом, предварительная датировка вскрытых площадей городища Рахат укладывается в VIII–X вв.

Вывод

Масштаб начатых работ на поселении пока не позволяет отнести его к какому либо типу (городище-убежище, караван-сарай). Также пока неизвестно, является ли оно многослойным и точное время его образования. Однако надо заметить, что встречающиеся фрагменты сакской керамики говорят о существовании поселений на этом очень удобном для проживания месте с древнейших времен.

Дальнейшее более глубокое изучение археологических памятников оседлой культуры в Жетысу позволит реконструировать процессы взаимоотношений различных традиций, расширить базу доказательств того, что территория Казахстана была одним из центров историко-культурного синтеза, взаимодействие кочевого и оседлого населения привело к взаимообогащению культур. Именно в недрах такого симбиоза лежат многие достижения культуры народов Казахстана.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Байпаков К.М.* Поселения саков и усуней на территории Жетысу и Алматы. Алматы: ИД «Credo», 2008. 172 с.
2. Отчет о работах на могильнике Иссык и поселении Рахат за 2004 г. // Архив ИА КН МОН РК. Ф. 11, оп. 2, д. 2659, 18 л.
3. *Байпаков К.М., Савельева Т.В., Чанг К.* Средневековые города и поселения северо-восточного Жетысу. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2002. 208 с.
4. *Бартольд В.В.* История культурной жизни Туркестана. Л.: АН СССР, 1927. 256 с.
5. *Бартольд В.В.* Общие работы по истории Средней Азии // Сочинения: в 9 т. М.: Восточная литература, 1963. Т. 2, кн. 1. 1024 с.

6. Бернштам А.Н. Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня // СА. 1949. Т. IX. С. 337–384.

7. Бернштам А.Н. Согдийская колонизация Семиречья // КСИИМК. 1940. Вып. 6. С. 34–43.

8. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан. Летопись трех тысячелетий. Алма-Ата: «Рауан», 1992. 374 с.

9. Мұхтарова Г.Р., Тулегенов Т.Ж., Құрбанәлі Ж., Дин Ян, Миау Ифей, Жау Хан Чин Рахат қалашығындағы 2017 жылы жүргізілген археологиялық ізденіс жұмыстарының кейбір қорытындылары // Электрондық ғылыми журналы «edu.e-history.kz». 2018. № 2 (14). URL: <http://edu.e-history.kz/ru/publications/view/837> (дата обращения 31.01.2020 г.).

Сведения об авторах:

Тулегенов Туралы Жаксылыкович – старший научный сотрудник, Государственный историко-культурный заповедник-музей «Иссык» (г. Есик, Казахстан); tulegenov1309@gmail.com

Чекин Алексей Геннадьевич – старший научный сотрудник, Государственный историко-культурный заповедник-музей «Иссык» (г. Есик, Казахстан); alexei.ch73@mail.ru

Құрбанәлі Жазира – руководитель отдела охраны и исследования городища Талгар, Государственный историко-культурный заповедник-музей «Иссык» (г. Есик, Казахстан); zhazi1981@inbox.ru

2019 ЖЫЛҒЫ ДАЛАЛЫҚ МАУСЫМ КЕЗІНДЕГІ РАХАТ ҚАЛА-ЖҰРТЫНДАҒЫ АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ ҚАЗБА ЖҰМЫСТАРЫ

Т. Ж. Тулегенов, А. Г. Чекин, Ж. Құрбанәлі

Мақалада 2019 жылғы ғылыми-зерттеу жобасы аясында жүргізілген далалық зерттеулердің нәтижелері, Жетісу халқының материалдық мәдениетінің семиозисін археологиялық тұрғыдан зерттеу: сақ дәуірінен XIII ғасырға дейінгі Рахат археологиялық кешенінің материалдық ескерткіштерін одан әрі мәдени-ағартушылық, музейлік және туристік мақсаттарда, басқа да тарихи ошақ көзі ретінде ғылыми айналымға енгізу жұмыстары қарастырылған. Алдын ала жасалған тұжырым бойынша, Рахат археологиялық кешені тас дәуірінен бастап (төменгі палеолит дәуірінің тұрағы табылған) этнографиялық кезеңге дейінгі (XIX ғасырдағы су диірмендері мен жертөлелері) тұрғындарының тарихынан сыр шертетін бірегей орын екендігін көруге болады. Қалашықты одан әрі зерттеу жұмысы Есік шағын ауданындағы ортағасырлық қаланың экономикасы мен мәдениеті туралы толық ақпарат береді. Осылайша «Есік» қорық-музейі жүргізген Рахат шатқалындағы археологиялық зерттеу жұмыстары зерттелетін тарихи-мәдени мұра нысандарының ерекше бірегейлігін көрсетеді. Жетісу өңірі өзіндік тартымды геологиялық, морфологиялық және климаттық жағдайларына байланысты жартылай отырықшы тұрғындардың көне дәуірден ұзақ уақыт бойы бұл өңірді қоныстануынан тарихи дәуірлер сабақтастығын байқауға болады.

Түйін сөздер: археология, Жетісу, «Есік» қорық-музейі, «Алтын адам» ассоциациясы, Рахат қалашығы, керамика, ортағасыр, археологиялық барлау, стратиграфия, мәдени қабат

ARCHAEOLOGICAL EXCAVATIONS of the RAKHAT SETTLEMENT in the 2019 FIELD SEASON

T. J. Tulegenov, A. G. Chekin, J. Kurbanali

The article presents the results of field research in 2019, conducted within the framework of the scientific research project archaeological study of the semiosis of material culture of the population of Jetysu: from the Saks era to the XIII century, on the materials of

monuments that are part of the archaeological complex Rakhat for introduction into scientific circulation and further use for cultural, educational, museum and tourist purposes. According to the preliminary conclusion, we can say that the Rakhat archaeological complex is a unique place where we can trace the history of the inhabitants of the region from the Stone Age (the upper Paleolithic site was found) to the ethnographic period (mills and dugouts of the XIX century). Further study of the settlement will give a more complete picture of the life and economy of the medieval city in the Issyk microregion. Thus, the archaeological research carried out by the “Issyk” reserve-museum in the Rakhat gorge indicates the exceptional uniqueness of the studied objects of historical and cultural heritage, which can be used to trace the continuity of historical epochs over tens of thousands of years, which tells us that the Jetysu region was inhabited and settled by people for a huge period of time due to its attractive geological, morphological and climatic conditions.

Keywords: archaeology, Jetysu, the reserve-museum “Issyk”, association “Altyn Adam”, the ancient city of Rakhat, ceramics, medieval, excavation, archaeological exploration, stratigraphy, cultural layer

REFERENCES

1. Baipakov, K. M. 2008. *Poseleniya sakov i usunei na territorii Jetysu i Almaty (Settlements of Sakas and Usuns Jetysu and Almaty)*. Almaty: Id «Credo» (in Russian).
2. In *Arkhiv Instituta arheologii (Archive of the A.Kh. Margulan Institute of Archaeology)*, f. 11, op. 2, d. 2659, 18p. (in Russian).
3. Baipakov, K. M., Savelyeva, T. V., Chang, K. 2002. *Srednevekovye goroda i poseleniya severo-vostochnogo Jetysu (Medieval towns and sites of north-eastern Jetysu)*. Almaty: A.Kh. Margulan Institute of Archeology Publ. (in Russian).
4. Bartold, V. V. 1927. *Istoriya kulturnoi zhizni Turkestana (The history of the cultural life of Turkestan)*. Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ. (in Russian).
5. Bartold, V. V. 1963. *Obshie raboty po istorii Srednei Azii (General works on the history of Central Asia)*. Sochineniya: v 9 t. T. 2, kn. 1. Moscow: “Vostochnaya literature” Publ. (in Russian).
6. Bernchtam, A. N. 1940. In *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii materialnoy kultury (Brief Communications from the Institute of the History of Material Culture)*, 6, 34–43 (in Russian).
7. Bernshtam, A. N. 1949. In *Sovetskaya arheologiya (Soviet archeology)*, IX, 337–384 (in Russian).
8. Klyashtornyi, S. G., Sultanov, T. I. 1992. *Kazahstan. Letopis trekh tysyacheletiy (Chronicle of three millennia)*. Alma-Ata: “Rauan” (in Russian).
9. Mukhtarova, G. R., Tulegenov, T. J., Qurbanali, J., Din Yan, Miaulfei, Jau Han Chin. 2018. In «*edu.ehistory.kz*», 2 (14). URL: <http://edu.e-history.kz/ru/publications/view/837> (in Kazakh).

About the Authors:

Tulegenov Turaly J. Senior Researcher, State historical and cultural reserve-museum “Issyk” (Esik, Kazakhstan); tulegenov1309@gmail.com

Chekin Aleksey G. Senior Researcher, State historical and cultural reserve-museum “Issyk” (Esik, Kazakhstan); alexei.ch73@mail.ru

Kurbanali Jazira. Head Talgar settlement protection and research department, Issyk State Historical and Cultural Reserve-Museum (Esik, Kazakhstan); zhazi1981@inbox.ru

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді.
/ Раскрытие информации о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
/ Disclosure of conflict of interest information. The authors claims no conflict of interest.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 31.03.2020.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 14.03.2020.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 28.04.2019.

**НЕИЗВЕСТНЫЙ КОНТЕКСТ ЗНАМЕНИТОГО ОТКРЫТИЯ:
РАБОТА М. П. ГРЯЗНОВА В ЦЕНТРАЛЬНОМ КАЗАХСТАНЕ
В СОСТАВЕ ЭКСПЕДИЦИИ ПРОФЕССОРА П. С. РЫКОВА
в 1933 году (к прошедшему 85-летию открытия первого памятника
бегазы-дандыбаевской культуры)**

© 2020 г. Н. Ю. Смирнов

В статье на основе документальных свидетельств реконструируется процесс открытия и исследования М. П. Грязновым первого памятника бегазы-дандыбаевской культуры – сооружения № 11 на могильнике Дандыбай в Центральном Казахстане. Впервые вводится в научный оборот целый ряд архивных документов, касающихся причин участия М. П. Грязнова в работе Нуринской экспедиции ГАИМК, условий работы самой экспедиции и первой попытки научного осмысления открытого им памятника. Иллюстрируют публикацию любительские фотографии рабочих моментов, сделанные во время раскопок одним из научных сотрудников экспедиции, и факсимиле документов, касающихся процесса работы экспедиции.

Ключевые слова: археология, М. П. Грязнов, М. Н. Комарова, Л. Р. Кызласов, А. Х. Маргулан, П. С. Рыков, бегазы-дандыбаевская археологическая культура, история археологии Казахстана, Карагандинский ИТЛ, Комитет по работам ГАИМК на новостройках, Нуринская экспедиция ГАИМК, совхоз «Гигант», Центральный Казахстан

*"Погребение Дындыбай 11 раскопано мною в 1933 г.
на реке Чурубай-нура примерно в 60 км к ЮЗ от г. Караганды".
М. П. Грязнов*

*"Значительная доля успеха в работе Экспедиции должна быть отнесена
в счет этого внимания и постоянного содействия со стороны высшей
администрации Карлаг'а и ей подчиненных работников на местах,
оказывавшегося как Экспедиции в целом, так и отдельным ее участникам".
П. С. Рыков*

*"Первые археологические работы в Центральном Казахстане
после Великой Октябрьской социалистической революции провела
Нуринская экспедиция ГАИМК, организованная в 1933 г.
В ее составе работали известные археологи нашей страны
П. С. Рыков (начальник экспедиции), М. И. Артамонов, М. П. Грязнов,
Н. Арзютов, И. В. Синицын и др.
Важным достижением экспедиции было открытие
знаменитого памятника Дандыбай в долине р. Шерубай-Нура,
в 60 км к юго-западу от г. Караганда".
А. Х. Маргулан*

Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН РФ по теме государственного задания № 0184-2019-0004 «Взаимодействие древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV тыс. до н. э. – I тыс. до н. э.)». Настоящая статья планировалась к публикации еще в 2019 г. и на нее уже появились ссылки в печати [Панкратова, 2019, с. 35–36], однако, по объективным причинам, она выходит в свет только сейчас.

Введение и некоторые замечания по историографии сюжета

В 2018 г. археологическое сообщество Казахстана и России обошло вниманием одну важную дату – 85 лет со дня открытия первого памятника бегазы-дандыбаевской культуры Центрального Казахстана – одной из самых интересных культур эпохи поздней бронзы восточной части евразийских степей.

Этот памятник – сооружение № 11 могильника Дандыбай (в написании 1933 г. – Дындыбай/Дынды-бай) – был открыт и исследован в 1933 г. в Карагандинской области Казахской АССР (до 5 февраля 1936 г. – официальное название автономной республики в составе РСФСР) на р. Шерубайнура (в написании 1933 г. – Чурубай-нура) близ аула Дандыбай (в написании 1933 г. – Дындыбай/Дынды-бай) экспедицией Государственной академии истории материальной культуры Народного комиссариата просвещения РСФСР (далее – ГАИМК, академия) под руководством профессора Павла Сергеевича Рыкова (рис. 1) [Рыков, 1933; 1935; Переписка по организации работ..., л. 76]. В процессе создания и работы экспедиция получила название Нуринской по основному району исследований – бассейну р. Нуры [Рыков, 1933; Смирнов, 2020].

Непосредственным руководителем раскопок кургана № 11 был заместитель начальника экспедиции – Михаил Петрович Грязнов. Вместе с ним в экспедиции работала его жена – Мария Николаевна Комарова (рис. 2) [Грязнов, 1952, с. 130; Переписка по организации работ..., л. 58].

Краткая информация о ходе работ и результатах полевых исследо-

ваний Нуринской экспедиции была опубликована в одном из изданий ГАИМК в год ее проведения. Позднее начальник экспедиции, профессор П. С. Рыков, поместил развернутую статью об открытых памятниках (по сути, это был отредактированный для печати полевой отчет) в специальном томе Известий ГАИМК (рис. 3), посвященном работе академии на новостройках [Рыков, 1933, с. 57–58; 1935, с. 40–68].

В самом начале 1950-х гг. была опубликована программная статья М. П. Грязнова, в которой он обосновывал свою интерпретацию погребения в кургане № 11 могильника Дандыбай и на новом уровне анализировал находки из этого комплекса [Грязнов, 1952]. Нетрудно заметить, что от момента раскопок (1933 г.) до

Рис. 1. П.С. Рыков. Фото. 1930-е гг. (по: [Кафедра истории России...])

Fig. 1. P. S. Rykov. Photo. 1930s (after: [In Saratov State University])

*Рис. 2. М.П. Грязнов и М.Н. Комарова.
Фото. Вторая половина 1920-х гг.
(по: [Бытовые фотографии родных и знакомых..., л. 36])*

*Fig. 2. M. P. Gryaznov and M. N. Komarova.
Photo. Second half of the 1920s
(after: [In NA IIMK RAN, sheet 36])*

авторской публикации (1952 г.) прошло почти 20 лет. К обсуждению причин этой странной паузы я обращусь позднее.

Несомненно, что вышедшая в 1952 г. работа, в которой были заново и в лучшем полиграфическом качестве представлены находки из кургана № 11 могильника Дандыбай, дополненная обширной аналитической частью, явилась своего рода критическим откликом на напечатанную двумя годами ранее статью Л. Р. Кызласова и А. Х. Маргулана, напрямую

затрагивающую материалы из раскопок М. П. Грязнова в 1933 г. [Кызласов, Маргулан, 1950]. В процессе пятилетних (1947–1952 гг.) исследований А. Х. Маргулана на могильнике Бегазы его экспедицией был изучен ряд объектов, материал которых находился «в русле культурных особенностей кургана № 11 могильника Дандыбай» [Бейсенов и др., 2014, с. 10].

В 1947 г. А. Х. Маргулан, открывший могильник Бегазы годом ранее, раскопал одну малую плиточную ограду № 4 [Маргулан, 1949/1950, с. 13–18; Кызласов, Маргулан, 1950, с. 126]. В следующем, 1948 г., в раскопках могильника Бегазы принял участие 24-летний студент-старшекурсник исторического факультета МГУ Л. Р. Кызласов, исследовавший одну большую (№ 2) и еще одну малую (№ 3) ограды [Кызласов, Маргулан, 1950, с. 126; Кызласов И., 2017, с. 16; Кызласов Л., 2017, с. 72]. В 1950 г. вышла совместная статья А. Х. Маргулана и Л. Р. Кызласова, уже аспиранта МГУ, подводившая некоторые итоги работ 1947–1948 гг., и целиком посвященная интерпретации трех раскопанных соавторами объектов [Кызласов, Маргулан, 1950].

В публикации 1952 г. М. П. Грязнов отстаивал идею о принадлежности сооружений с оградями и схожей керамикой из могильников Дандыбай и Бегазы кругу памятников карасукской культурной традиции,

соответственно датируя их эпохой поздней бронзы [Грязнов, 1952, с. 130 и далее], а Л. Р. Кызласов и А. Х. Маргулан, в своей статье, относили раскопанные ими объекты к кругу памятников традиции плиточных могил Монголии и Забайкалья, включая туда и курган № 11 могильника Дандыбай, и датировали этот пласт древностей «раннескифским» временем – VII–VI вв. до н. э. [Кызласов, Маргулан, 1950, с. 136].

Слегка отклоняясь от основной темы статьи, хочу указать на несколько забавных историографических aberrаций, возникших в относительно недавних работах, касающихся истории изучения бегазы-дандыбаевской культуры и конкретно разбираемого сюжета. Так, одну из них можно обнаружить в заметке С. С. Тихонова, который пишет о «раскопках А. Х. Маргулана (1947) и Л.Р. Кызласова (1948) на памятнике Бегазы и их совместной статье», вышедшей в 1950 г. [Тихонов, 2009, с. 192]. Вследствие такого описания создается впечатление, что А. Х. Маргулан и Л. Р. Кызласов, каждый в течение одного года, независимо друг от друга (и, видимо, сменяя друг друга), копали один и тот же могильник. Однако это не так. А. Х. Маргулан руководил работами Центрально-Казахстанской экспедиции на могильнике Бегазы с 1947 по 1952 г., а Л. Р. Кызласов в 1948 г. был участником этой экспедиции и начальником отряда [Бейсенов и др., 2014, с. 10; Кызласов И., 2017; Кызласов Л., 2017, с. 71]. Реальность состоит в том, что каждый из них (и начальник экспедиции, и сотрудник экспедиции) самостоятельно

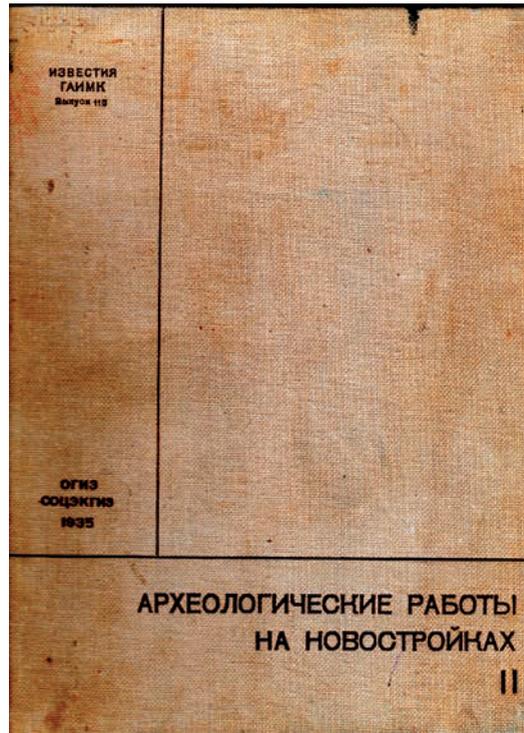

Рис. 3. Обложка тома II сборника трудов ГАИМК «Археологические работы Академии на новостройках в 1932–33 гг.» (ИГАИМК, вып. 110), в которой были опубликованы материалы Нуринской экспедиции [по: Рыков, 1935]

Fig. 3. Cover of volume II of the collection of works of GAIMK “Археологические работы Академии на новостройках в 1932–33 гг.” (Archaeological works of the Academy at construction sites in 1932–33) (ИГАИМК, issue 110) where the materials of the Nura expedition were published (after: [Rykov, 1935])

руководил раскопками тех объектов, которые вкупе рассматриваются в совместной статье 1950 г. [Кызласов, Маргулан, 1950, с. 126]. Повторяется та же aberrация и в другой работе С. С. Тихонова, где он пишет уже о том, что в послевоенные годы «инициатива... в изучении бронзового века Казахстана переходит (от М. П. Грязнова – Н.С.) к молодым ученым (тогда, в далекие послевоенные годы, молодым) Л. Р. Кызласову и А. Х. Маргулану, раскопавшими

(sic!) в 1947 и в 1948 гг. могильник Бегазы и впоследствии опубликованными (sic!) его материалы...» [Тихонов, 2010, с. 32]. Здесь дело не только в том, что повторяется крайне неудачно сформулированная мысль и, тем самым, закрепляется в голове читателя неверное восприятие истории изучения памятника, но и в том, что само высказывание теперь дополняет оксюморон. В действительности, после войны «молодым ученым» можно было назвать только Л. Р. Кызласова (см. выше), а А. Х. Маргулан, родившийся в 1904 г., был практически сверстником М. П. Грязнова, родившегося в 1902 г! Успешное обращение А. Х. Маргулана к изучению бронзового века Казахстана никак невозможно объяснить его «молодостью», но лишь тем, что он в послевоенные годы достаточно быстро стал признанным лидером казахстанского археологического сообщества, а также его специфическим полевым везением. О последнем красочно написал в своих воспоминаниях Л. Р. Кызласов, образно назвав это «парадоксом Маргулана» [Кызласов Л., 2017, с. 72].

Еще одна аберрация – упоминание в первой главе обобщающего труда, подводящего итоги нового периода изучения бегазы-дандыбаевской культуры, о том, что «в 1948 г. в раскопках (могильника Бегазы – Н.С.) принял участие профессор МГУ Леонид Романович Кызласов...» [Бейсенов и др., 2014, с. 10]. Это звучит красиво, но неминуемо вводит читателя в заблуждение. Сопоставление даты рождения Л. Р. Кызласова, а также основных вех его биографии с датами раскопок могильника Бегазы недвусмысленно демонстрирует то, что в 1948 г. в Центральный Казахстан приехал 24-летний студент старших кур-

сов университета [Кызласов И., 2017, с. 16], а никак не профессор, звание которого Л. Р. Кызласов получит только через 20 лет.

Возвращаясь к истории открытия и исследования сооружения № 11 могильника Дандыбай, отмечу, что позднее, после выхода статьи М. П. Грязнова, к материалам памятника неоднократно обращались исследователи бегазы-дандыбаевских древностей Центрального Казахстана. Однако в их работах история изучения кургана № 11 не становилась предметом специального исследования (в качестве примера приведу только обобщающие монографии: [Маргулан, 1979, с. 11, 147–153; Бейсенов и др., 2014, с. 9–10, 76–79]).

Ситуация начала меняться около 10 лет назад. В 2009 г. вышла короткая, но очень важная в свете настоящей темы статья (по своей форме и характеру это, скорее, заметка) омского археолога и историка науки С. С. Тихонова, на страницах которой он, к сожалению, весьма отрывочно и конспективно изложил свое видение истории организации и работ Нуринской экспедиции ГАИМК, опираясь на ранее неизвестные материалы из омской части личного архива М. П. Грязнова, опубликованные работы П. С. Рыкова, М. П. Грязнова, А. Х. Маргулана и Л. Р. Кызласова, а также на данные открытых источников [Тихонов, 2009]. Отдельные, отраженные в заметке 2009 г., наблюдения и выводы повторяются в более поздней работе С. С. Тихонова, но также, большей частью, без опоры на документальные свидетельства [Тихонов, 2010, с. 29–30].

Мне представляется наиболее важным то, что в этих двух текстах С. С. Тихонов впервые в печати вы-

сказал мнение о том, что экспедиция профессора П. С. Рыкова в 1933 г. работала на территориях, подведомственных ГУЛАГу – в зоне Карагандинского ИТЛ (далее – Карагандинский ИТЛ, Карлаг) и подкрепил это рядом соображений [Тихонов, 2009, с. 188; 2010, с. 30].

Рассматривая эти работы С. С. Тихонова как первую осознанную попытку разобраться в истории Нуринской экспедиции 1933 г. и, в целом, отдавая должное интуиции автора, позволившей ему верно обозначить канву сюжета, связанного с организацией одной из любопытнейших новостроечных экспедиций ГАИМК, я с сожалением вынужден отметить, что общее впечатление от них портят досадные для историка науки, имеющего значительный опыт работы с архивным материалом и хорошо знакомого с документами личного архива М. П. Грязнова (омская часть), ошибки, а также несколько поверхностные трактовки и неудачные формулировки.

Например, безусловным анахронизмом является вынесенное в заголовок более ранней заметки и упоминаемое в первом абзаце текста и далее название научной организации, командировавшей экспедицию – «Институт истории материальной культуры»/«ИИМК» [Тихонов, 2009, с. 187]. Общеизвестный факт состоит в том, что до 1937 г. учреждение являлось не институтом, а академией и официально называлось (с 1926 г.) – Государственная академия истории материальной культуры (ГАИМК). Более того, упомянутая в статье «Академия наук» (видимо, СССР?) не могла никого из археологов никуда отправить, вопреки утверждению автора [Тихонов, 2009, с. 188], так

как до 1937 г. не имела отношения к ГАИМК, входившей в систему Народного комиссариата просвещения РСФСР. Подобные ошибки тем более странны, в виду того, что в том же тексте С. С. Тихонов неоднократно ссылается на издания ГАИМК!

Точно таким же анахронизмом является упоминание в заметках, посвященных работе экспедиции 1933 г., Народного комиссариата внутренних дел (НКВД), видимо, РСФСР (?), в контексте деятельности ГУЛАГа [Тихонов, 2009, с. 188–189; 2010, с. 30]. Дело в том, что в 1933 г. Главное управление лагерей относилось к ведомству Объединенного государственного политического управления (ОГПУ), подчиняющемуся непосредственно Совнаркому, а вовсе не к НКВД РСФСР, упраздненному в 1930 г., или НКВД СССР, созданному 10 июля 1934 г.

Трудно сдержать удивление, читая фразу о том, что по своему характеру «состав экспедиции сборный, т. е. набрали кого смогли и послали куда надо» [Тихонов, 2009, с. 187]. Безусловно, состав экспедиции был сборным, но неслучайным: в него входил опытный начальник – организатор крупных полевых археологических работ и вполне советски настроенный, что было особенно важно в этом случае, П. С. Рыков [Худяков, 1935, с. 155–156; Максимов, 1989, с. 11; Малов, 2006, с. 20–21], два его ближайших ученика, проводившие самостоятельные полевые исследования, – И. В. Синицын [К 70-летию..., 1972, с. 6; Каргин, 2010, с. 7–8] и Н. К. Арзютов [Максимов, 1998, с. 194–195], а также М. И. Артамонов, М. П. Грязнов и М. Н. Комарова – молодые кадры ленинградских учреждений, уже имев-

шие неплохой полевой опыт и, что важно, различную археологическую специализацию. Новичком из всего состава был аспирант ГАИМК, будущий палеолитчик и исследователь Костёнок А. Н. Рогачев. При этом П. С. Рыков и М. П. Грязнов имели опыт работы в казахских степях, что отмечает и сам С. С. Тихонов [Тихонов, 2009, с. 187].

Не менее странными выглядят предположения автора о «предупредительности» и «внимании» администрации Карлага по отношению к участникам археологической экспедиции, проявляемым по некоей «обязанности» [Тихонов, 2009, с. 189]. Обязанность была одна: строгий контроль всего, что происходит на территории лагеря. Внимание и предупредительность администрации Карлага были обусловлены сопроводительными документами экспедиции – «верительными грамотами», заблаговременно полученными ее начальником в ГУЛАГ ОГПУ в Москве [Смирнов, 2020].

Причины и история создания Нуринской экспедиции ГАИМК подробно разобраны мной в отдельной работе [Смирнов, 2020]. Там же даны отсылки к большинству архивных источников, документирующих процесс организации экспедиции, знание которых необходимо и для адекватной реконструкции сюжета, рассматриваемого в настоящей статье. Дабы избежать повторов, перечислю ниже лишь ключевые факторы, несомненно, влиявшие на участников Нуринской экспедиции ГАИМК, отослав заинтересованного читателя за расширенным комментарием к другой своей работе [Смирнов, 2020].

Организация экспедиции

Нуринская экспедиция ГАИМК была создана в 1933 г. для исполне-

ния договора между академией и ГУЛАГ ОГПУ об организации спасательных археологических работ (разведки и раскопки) на территории «совхоза “Гигант”» – Карагандинского ИТЛ. Договор был заключен в результате активной деятельности ГАИМК по привлечению средств государственных организаций к осуществлению спасательных археологических исследований в зонах нового крупного строительства СССР. Полевые работы Нуринской экспедиции 1933 г. были связаны с изучением археологических памятников, которым угрожало уничтожение в результате активной хозяйственной деятельности, нацеленной на создание обширных сельскохозяйственных угодий Карлага. Это была новостроечная, в современном понимании, спасательная археологическая экспедиция с жестким графиком работ и регулярной отчетностью перед Комитетом по новостройкам ГАИМК и заказчиком работ – ГУЛАГ ОГПУ.

Экспедиция работала под руководством профессора П. С. Рыкова и при участии целого ряда молодых советских археологов – М. П. Грязнова, М. Н. Комаровой, М. И. Артамонова, И. В. Сеницына, Н. К. Арзютова и А. Н. Рогачёва [Рыков, 1935; Тихонов, 2009; Смирнов, 2020].

Приведу короткий, но необходимый обзор архивных фондов, в которых содержатся документы, связанные с пребыванием М. П. Грязнова в составе Нуринской экспедиции.

Сводные полевые отчеты экспедиции (рукописный и машинописный варианты), полевые дневники участников, административная переписка, касающаяся процесса организации экспедиции, полевые фотографические материалы отложились в

Рукописном и Фото отделах Научного архива (далее – НА ИИМК РАН. РО., ФО.) Института истории материальной культуры Российской академии наук (далее – ИИМК РАН) – прямого наследника ГАИМК [Переписка Комитета новостроек..., Переписка по организации работ..., Отчеты и переписка о раскопках..., Материалы Нуринской экспедиции..., И. В. Синицын. Черновые дневниковые заметки... и ряд других; Нуринская экспедиция ГАИМК...].

Полевая и отчетная документация, которую вел М. П. Грязнов как заместитель начальника экспедиции, сохранилась в его личном архиве, но после его смерти, к сожалению, оказалась разрознена в связи с имевшим место искусственным расчленением архива на ленинградскую (санкт-петербургскую) и омскую части. Основной объем документов из личного архива М. П. Грязнова остался в Ленинграде (Санкт-Петербурге) и поступил на хранение в НА ИИМК РАН. В этом фонде содержатся и документы по Нуринской экспедиции (маршрутные листы разведок, выкопировки из топографических планов, таблицы с определениями костей человека и животных и полевые заметки о раскопках погребения 11 могильника Дандыбай и других объектов) [Дандыбай 11 – памятник карасукской культуры..., л. 57–106]. Меньшая часть архива, в составе которой также имеются касающиеся настоящей темы материалы, попала в Омск, где сохранилась в фондах Музея археологии и этнографии Омского государственного университета [Тихонов, 2009, с. 187, 189, рис. 1, 2].

Некоторые документы из омской части архива М. П. Грязнова, связанные с раскопками 1933 г., были

опубликованы в одном из сборников материалов конференции «Маргулановские чтения» [Тихонов, 2009] и анализировались там в связи с изложением истории раскопок могильника Дандыбай. К сожалению, из текста С. С. Тихонова невозможно понять в целом характер и объем документов, касающихся экспедиции 1933 г. в Центральный Казахстан, которые после смерти М. П. Грязнова попали в ту часть архива, что В. И. Матющенко вывез в Омск. Из приведенных в заметке иллюстраций ясно только, что речь идет, как минимум, о топографических картах с привязками памятников к местности, отдельных полевых (?) чертежах, рисунках и фотографиях вещей. Являются ли карты и чертежи копиями или оригиналами полевой документации, либо это варианты иллюстраций к будущей статье – в большинстве случаев понять из заметки также нельзя.

Принципиально новые данные, проливающие свет на историю организации экспедиции профессора П. С. Рыкова в Центральный Казахстан и особенности ее работы мне удалось выявить в последние годы еще в одном архивном фонде – в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (далее – СПбФ АРАН). Они содержались в фонде Секретной части АН СССР, куда в 1920–1930-е гг. передавались документы, связанные со служебной перепиской академических учреждений с советскими и партийными органами, не подлежавшие оглашению и длительное время бывшие засекреченными. Вероятно, секретная переписка ГАИМК попала в этот фонд случайно, вследствие архивных пертурбаций конца 1930-х или начала 1990-х гг. Здесь сохранились докладная записка П. С. Рыкова

начальнику Карлага М. М. Чунтонову о результатах работы экспедиции, приказ по лагерю о необходимости охраны археологических памятников и статья о значении археологических исследований, опубликованная во внутренней газете Карлага [Докладная записка..., л. 49–53].

Наконец, необходимая информация об административном подчинении, условиях функционирования и обитателях так называемого «совхоза “Гигант”» – Карагандинского ИТЛ, на территории которого работала в 1933 г. экспедиция профессора П. С. Рыкова, содержится в соответствующих делах фонда ГУЛАГа в Государственном архиве Российской Федерации (далее – ГА РФ) [Переписка с правительственными организациями..., л. 12–13; Сводный квартальный обзор..., л. 159], которое могло бы прокормить растущие промышленные центры, да и сам этот остров ГУЛАГа, материализовавшийся среди безбрежных просторов полупустынь Центрального Казахстана.

В год работы Нуриной экспедиции численность граждан Советского Союза, высланных «на переделку» в Карлаг выросла более чем в два раза, почти достигнув отметки в 25 000 человек [Сводный квартальный обзор..., л. 146; Система... 1998. Карагандинский ИТЛ].

Именно в эту зону Центрального Казахстана, где степной ландшафт теперь лишь изредка прерывался лагерными бараками, занявшими территории бывших немецких колоний, а в хозяйстве применялся почти исключительно труд заключенных, и отправился в составе других членов экспедиции тридцатидолетний Михаил Петрович Грязнов в надежде открыть неизвестные ранее археологические памятники.

Прекрасно понимая те условия, в которых будет работать экспедиция, руководство ГАИМК добилось не только финансирования всего цикла научно-исследовательских работ, но и соответствующего материального снабжения для сотрудников экспедиции. Полевое обеспечение (речь, конечно, идет, прежде всего, об условиях проживания, питания и об обмундировании) должно было

силами советских заключенных не только требовало прокладки отсутствовавших в регионе железных дорог, организации добычи угля и полезных ископаемых, строительства жилищ, но порождало насущную необходимость в постоянном хозяйстве [Переписка с правительственными организациями..., л. 12–13; Сводный квартальный обзор..., л. 159], которое могло бы прокормить растущие промышленные центры, да и сам этот остров ГУЛАГа, материализовавшийся среди безбрежных просторов полупустынь Центрального Казахстана.

В год работы Нуриной экспедиции численность граждан Советского Союза, высланных «на переделку» в Карлаг выросла более чем в два раза, почти достигнув отметки в 25 000 человек [Сводный квартальный обзор..., л. 146; Система... 1998. Карагандинский ИТЛ].

Именно в эту зону Центрального Казахстана, где степной ландшафт теперь лишь изредка прерывался лагерными бараками, занявшими территории бывших немецких колоний, а в хозяйстве применялся почти исключительно труд заключенных, и отправился в составе других членов экспедиции тридцатидолетний Михаил Петрович Грязнов в надежде открыть неизвестные ранее археологические памятники.

Прекрасно понимая те условия, в которых будет работать экспедиция, руководство ГАИМК добилось не только финансирования всего цикла научно-исследовательских работ, но и соответствующего материального снабжения для сотрудников экспедиции. Полевое обеспечение (речь, конечно, идет, прежде всего, об условиях проживания, питания и об обмундировании) должно было

быть приравнено к тому, которое получали вольнонаемные работники-специалисты, трудившиеся в лагере. По всей вероятности, статус «вольнонаемных» в отношении участников Нуринской экспедиции впоследствии был зафиксирован и юридически, хотя прямых доказательств этому нет. Я могу опираться только на письмо М. П. Грязнова в Комитет по новостройкам ГАИМК, отправленное из экспедиции, в котором он просит при переводе аванса указывать, что деньги предназначены «вольнонаемному М. П. Грязнову» [Переписка по организации работ..., л. 33, 66; Смирнов, 2020].

С договором о работах на территории «совхоза “Гигант”» был напрямую связан еще один небольшой, но очень показательный совместный проект ГАИМК и ГУЛАГа – «составление и издание инструкции по учету и охране памятников древности», которая была заказана последним у Комитета по новостройкам академии (рис. 4). Парадоксально, но даже такое чисто служебное и, казалось бы, предназначенное для решения частных задач спасательной археологии издание, – брошюра «Инструкция по учету и охране памятников материальной культуры на новостройках», вышедшая из-под пера М. И. Артамонова, М. П. Грязнова и Б. А. Латынина в 1933 г. [Артамонов и др., 1933] и претерпевшая в последствии несколько переизданий, – появилось на свет в процессе сотрудничества именно с ГУЛАГом. При этом необходимость создания таких инструкций обсуждалась еще на заседаниях Комитета по новостройкам как минимум с конца 1932 г. [Протоколы бюро Комитета..., л. 9]. Впрочем, этот сюжет достоин отдельного изучения.

5 мая 1933 г. действительный член ГАИМК и профессор Саратовского университета П. С. Рыков был назначен начальником экспедиции в «совхоз “Гигант”». Кроме того, на него были возложены обязанности ведения переговоров с ГУЛАГом относительно связанных с экспедицией организационных забот [Переписка по организации работ..., л. 55, 91; Смирнов, 2020].

В те же дни определился и окончательный состав Нуринской экспедиции (рис. 5). Список, составленный ученым секретарем Комитета по новостройкам Б. А. Латыниным, включал: Павла Сергеевича Рыкова – начальника экспедиции, Михаила Петровича Грязнова – заместителя начальника экспедиции, Михаила Илларионовича Артамонова, Ивана Васильевича Сеницына и Николая Константиновича Арзютова – старших научных сотрудников, Марию Николаевну Комарову – младшего научного сотрудника и Александра Николаевича Рогачёва – научно-технического сотрудника [Переписка по организации работ..., л. 58, 101–103 об.].

А. Н. Рогачёв, как аспирант, был взят на самую низкую ставку. Сделать его техническим сотрудником было невозможно, так как по условиям договора с ГУЛАГом на довольствие специалистов ставились только научные сотрудники, с другой стороны, в официальную смету еще одна ставка научного сотрудника явно не помещалась – штаты и так были раздуты практически вдвое от первоначально запланированных, а сумма ассигнований не увеличилась. Однако, руководство не хотело обижать самого младшего участника экспедиции и ему планировалось выделить надбавку в 232 р. в счет общего ассигнования, получаемого от ГУЛАГа,

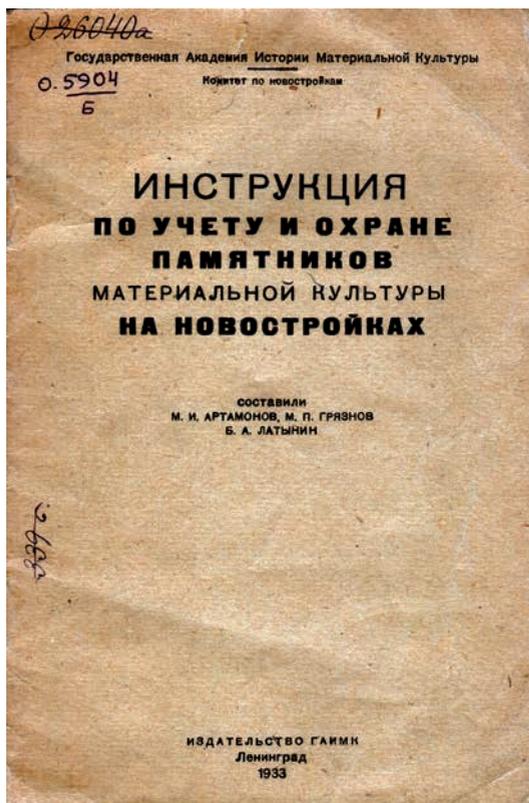

Рис. 4. Обложка «Инструкции по учету и охране памятников на новостройках», составленной М.И. Артамоновым, М.П. Грязновым и Б.А. Латыниным по заказу ГУЛАГ ОГПУ [по: Артамонов и др., 1933]

Fig. 4. Cover of “Инструкции по учету и охране памятников на новостройках” (Instructions on the accounting and protection of sites at construction works) wrote by M. I. Artamonov, M. P. Gryaznov and B. A. Latynin at the order of GULAG OGPU (after: [Artamonov et al, 1933])

для того, чтобы «доплатить разницу зарплаты до н[аучного] с[отрудника]» [Переписка по организации работ..., л. 101]. Впрочем, было ли это сделано не ясно.

М. П. Грязнов, к моменту своего зачисления в состав Нуриной экспедиции, работал в двух учреждениях: заведующим разрядом антропологии во II Технологическом отделении ГАИМК и старшим научным

сотрудником Этнографического отдела Русского музея. При этом основным местом его службы был Русский музей [Академическая археология..., 2013, с. 111, 113, 117, 379]. М. Н. Комарова, жена М. П. Грязнова, в эти годы состояла техническим руководителем лаборатории механического анализа в составе Лаборатории химического анализа в Северо-Западном геологоразведочном тресте. По основному месту работы каждого ГАИМК отправила просьбы об откомандировании их в состав казахстанской экспедиции. Примечательно, что в случае с Русским музеем академия пообещала заведующему Этнографическим отделением «преимущественное право» на получение коллекций, «добытых экспедицией». А в обращении к директору Химической лаборатории было просто указано, что целью откомандирования является «включение ее (М. Н. Комаровой – Н.С.) в число сотрудников экспедиции в Центральный Казахстан, организуемой Академией по заданию Главного Управления Лагерями ОГПУ» [Переписка по организации работ..., л. 59, 60]. Как тут можно было отказать?

К 1933 г. М. П. Грязнов был уже сложившимся специалистом с широким научным кругозором и собственными теоретическими и методическими наработками, вел полевые исследования на Алтае и в Приобье, участвовал в экспедициях в Казахстане и Киргизии. М. Н. Комарова также имела хорошую полевую подготовку, работая с мужем и С. И. Руденко на Алтае.

Несомненно, что в состав экспедиции и на должность заместителя начальника М. П. Грязнов попал случайно. Во-первых, начальник экс-

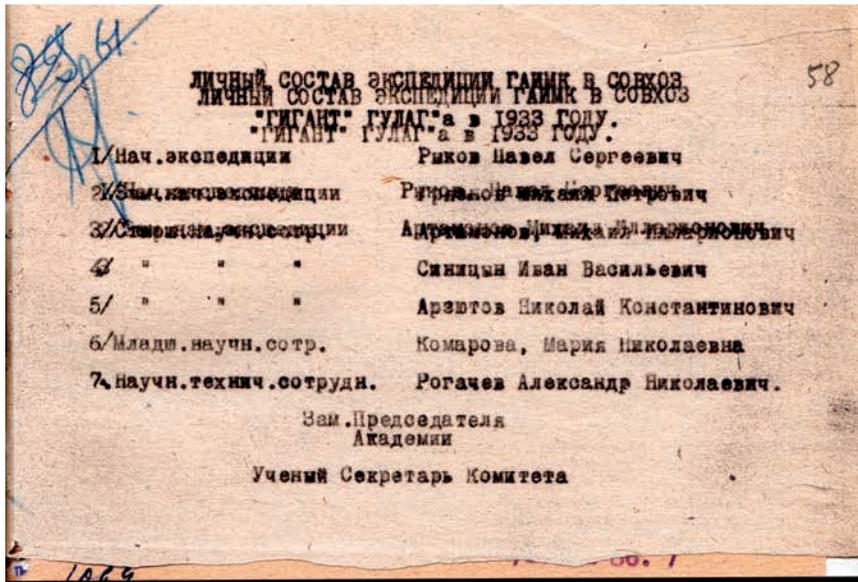

Рис. 5. Копия списка участников Нуринской экспедиции ГАИМК в совхоз ГУЛАГа «Гигант». Публикуется впервые (по: [Переписка по организации работ..., л. 58])

Fig. 5. Copy of the list of participants of the Nura expedition of GAIMK at the GULAG's Sovkhoz 'Gigant'. First publication (after: [In NA IIMK RAN, sheet 58])

педиции, П. С. Рыков, был с ним знаком, как минимум по переписке, еще с 1927 г. [Рыков Павел Сергеевич..., л. 5–5 об.]; во-вторых, у М. П. Грязнова был уже значительный опыт ведения самостоятельных полевых работ. Думаю, что не последнюю роль сыграли также и личные качества М. П. Грязнова. Показательно, что на его имя академией были выданы авансовые денежные средства, а затем П. С. Рыков поручил ему ведение всех финансовых дел экспедиции [Переписка по организации работ..., л. 82 об].

Впрочем, у меня есть и еще одно предположение объяснительного характера. Вероятно, в этот период М. П. Грязнов находился на научном перепутье: совместные работы с С. И. Руденко на Первом Пазырыкском кургане его явно разочаровали, а после ареста последнего продолжение таких затратных исследований и

вовсе стало невозможным. Тем временем, в круг интересов молодого ученого попадают Казахстан и Средняя Азия. С начала 1930-х гг. именно там разворачиваются гигантские стройки социализма, которые вместе с угрозой уничтожения памятников археологии приносят и деньги на их раскопки, а соответственно, возможность заниматься научными исследованиями. Трудно сказать, что здесь преобладало: собственный научный интерес М. П. Грязнова или веяние времени, а, возможно, и желание руководства ГАИМК подключить своего, ленинградского, специалиста, к ответственному направлению работ, переориентировав его на Казахстан, но все очевидные векторы интересов явно совпали.

После успешных переговоров П. С. Рыкова с представителями ГУЛАГа в Москве, состоявшихся в начале мая 1933 г., М. П. Грязнов ак-

тивно включился в работу по подготовке экспедиции.

2 мая 1933 г. ГАИМК послала письмо в Наркомпрос с просьбой выдать Открытые листы на имя начальника экспедиции, его заместителя и троих старших научных сотрудников [Переписка Комитета новостроек..., л. 192]. Уже через две недели, 15 мая 1933 г., Открытые листы «на раскопки в совхозе “Тигант” в Казахстане (район Караганды и р[еки] Нура)» (рис. 6) были выданы [Отчеты и переписка о раскопках..., л. 1].

В последней декаде мая П. С. Рыков находился дома, в Саратове, по всей видимости, занимаясь сборами. Оттуда 21 мая он отправил М. П. Грязнову пространное письмо, в котором излагал свои мысли относительно дня встречи членов экспедиции в Москве и предлагал согласовать сроки выезда, а также просил того напомнить Б. А. Латынину о денежном переводе и захватить с собой аптечку [Рыков Павел Сергеевич..., л. 1–1 об.]. Эта любопытная деталь свидетельствует о специфических условиях социалистической экономики начала 1930-х гг., при которых экспедиционную аптечку удобнее было собрать в Ленинграде, чем в Саратове. Не исключено, что ГАИМК могла позволить себе комплектовать такие аптечки из средств своего бюджета.

В конце мая – начале июня, пока решался вопрос о дате выезда, переводились авансы, бронировались места для проезда в поезде из Москвы до Караганды и совершались последние приготовления в Саратове и Ленинграде, П. С. Рыков снова приехал в Москву, чтобы закончить переговоры с ГУЛАГ ОГПУ, оформить командировку и получить карту района будущих работ. За это время в адрес

М. П. Грязнова ушло несколько телеграмм, в которых обсуждались настоящие проблемы: получение денег, место сбора экспедиции в Москве и дата отъезда. Не обошлось без накладок – из-за отсутствия билетов на поезд экспедиция застряла на несколько дней в Москве и выехала в Караганду только 7 июня [Смирнов, 2020].

К счастью, существует своеобразная летопись Нуринской экспедиции ГАИМК, которая писалась ее начальником и его заместителем – П. С. Рыковым и М. П. Грязновым. Сначала в письмах, отправляемых каждые 10 дней из экспедиции в Ленинград, в адрес Комитета по новостройкам ГАИМК, а затем в виде обобщающих докладов начальника экспедиции руководству Комитета и начальнику Карлага, были изложены основные события полевой жизни [Переписка по организации работ..., л. 65–67, 70–70 об., 72–76, 78–82; Докладная записка начальника..., л. 51–53]. Эти документы расцвечивают сухие строки полевого отчета [Материалы Нуринской экспедиции...; Отчеты и переписка о раскопках...] и опубликованных на его основе заметки и статьи [Рыков, 1933; 1935].

Всего из экспедиции в Ленинград было отправлено семь рукописных писем, частью за подписями П. С. Рыкова и М. П. Грязнова, а частью за подписью одного М. П. Грязнова. Кроме них было составлено и, видимо, отправлено вместе с письмами или параллельно им, четыре «акта»: о «прибытии экспедиции к месту работ», о проведенных за определенный период работах, «об окончании полевых работ» и о выполнении всех полевых работ, упомянутых в договоре с ГУЛАГом [Переписка по организации работ..., л. 73–75, 78].

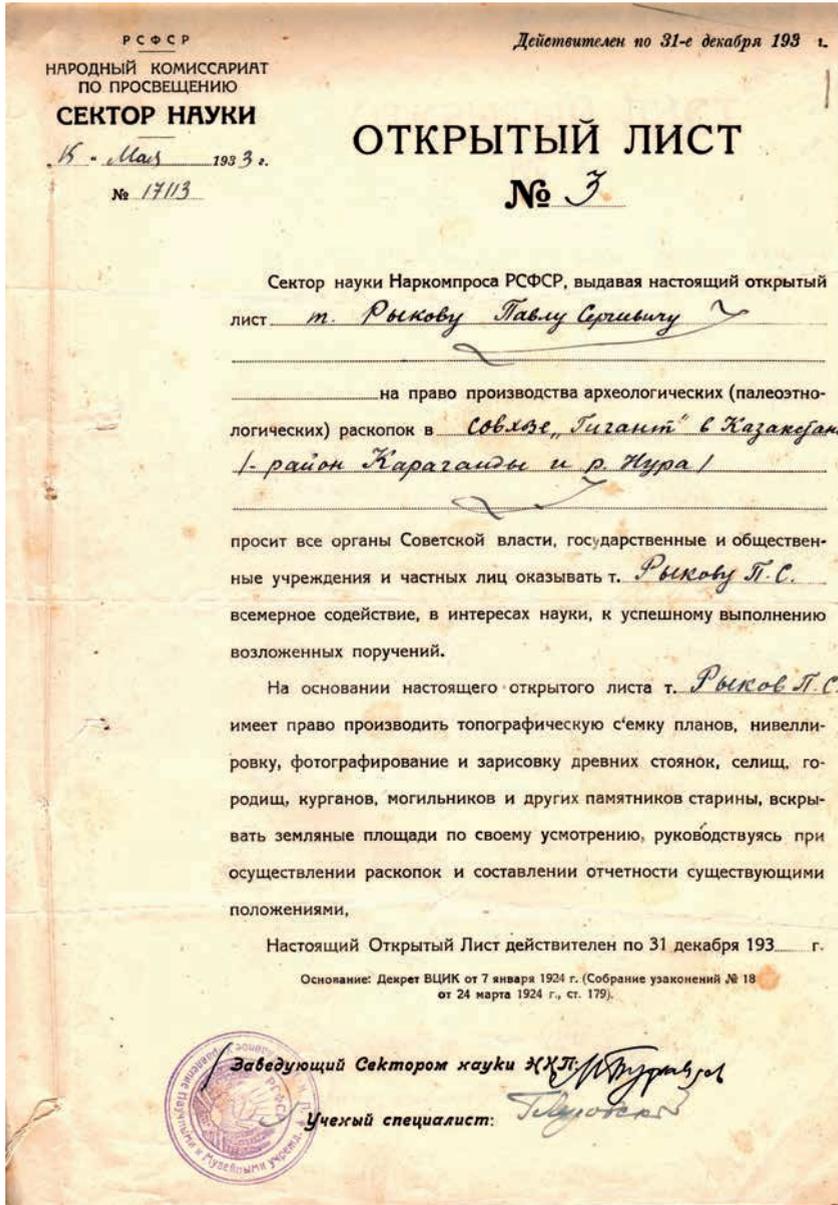

Рис. 6. Открытый лист, выданный начальнику Нуринской экспедиции ГАИМК П. С. Рыкову. Публикуется впервые (по: [Отчеты и переписка о раскопках..., л. 1])

Fig. 6. Excavation licence given to director of Nura expedition of GAIMK P. S. Rykov. First publication (after: [In NA IIMK RAN, sheet 1])

Причем последний «акт» был подписан представителями обеих сторон: заместителем начальника экспедиции ГАИМК М. П. Грязовым и начальником Карлага М. М. Чунтоновым.

Наряду с этим, подробные сведения о разведках, раскопанных объектах и руководителях работ на каждом объекте помещены в «отчете», опубликованном во втором томе

«Археологических работ Академии на новостройках в 1932–33 гг.» [Рыков, 1935. С. 40–68].

Полевой этап работ Нуринской экспедиции

Анализируя вышеупомянутые документы, нетрудно выявить некоторые важные черты, характеризующие работу Нуринской экспедиции ГАИМК. Без сомнения, она носила рекогносцировочный характер и рассматривалась ее организаторами, прежде всего академией, как первый этап большого, длительного проекта, который мог быть осуществлен только с полного одобрения ГУЛАГ ОГПУ и при поддержке его администрации. Именно этот формат взаимоотношений был успешно реализован в 1933 г. За полтора месяца полевых работ – с 14 июня по 3 августа – при материальной и технической поддержке ГУЛАГа, в том числе поставлявшего рабочую силу для раскопок, экспедиция П. С. Рыкова обследовала значительную территорию Центрального Казахстана, практически неизвестную с археологической стороны, а тогда и закрытую для свободного посещения. Членами экспедиции был исследован ряд разновременных археологических памятников, преимущественно погребений, среди которых обнаружен неизвестный ранее тип сооружений – первый памятник будущей бегазыдандыбаевской культуры – курган № 11 могильника Дандыбай.

Экспедиция 1933 г. сосредоточилась на раскопках небольших объектов в разных частях обследованной территории, что, несомненно, объяснялось как незначительными силами (6–7 человек штатного состава и небольшое, неравномерно предоставляемое количество рабочих из контингента заключенных Карлага), так

и чисто спасательным характером исследований – нужно было затронуть раскопками как можно больше разнообразных типов памятников в разных местах, чтобы на основе полученных данных составить верное представление о перспективах их изучения и историко-культурной ситуации в районе работ. Более масштабные раскопки планировались на следующий год.

Взаимоотношения руководства экспедиции и администрации Карлага, судя по отчетам П. С. Рыкова, складывались весьма удачно, а «внимательное и предупредительное» отношение начальника лагеря и его заместителя к членам экспедиции и ее надобностям можно объяснить как личными качествами начальника Карлага М. М. Чунтонова и его заместителя О. Г. Линина, так и их нацеленностью на взаимовыгодное сотрудничество с археологами, появившимися здесь по разрешению головного учреждения – ГУЛАГ ОГПУ. Об этом свидетельствует их заинтересованное участие, выразившееся и в своевременном издании приказа о необходимости учета и охраны памятников на территории лагеря, и в предоставлении возможности опубликовать культурно-просветительскую информацию о работах экспедиции на страницах лагерной газеты «Путевка», а также в переговорах о создании краеведческого уголка в музее лагеря в с. Долинском.

Мы ничего не знаем о взаимоотношениях участников экспедиции и рабочих-землекопов, выделяемых администрацией Карлага в помощь археологам. Ни П. С. Рыков, ни М. П. Грязнов, ни другие члены экспедиции по понятным причинам записей об этом не оставили. Немыслимыми свидетелями участия заключенных Карлага в работе экспедиции

ГАИМК остаются немногочисленные любительские полевые фотографии [Нуринская экспедиция ГАИМК...], сделанные, скорее всего, Н. К. Арзютовым и запечатлевшие моменты расчистки насыпей курганов и разборки наземных сооружений, на которых иногда видны одинаково одетые фигурки людей с лопатами в руках, выполняющих простую землекопную работу (рис.7). К сожалению, все кадры профессиональной полевой съемки до нас не дошли – ящик с отснятыми материалами потерялся или был украден в дороге, по пути следования экспедиционного груза из Караганды в Ленинград [Переписка по организации работ..., л. 53].

Ситуация с финансированием экспедиции напоминала ту, что нередко можно наблюдать в наши дни. Работы ГАИМК, параллельно шедшие на других новостройках, также занимали время сотрудников, а их недостаточное или несвоевременное финансирование приводило к тому, что академия была вынуждена переводить деньги со счета одной экспедиции на счет другой, чтобы своевременно покрывать командировочные и полевые издержки. Так, М. И. Артамонову, уезжавшему из Казахстана в собственную экспедицию на Маныч, деньги на проезд были выделены из средств Нуринской экспедиции. Неудивительно, что П. С. Рыков и М. П. Грязнов так часто напоминали в переписке с Б. А. Латыниным, и с Комитетом по новостройкам в целом, о необходимости перевода авансов для приобретения билетов и прочих нужд экспедиции [Переписка по организации работ..., л. 66, 68, 69, 71 и др.].

13 июня, спустя неделю, ушедшую на то, чтобы добраться от Москвы до Караганды, экспедиция прибыла «к месту работ в с[ело] Долинское и

в тот же день приступила к полевой работе», о чем свидетельствует ее первый отчетный «акт» [Переписка по организации работ..., л. 75]. Несколько иначе первые дни работы описаны в письме № 1, отправленном в ГАИМК на четвертый день приезда в Казахстан – 16 июня. Из него следует, что экспедиция прибыла «в базовый пункт своих работ» – с. Долинское, вечером 13 июня, а после проведения «организационных мероприятий» в первой половине дня 14 июня действительно сразу приступила к разведкам. При этом за два с половиной дня члены экспедиции прошли или проехали (это не ясно из письма) пять маршрутов «общим протяжением до 100 к[илометров]». В результате разведок был собран подъемный материал, обнаружены и картированы памятники. Некоторые из них были «намечены к раскопкам» как «находящиеся в зоне строительных работ». Вечером 16 июня экспедиция должна была перебраться на новое место для продолжения разведок [Переписка по организации работ..., л. 65].

16 июня, перед отъездом из административного центра Карлага, в адрес Комитета по новостройкам ГАИМК М. П. Грязнов отправляет еще одно письмо (№ 2) с просьбой как можно скорее перевести оставшиеся по смете деньги экспедиции на его имя. Именно из него мы и узнаем, что члены экспедиции числились в административной структуре Карлага как «вольнорабочие» [Переписка по организации работ..., л. 66].

Через 10 дней после окончания следующего этапа разведок, 26 июня, П. С. Рыков и М. П. Грязнов отправляют в академию письмо № 3, в котором описывают достижения экспедиции, отмечая, что «предварительное археологическое обследование изуча-

емого района в основном ею закончено». За этот период были осмотрены памятники «как северного, так и южного участков» совхоза «Гигант», попадавших в зону обследования, причем 160 км маршрутов было пройдено пешком, а более 570 км преодолено на автомашинах. Для раскопок «с охранными целями» экспедиция выбрала 10 групп памятников, сосредоточенных в двух пунктах. Приступить к раскопкам руководители экспедиции планировали в ближайшие дни. Атмосфера, в которой приходилось работать экспедиции, описывалась лапидарно: «Общий ход работ считаем нормальным.

Местные власти обеспечивают своим содействием работу экспедиции» [Переписка по организации работ..., л. 67].

28 июня П. С. Рыковым и М. П. Грязновым был составлен второй «акт» о выполненных работах, в котором отмечалось, что «при разведках собраны материалы для составления археологической карты исследуемого района, выявлены памятники подлежащие охране и намечены пункты раскопок памятников, целостности которых угрожают хозяйственные работы совхоза». Также руководство экспедиции уведомяло Комитет по новостройкам академии о том, что «23 июня с[его] г[ода] к составу экспедиции присоединился и приступил к работе старш[ий] научн[ый] сотрудник М. И. Артамонов» [Пере-

Рис. 7. Хут. Центральный ур. Чурубай-нуре, курган № 5. Общий вид раскопок. На переднем плане, возможно, Н.К. Арзютов. На заднем плане – рабочие – заключенные Карлага и кто-то из сотрудников экспедиции. Публикуется впервые [по: Нурина экспедиция ГАИМК..., о. 1029.23]

Fig. 7. Tsentralny Farmstead near the Churubay-Nura River, barrow no. 5. General view of the excavations. In the foreground, possibly, N. K. Arzyutov. In the background, workers (prisoners) of Karlag (Karaganda Penitentiary Labour Camp) and an assistant of the expedition. First publication (after: In NA ИМК РАН, print 1029.23)

писка по организации работ..., л. 74]. М. И. Артамонов выехал в поле позднее, задержавшись в Ленинграде для окончания своих дел в Эрмитаже.

Таким образом, с 14 по 28 июня экспедиция посредством автомобильных и пеших разведок в полном составе или малыми группами (по 2–3 человека) обследовала обширную местность в совхозе «Гигант», включающую, в административном отношении, – семь отделений Карлага. Основные разведочные маршруты экспедиции пролегли по рр. Нуре, Чурубай-Нуре, Джаксы-Сары-Су и Джаман-Сары-Су. Общая протяженность маршрутов за весь срок работы экспедиции составила более 1500 км. Автомобили и продовольствие были предоставлены руководством Карлага [Рыков, 1935, с. 40; Докладная

записка начальника..., л. 51–51 об.; Переписка по организации работ..., л. 81 об.].

5 июля 1933 г. из экспедиции было отправлено письмо № 4, в котором описывались исследования, проведенные с 27 июня по 5 июля. В этот период экспедиция закончила разведки – было «*пройдено пешком 23 к[илометра] и на машине до 230 к[илометров]*», и начала раскопки в одном из выбранных пунктов, расположенном у каменоломен. Здесь были исследованы разрушаемые при хозяйственных работах Карлага курганы преимущественно андроновской культуры. Рядом с ними, на возвышенности, члены экспедиции собрали подъемный материал – каменные орудия, однако при шурфовке следов поселения выявлено не было.

В день отправки письма экспедиция переезжала на другое место работы.

Привлекает внимание характерная приписка в конце письма, в которой П. С. Рыков и М. П. Грязнов напоминают Комитету по новостройкам о том, что обещанные академией деньги на окончание экспедиции и возвращение домой так до сих пор и не получены [Переписка по организации работ..., л. 70–70 об.].

На самом деле, академия еще 7 июля перевела М. П. Грязнову «обычной почтой» 4000 рублей, оставшихся на счетах, по смете Нуринской экспедиции. Но, ввиду значительности расстояния, эти деньги шли очень долго [Переписка по организации работ..., л. 68].

Основной период раскопок пришелся на июль месяц. Об этом нам повествуют оставшиеся три письма и ряд других документов.

Так, 16 июля из экспедиции было отправлено письмо № 5, в ко-

тором кратко описывались результаты работ за 10 дней – с 5 по 15 июля. Раскопки велись вдоль р. Нуры, где изучались курганы в основном андроновского периода, но также были открыты погребения более позднего времени: сарматское и, вероятно, средневековое. При технической поддержке администрации Карлага в этот же период членами экспедиции были осуществлены дополнительные разведки – автомобильные поездки на расстояние в 150 км в «*центральный район исследуемой территории*». К моменту отправки письма раскопки на р. Нуре были закончены и экспедиция перебиралась на новое место [Переписка по организации работ..., л. 72].

22 июля из Долинского управления Карлага в Комитет по новостройкам ГАИМК летит телеграмма, подписанная П. С. Рыковым, М. П. Грязновым и М. И. Артамоновым, уже с категорическим требованием выслать обещанные деньги на счет экспедиции. Наряду со все еще неполученными деньгами на окончание Нуринской экспедиции, речь шла о том, что академия должна была перевести еще и деньги на экспедицию М. П. Грязнова на Калбинские рудники, а также деньги для М. И. Артамонова, предназначенные ему на дорогу до собственной экспедиции на Маныче. После этого, третьего по счету напоминания, ГАИМК наконец-то высылает требуемые деньги, но не полностью. К отправленным ранее по почте средствам Нуринской экспедиции прибавляются 2000 рублей на экспедицию М. П. Грязнова, высланные 23 июля телеграфом. А вот 250 рублей на проезд М. И. Артамонова из Караганды до Манычской экспедиции Комитет по новостройкам распоряжается вы-

дать из «нуринских» [Переписка по организации работ..., л. 68, 69, 71].

29 июля следует очередное письмо (№ 6) из экспедиции, которая уже 13 дней «производит охранительные раскопки» в восточной части Карлага, в двух местах по р. Чурубай-Нуре. Основные изучаемые здесь памятники относятся к андроновскому периоду, но открыты также и более поздние, интерпретируемые как «сарматские» – «с дольменами в центральных частях курганов». Несмотря на окончание основного периода разведок, члены экспедиции проходят пешими и проезжают автомобильными разведочными маршрутами по району, прилегающему к западу к р. Чурубай-Нуре, в общей сложности 64 км [Переписка по организации работ..., л. 79].

3 августа 1933 г. П. С. Рыков и М. П. Грязнов отправляют из экспедиции последнее письмо (№ 7), в котором пишут о том, что работы экспедиции на р. Чурубай-Нуре завершены. Среди исследованных памятников преобладали курганы андроновской эпохи, но были и более поздние, в том числе «1 большая могила с квадратной каменной оградой – раннескифского времени», в которой, вопреки неожиданному описанию, достаточно уверенно опознается курган № 11 могильника Дандыбай. Отмечая повальное разграбление исследованных памятников еще в древности, исследователи все же полагали, что «раскопки дали достаточный материал для характеристики освещаемых ими эпох» [Переписка по организации работ..., л. 76].

Тем же 3 августа датирован третий отчетный «акт», составленный П. С. Рыковым и М. П. Грязновым, из которого мы узнаем, что все полевые

работы закончены 1 августа. Еще два дня – 2 и 3 августа ушли на окончание работ по сворачиванию экспедиции, а также на упаковку и отправку коллекций в Ленинград [Переписка по организации работ..., л. 73].

Всего Нуринской экспедицией ГАИМК с 29 июня по 1 августа «в 2 х пунктах по р[еке] Нуре и в 4 пунктах по р[еке] Чурубай-Нуре» было изучено 32 «могильных сооружения», сохранивших 43 захоронения, и «обследованы детально» два поселения [Рыков, 1935, с. 41; Переписка по организации работ..., л. 73, 81 об.].

Если отталкиваться от опубликованного списка руководителей раскопок, а также своеобразного подсчета количества участников разведок (всегда на одного человека меньше, чем было членов экспедиции), то может создаться впечатление, что начальник экспедиции, профессор П. С. Рыков, в самих полевых работах непосредственного участия не принимал, возможно, занимаясь общей координацией и сношениями с начальством Карлага. К схожему выводу пришел и С. С. Тихонов, опирающийся на опубликованные данные о руководителях раскопок [Тихонов, 2009, с. 189, табл. 1]. Однако есть свидетельство того, что П. С. Рыков непосредственно участвовал в разведках. Имеется его отчет, озаглавленный «Маршрут П. С. Рыкова (обследования Нуринской экспедиции)» из которого понятно, что он, как минимум, занимался полевыми исследованиями в формате разведок [Отчеты и переписка о раскопках..., л. 18–20]. Косвенным свидетельством его непосредственного участия в раскопках служит опись фотографий, сохранившаяся в полевом дневнике И. В. Синецына, где в описании кадров П. С. Рыков нередко фигурирует на раскопе [И. В. Сине-

цын. Черновые дневниковые заметки..., л. 22–24 об.].

М. П. Грязнов, по подсчетам С. С. Тихонова, во время работы экспедиции руководил раскопками восьми объектов [Тихонов, 2009, табл. 1]. Кроме него начальниками раскопов были также имевшие открытые листы Н. К. Арзютов, М. И. Артамонов и И. В. Сеницын. М. Н. Комарова и А. Н. Рогачёв в качестве руководителей полевых работ не упоминаются. Возможно, они были помощниками руководителей раскопов или занимались полевой фиксацией [Рыков, 1935; Переписка по организации работ..., л. 81 об.]. По отношению к А. Н. Рогачёву это можно утверждать точно, так как П. С. Рыков в письме М. П. Грязнову, отправленном из Саратова после окончания экспедиции, упоминает о «чертежах А. Н. Рогачёва курганов Дындыбая» [Рыков Павел Сергеевич..., л. 3 об.].

Понятно, что раскопки, в указанном выше объеме могли быть осуществлены экспедицией лишь при наличии определенного рода «помощников» – заключенных, направленных на полевые работы администрацией Карлага. Если С. С. Тихонов только предполагал это, по сути, проецируя общеизвестную практику применения труда заключенных на «великих стройках социализма» на конкретную ситуацию с проведением археологических работ на территории Карлага [Тихонов, 2009, с. 189], то я могу это уже утверждать, опираясь на документальные свидетельства. Жаль, что имена этих «добровольных» помощников история нам не сохранила.

В отчете в Комитет по новостройкам П. С. Рыков обобщенно пишет о том, что экспедиции была предоставлена «рабочая сила разного качества и в разном количестве – от 2 до

20 человек» и сетует на то, что более крупные объекты невозможно было исследовать «в виду затруднений с рабочей силой, занятой на срочных работах» [Переписка по организации работ..., л. 81 об.]. Абсолютно ясно, что непрофильная занятость заключенных на археологических раскопках входила в противоречие с первоочередными задачами социалистического строительства в гигантском хозяйстве Карлага, и начальство лагеря отправляло на помощь археологам, скорее всего, не самых работоспособных из них и, вероятно, вообще в этом случае подходило к решению вопроса по остаточному принципу.

Впрочем, по воспоминаниям М. П. Грязнова, они просили лагерное начальство назначать на работы заключенных из «интеллигентов», причем последние были очень рады принять участие в научном исследовании [Устное сообщение Н. А. Боковенко].

В отчете начальнику Карлага М. М. Чунтонову П. С. Рыков характеризует помощь администрации лагеря более комплиментарно, но приводит и более точные сведения о работе заключенных: «Всего было употреблено на работу, считая лишь часы применения рабочей силы – от штрафрот – до 214 час[ов], причем количество рабочих колебалось от 2 до 20 человек» [Докладная записка начальника..., л. 51 об.].

Кроме решения организационно-технических вопросов – помощь в размещении, снабжение питанием и автотранспортом, предоставление рабочей силы, была и другая сфера взаимодействия администрации Карлага и экспедиции ГАИМК, связанная с «культурно-просветительской деятельностью»

и охраной памятников археологии. По общему договору с ГУЛАГом археологи были обязаны подготовить и распространить инструкцию по охране памятников на новостройках, прочесть курс лекций и организовать музей. Сразу скажу, что из всего перечисленного, видимо, не удалось сделать ничего или почти ничего: инструкция так и не была доставлена в Карлаг до окончания работы экспедиции, о лекциях никаких четких сведений в достаточно подробных отчетах П. С. Рыкова найти нельзя (есть лишь туманное упоминание о каком-то его докладе, после которого был издан приказ об охране памятников), а музей, как оказалось, уже имелся при учебном комбинате в с. Долинском и его нужно было, впоследствии, лишь дополнить наглядными материалами. С этим сюжетом также не все ясно. Сведений об отправке в музей при учебном комбинате в с. Долинском каких-либо наглядных пособий, иллюстрирующих древнюю историю Центрального Казахстана, в документах не содержится. По моим предположениям, подготовкой таких пособий должен был заниматься М. П. Грязнов, но по причинам, о которых пойдет речь ниже, он надолго оказался оторван от решения задач и воплощения планов Нуринской экспедиции, в том числе связанных с обработкой полевого материала.

Единственные успешные шаги в направлении просвещения местного «населения» и охраны памятников археологии, предпринятые П. С. Рыковым и М. П. Грязновым при поддержке администрации Карлага, состояли в следующем: были изданы три статьи в местной газете «Путёвка», из которых в имеющихся документах присутствует только одна (рис. 8), и достигнута догово-

ренность об издании специального приказа по лагерю, обеспечивавшего «охрану древних сооружений» [Переписка по организации работ..., л. 82; Докладная записка начальника..., л. 51]. Приказ по Карагандинскому Исправительно-Трудовому лагерю ОГПУ под номером 306 действительно был издан 17 июля 1933 г., в разгар работы экспедиции ГАИМК (рис. 9), однако насколько он повлиял на сохранность памятников археологии на территории Карлага, осталось неизвестно.

Раскопки эпонимного памятника будущей бегазы-дандыбаевской культуры – кургана № 11 на могильнике Дандыбай, как уже говорилось выше, имели место на финальном этапе полевых работ, в период с 29 июля по 1 августа 1933 г. Любопытно, что при первом упоминании кургана он был назван «ранне-скифским» [Переписка по организации работ..., л. 76].

Видимо, такая интерпретация была для П. С. Рыкова и М. П. Грязнова сугубо рабочей и предварительной, так как в дальнейшем во всех текстах этот курган фигурировал как памятник карасукской культуры. Впрочем, к занимательной истории его интерпретации я вернусь позднее.

Исследованием объекта руководил М. П. Грязнов, чертежи делал, вероятно, он сам, хотя есть упоминание о том, что какие-то чертежи курганов Дандыбая делал А. Н. Рогачёв (см. выше). Некоторое представление о процессе раскопок дают любительские снимки Н. К. Арзютова (рис. 10–13).

Данные, полученные в процессе изучения кургана № 11, были введены в научный оборот дважды: в первый раз – в обобщающем отчете об экспедиции, написанном П. С. Рыковым на основании отчетов руководителей раскопок [Рыков, 1935], а во

второй – в большой аналитической статье автора раскопок кургана – М. П. Грязнова [Грязнов, 1952]. Все это позволяет мне далее, не останавливаясь на разборе хорошо известных материалов памятника, обратиться к изложению истории его осмысления М. П. Грязновым в период между окончанием раскопок в 1933 г. и выходом статьи 1952 г.

После сворачивания экспедиции и отправки коллекций состоялся отъезд основной части ее участников из Казахстана, в том числе уехал и П. С. Рыков. Заключительный «акт» об исполнении всех пунктов договора между академией и ГУЛАГ ОГПУ и завершении программы работ «Казакстанской экспедиции ГАИМК» со стороны экспедиции 8 августа 1933 г. подписал заместитель начальника – М. П. Грязнов. Он остался в Казахстане, так как должен был после окончания Нурунской экспедиции отправиться в новую, уже свою экспедицию по изучению древних выработок олова и золота в Калбо-Нарымском крае и ждал высылки денег, открытого листа и удостоверения [Грязнов, 1935; Переписка по организации работ..., л. 69, 71, 77].

Со стороны Карагандинского ИТЛ «акт» был подписан начальником лагеря – М. М. Чунтоновым. Подписи сторон удостоверяли то, что «работы по археологическому обследованию, выявлению и учету памятников и проведение археологических раскопок на территории совхоза “Гигант” выполнены полностью» [Переписка по организации работ..., л. 78].

Камеральный этап работ Нурунской экспедиции

По дороге из Караганды в Ленинград, как я уже писал, пропали некоторые полевые материалы, отправленные из экспедиции по железной дороге [Переписка по организации

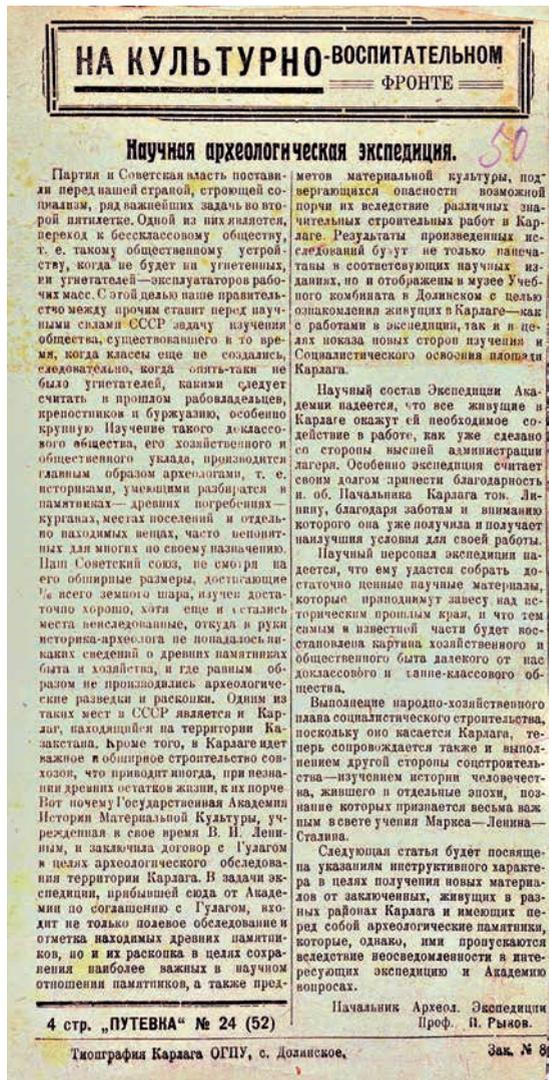

Рис. 8. Статья П. С. Рыкова в газете «Путёвка», издаваемой в Карагандинском ИТЛ. Публикуется впервые (по: [Докладная записка начальника..., л. 50])

Fig. 8. Article by P. S. Rykov in the newspaper "Putyovka" issued at the Karaganda Penitentiary Labour Camp. First publication (after: [In SPbF ARAN, sheet 50])

работ..., л. 53]. В том числе был утрачен основной массив полевых фотографий. Остальные материалы – археологические находки, полученные в ходе работы экспедиции, – благополучно добрались до Ленинграда и поступили на камеральную обработку в ГАИМК. Их нужно было разобрать, зашифровать, отреставрировать, в общем, провести обычные камеральные работы, которые сейчас, зачастую, проводятся еще в полевых условиях, особенно в крупных новостроечных экспедициях. По всей видимости, руководство камеральной работой в Ленинграде было поручено М. П. Грязнову, в помощь которому П. С. Рыков обещал откомандировать из Саратова И. В. Синицына и Н. К. Арзютова [Рыков Павел Сергеевич..., л. 2–3 об.].

Из сметы на камеральную обработку находок Нуриной экспедиции известно, что общая стоимость работ составила 2050 р., а срок их выполнения был ограничен двумя месяцами. В

перечень работ входили: разборка полевых коллекций, составление описи, определение костей животных и человека, проведение естественнонаучных анализов, изготовление чертежей и рисунков, фотоработы, оформление двух экземпляров отчета с текстовой и альбомной частями [Переписка по организации работ..., л. 84, 86, 87].

Отдельную задачу представляла собой реставрация находок и антропологических материалов. Несмотря на то, что в ГАИМК существовала своя реставрационная лаборатория, решено было передать керамику и кости для реставрации в Русский музей. Что явилось истиной причиной такого решения сказать сейчас трудно, но были два момента, которые могли оказаться ключевыми в вопросе о том, кто именно будет реставрировать находки. Первый момент заключался в том, что заместитель начальника Нуриной экспедиции М. П. Грязнов по месту основной работы числился

именно в Этнографическом отделе Русского музея и мог, таким образом, непосредственно контролировать весь процесс реставрации находок. Кроме того, в свое время условием для его откомандирования в состав Нуриной экспедиции было то, что ГАИМК гарантировал Русскому музею преимущественное право на получение коллекций экспедиции [Переписка по организации работ..., л. 60]. Второй, не менее, а, возможно, и более

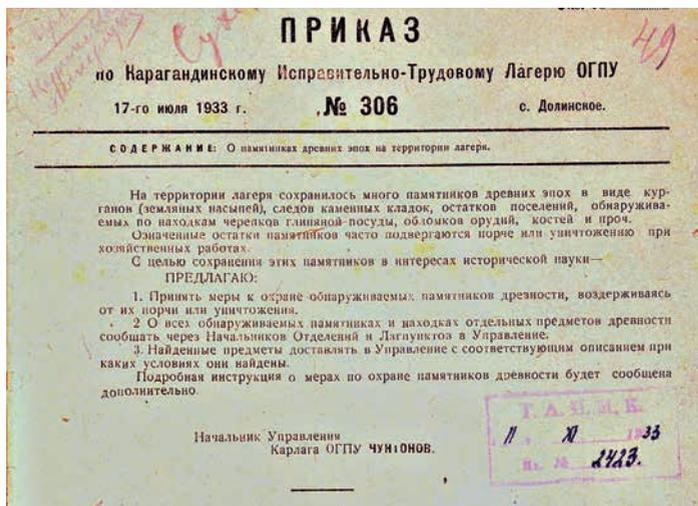

Рис. 9. Приказ № 306 по Карагандинскому ИТЛ ОГПУ от 17 июля 1933 г. Публикуется впервые (по: [Докладная записка начальника..., л. 49])

Fig. 9. Order no. 306 to the Karaganda Penitentiary Labour Camp of OGPU dated by July 17, 1933. First publication (after: [In SPbF ARAN, sheet 49])

важный для академии сюжет состоял в том, что Русский музей брал на себя финансирование расходов на реставрацию археологических предметов с тем, чтобы включить их в последствие в свои фонды, а, возможно, и в экспозицию [Переписка по организации работ..., л. 83, 85]. Переговоры с Русским музеем о реставрации находок шли на протяжении сентября – октября и закончились успешно. При этом директор Русского музея с удовлетворением отмечал «возобновление передач археологических собраний Гос[ударственной] Академией Материальной Культуры Русскому Музею» и выражал надежду на то, что «связь в этом отношении между ГАИМК и Русским Музеем в дальнейшем еще более окрепнет» [Переписка по организации работ..., л. 83].

Если финансировать реставрацию находок согласился Русский музей, то остальные расходы, связанные с проведением камеральной обработки

материалов экспедиции, согласно смете, относились на счет ГУЛАГа [Переписка по организации работ..., л. 84].

10 октября 1933 г. П. С. Рыков из Саратова отправляет М. П. Грязнову последнее письмо, касающееся дел Нуринской экспедиции. Из него следует, что работа над чертежами и рисунками, а также печатание фотографий осуществлялись в Саратове. Фотографии, видимо, те самые, любительские, сделанные Н. К. Арзютовым, печатались П. С. Рыковым частично за счет средств по смете на камеральную обработку, а частью – за счет «местных средств» (самые неудачные, а также «бытовые»). Обсуждался и вопрос отчетных материалов: отправлять ли их по почте или подождать до отъезда в Ленинград Н. К. Арзютова и И. В. Сеницына и отправить с ними полевые дневники, фотографии и изготовленные чертежи с рисунками? Сам П. С. Рыков не собирался появляться в ГАИМК

ранее декабря, так как предполагал, что камеральная обработка не закончится раньше этого времени, к тому же служебные обстоятельства в Саратове препятствовали его приезду в ноябре – он должен был читать лекции студентам. Вместе с письмом П. С. Рыков отправил «подписанную ведомость» (видимо, расходную или зарплатную), «карту» (вероятно, топографический план места работ, выданный в ОГПУ или в Карлаге) и «чертежи курганов Дындыбая»,

Рис. 10. Вид на сопки в районе аула Дандыбай. Внизу «казакские могилы, покрытые камнями». Публикуется впервые (по: [Нуринская экспедиция ГАИМК..., о. 1029.30])

Fig. 10. View at the hills in the vicinity of aul Dandybay. Below 'Kazak graves covered with stones'. First publication (after: [In NA ИМК РАН, print 1029.30])

сделанные А. Н. Рогачёвым [Рыков Павел Сергеевич..., л. 2–2 об.].

В течение октября и ноября в Саратове и Ленинграде шли камеральные работы и готовился отчет Нуринской экспедиции. В соответствии с программой работ экспедиции, согласованной с ГУЛАГом еще в мае 1933 г., камеральная часть должна была быть завершена к 25 ноября 1933 г., а отчет закончен спустя месяц – к 25 декабря. В конце 1933 г. ГАИМК должна была организовать отчетную выставку «всего добытого материала» [Переписка по организации работ..., л. 93].

Арест М. П. Грязнова и его последствия. Первая попытка осмысления материалов кургана № 11

Мерный ход камеральных работ и подготовки общего отчета экспедиции, которым занимался М. П. Грязнов, внезапно был нарушен той же самой могущественной организацией, подразделение которой было заказчиком работ в совхозе «Гигант». 29 ноября 1933 г. М. П. Грязнов был арестован по обвинению в принадлежности к «фашистской контрреволюционной организации украинских националистов», заключен в тюрьму, где содержался во время следствия на протяжении четырех месяцев (с декабря 1933 г. по март 1934 г.) и допрашивался сотрудниками Секретно-политического отдела Управления ОГПУ по Ленинградской области [Ашнин, Алпатов, 1994, с. 34, 40; Заявление..., 2002, с. 86–90]. Той же осенью 1933 г. был арестован целый

Рис. 11. Могильник у аула Дандыбай. Курган № 11. Начало раскопок. Публикуется впервые (по: [Нуринская экспедиция ГАИМК..., о. 1029.44])

Fig. 11. Burial ground near aul Dandybay. Barrow no. 11. Beginning of excavations. First publication (after: [In NA IMK RAN, print 1029.44])

ряд музейных и научных работников Ленинграда и Москвы в рамках сфабрикованного ОГПУ дела «Российской национальной партии». В Этнографическом отделе Русского музея, где работал М. П. Грязнов, были арестованы его ближайшие коллеги – Г. А. Бонч-Осмоловский, Д. А. Золотарёв, А. А. Миллер, С. А. Теплоухов, Ф. А. Фиельструп [Ашнин, Алпатов, 1994, с. 34–40]. Судьба четырех из пяти коллег М. П. Грязнова сложилась трагически: С. А. Теплоухов и Ф. А. Фиельструп погибли или покончили с собой в тюрьме во время следствия, Д. А. Золотарёв и А. А. Миллер умерли в лагерях и ссылке, причем А. А. Миллер – в Казахстане [Ашнин, Алпатов, 1994, с. 202–206].

25 марта 1933 г. М. П. Грязнов был признан виновным «в участии в Фашистской контрреволюционной организации украинских и русских националистов» и приговорен к трехлетнему заключению в ИТЛ, замененному на высылку на три года «по эта-

Рис. 12. Могильник у аула Дандыбай. Курган № 11. Рабочий момент. М.П. Грязнов(?) на раскопе. Публикуется впервые (по: [Нурина экспедиция ГАИМК..., о. 1029.46])

Fig. 12. Burial ground near aul Dandybay. Barrow no. 11. Working moment. M. P. Gryaznov (?) at the excavation. First publication (after: [In NA IMK RAN, print 1029.46])

пу в Горьковский край». Высылку с весны 1934 г. до 25 декабря 1936 г. он отбывал в г. Кирове (тогда – г. Вятка) [Ашнин, Алпатов, 1994, с. 203; Заявление..., 2002, с. 86].

Так, в самый ответственный период осмысления итогов Нуринской экспедиции 1933 г. М. П. Грязнов был насильственно оторван от обработки коллекций, подготовки общего отчета и организации выставки. Видимо, последнее, что М. П. Грязнов успел передать в Комитет по новостройкам – это рукописные записи, дублированные в машинописи, с определениями антропологического материала из раскопок Нуринской экспедиции. Они поступили в Комитет 29 ноября 1933 г., в день его ареста [Отчеты и переписка о раскопках..., л. 37–52].

Однако к моменту ареста он успел не только разобрать полевую документацию – планы, чертежи, зарисовки и черновики записей, но и написать очень любопытную статью

о кургане № 11 могильника Дандыбай, оставшуюся неопубликованной.

В личном фонде М. П. Грязнова в НА ИИМК РАН сохранились колоритные папки его собственного изготовления, содержащие материалы Нуринской экспедиции, причем четыре из них явно относятся к периоду, предшествовавшему аресту в ноябре 1933 г. [Дандыбай 11 – памятник карасукской культуры..., л. 50–113]. Пятая папка, судя по названию, пометкам и стилю — уже послевоенная (рис. 14).

Все папки имеют лаконичные названия, хорошо отражающие их содержание: «Дындабай 11 памятник карасукского этапа в Казахстане», «Гигант», «1933. Чертежи», «Отработанные чертежи» и «1933. Карты» [Дандыбай 11 – памятник карасукской культуры..., л. 1–49, 50–70; 71–92; 93–99; 100–113].

Самый большой интерес среди содержащихся в них материалов вызывает черновая рукопись неопубликованной статьи, написанной, по всей видимости, осенью 1933 г. по свежим впечатлениям от раскопок кургана № 11 на могильнике Дандыбай. Все ссылки в тексте этой рукописи даются на работы, опубликованные не позднее 1930 г., а начинается она фразой: «Из исследованных минувшим летом Нуринской экспедицией памятников...» [Дандыбай 11 – памятник карасукской культуры..., л. 50–56].

Пометка «10 300 знаков», поставленная автором на рукописи, означает только одно – этот текст готовился к печати, возможно, в одном

из изданий ГАИМК. Заметка имеет неожиданное название – «Памятник ранне-скифской эпохи в Казакстане» – оно отсылает нас к первому упоминанию об исследованиях кургана № 11 на могильнике Дандыбай в цитировавшемся выше письме № 7 от 3 (или 4) августа 1933 г., в котором также фигурировала «большая могила с квадратной оградой ранне-скифского времени» [Переписка по организации работ..., л. 76].

Перед нами первая попытка М. П. Грязнова проанализировать материалы погребения № 11 могильника Дандыбай.

Показательно, что в тот момент он явно затруднялся с определением хронологической и культурной принадлежности раскопанного им памятника, склоняясь в пользу скифского или предскифского возраста (в схожем ключе будут интерпретировать в первой публикации мавзолеи Бегазы и А. Х. Маргулан с Л. Р. Кызласовым [Кызласов, Маргулан, 1950]), но указывая при этом на некоторые параллели в андроновской, карасукской и скифской (причерноморской) традициях. Впрочем, отмечал он и отличительные особенности материалов памятника, не присущие трем перечисленным культурным традициям, а указанное сходство объяснял в ключе «общности социально-экономического строя».

Важно и то, что эта невышедшая статья 1933 г. дает еще один ключик к разгадке сложения «полицентрической» или, что более верно, ацентри-

Рис. 13. Могильник у аула Дандыбай. Курган № 11. Расчистка погребальной камеры. Публикуется впервые (по: [Нуринская экспедиция ГАИМК..., о. 1029.47])

Fig. 13. Burial ground near aul Dandybay. Barrow no. 11. Clearing of the burial chamber. First publication (after: [In NA IIMK RAN, print 1029.47])

ческой теории происхождения скифской культуры, кратко сформулированной М. П. Грязновым в конце жизни, при издании материалов кургана Аржан. Уже здесь, в тексте 1933 г., он достаточно четко высказывает мысль о том, что «ни для причерноморских скифов, ни для их предков нет места в Центральном Казахстане», предполагая, что «дальнейшие археологические исследования покажут, что и в других областях степей Азии не окажется родины причерноморских скифов» [Дандыбай 11 – памятник карасукской культуры..., л. 56].

Арест М. П. Грязнова помешал закончить в срок обработку материалов и написание отчета о результатах исследований Нуринской экспедиции, так как до конца 1933 г. экземпляры отчета так и не были отправлены заказчику работ – в ГУЛАГ ОГПУ, а запланированная на конец декабря выставка не состоялась.

Остается неясным – был ли командирован кто-то из Саратова в Ленинград для обработки коллекций, как это планировалось изначально. В настоящий момент я склонен полагать, что ни Н. К. Арзютов, ни И. В. Синицын не приезжали. В пользу этого свидетельствуют рукописные и печатные сопроводительные письма к отправленным из Саратова 15 декабря 1933 г. И. В. Синицыным и 20 декабря Н. К. Арзютовым по почте документам: открытым листам и полевым дневникам работ Нуриной экспедиции [Отчеты и переписка о раскопках..., л. 2, 23].

Пленум ГАИМК 1934 г. и публикация отчета о результатах работ Нуриной экспедиции

Отчетный пленум, на котором должны были быть представлены результаты работ новостроечных экспедиций ГАИМК, сначала был запланирован на середину января 1934 г., но затем перенесен на месяц позднее [Отчеты и переписка о раскопках..., л. 15, 16]. Он шел два дня – 18 и 19 февраля 1934 г. Участие в работе пленума, кроме сотрудников ГАИМК и МО ГАИМК, приняли представители других научных и музейных заведений Ленинграда, Москвы и ряда других городов. Особое значение пленума состояло в том, что он был не просто отчетным для академии, а являлся своего рода пропагандистской площадкой, так как на него были приглашены представители всех ведомств, с которыми ГАИМК работала в рамках новостроечных проектов. В перечне несомненных целей пленума были не только демонстрация успешности совместной работы с крупными государственными организациями и подтверждение необходимости продолжения спасательных работ на

новостройках, но и предварительное согласование финансирования таких работ в наступившем 1934 г. К открытию пленума в ГАИМК была организована «отчетная выставка» [Стенограмма пленума..., л. 1–4]. Среди приглашенных на пленум представителей организаций-заказчиков работ есть и фамилия М. С. Госкина из 4 отделения ГУЛАГ ОГПУ, с которым в начале 1933 г. вел переговоры П. С. Рыков. Похоже, что приглашение к участию в пленуме было выслано в Карлаг и О. Г. Ленину, сменившему М. М. Чунтонова на посту начальника лагеря [Стенограмма пленума..., л. 2 об, 3 об., 37].

В архиве ИИМК РАН хранятся два варианта сводного отчета о работе Нуриной экспедиции: рукописный и машинописный. Рукописный отчет написан самим П. С. Рыковым [Материалы Нуриной экспедиции..., л. 48–82] и, вероятно, является рабочим вариантом его доклада на февральском пленуме 1934 г. Перед нами сугубо деловой рассказ о ходе работ, в котором достаточно много места уделено описанию картины разрушения памятников на территории «совхоза “Гигант”» в результате сельскохозяйственных, строительных и дорожных работ. Естественно, в этом тексте, предназначенном для публичного произнесения, ни словом не упоминаются ни заказчик работ – ГУЛАГ, ни ведомство, которому управление подчиняется – ОГПУ. Там, где речь заходит о взаимодействии с начальством Карлага, последнее именуется нейтрально – «администрация совхоза» [Материалы Нуриной экспедиции..., л. 48–82].

Арестованный М. П. Грязнов упоминается на страницах отчета в качестве заместителя начальника экспедиции [Материалы Нуринской экспедиции..., л. 50]. Его имя не замалчивается, хотя он сам находится в тюрьме уже два с половиной месяца.

Второй вариант сводного отчета Нуринской экспедиции, о котором я уже упоминал выше, – машинопись с многочисленными рукописными правками и вставками, сделанными как рукой самого П. С. Рыкова, так и редакторами Известий ГАИМК [Материалы Нуринской экспедиции..., л. 1–47]. Собственно это и есть тот вариант отчета, который был опубликован в 110 выпуске ИГАИМК в 1935 г.

Эта машинописная копия – важный свидетель изменений, происходивших в ГАИМК в 1933–1935 гг. В качестве авторов текста изначально были указаны три человека: заместитель председателя ГАИМК А. Г. Пригожин, ученый секретарь комитета Б. А. Латынин и с.н.с. Нуринской экспедиции М. И. Артамонов. Затем их должности и фамилии были вычеркнуты и была вписана фамилия П. С. Рыкова, впоследствии также зачеркнутая [Материалы Нуринской экспедиции..., л. 47]. На титульном листе машинописи в ясной хронологической последовательности были оставлены три редакторские пометки. Самая ранняя из них сделана рукой Б. А. Латынина 10 мая 1934 г. Следующая по времени подпись была оставлена редактором тома И. И. Мещаниновым 18 мая 1934 г. Годом позднее, 13 февраля 1935 г., здесь появляется пространная запись Г. В. Подгаецкого: «Экземпляр, подготовленный для печати, с редакционными поправками» [Материалы Нуринской экспедиции..., л. 1]. Таким образом, выход

статьи в свет затянулся более чем на год. За это время М. П. Грязнов был осужден и выслан в Вятку, а ситуация в академии и стране в целом стала сильно меняться в свете политических репрессий, развернувшихся после убийства С. М. Кирова в декабре 1934 г.

Наступал тяжелый и беспросветный период второй половины 1930 – первой половины 1940-х гг. Двое соратников М. П. Грязнова по экспедиции – саратовцы П. С. Рыков и Н. К. Арзютов были заключены в лагерь и погибли, ленинградец Б. А. Латынин, ученый секретарь Комитета по новостройкам, был выслан из города, а затем арестован и заключен в лагерь, где фатально подорвал свое здоровье. К занятиям наукой он смог вернуться только после 1953 г. Перестала существовать Государственная академия истории материальной культуры. Каток репрессий немного притормозил лишь с началом Великой Отечественной войны...

Конец истории. Итоговая статья о Дандыбае 1952 г.

Завершая этот экскурс в научную биографию М. П. Грязнова начала 1930-х гг., необходимо сказать и несколько слов о предыстории его статьи 1952 г., вышедшей, почти через два десятилетия после раскопок. Столь длительная пауза, конечно, была обусловлена описанными выше событиями и их последствиями, несомненно, сказавшимися и на работоспособности ученого, и на доступности археологических материалов для дополнительного изучения. Однако есть свидетельства того, что и в этот непростой период своей жизни М. П. Грязнов не оставлял идею публикации материалов кургана № 11 могильника Дандыбай в собственной интерпретации.

Рис. 14. Папки с подготовительными материалами к отчету о раскопках Нуриной экспедиции ГАИМК 1933 г. в архиве М. П. Грязнова (по: [Дандыбай 11 – памятник карасукской культуры..., л. 50–113])

Fig. 14. Folders with preparatory materials for the report on the excavations of the Nura expedition of GAIMK in 1933 in M. P. Gryaznov's archives (after: [In NA IIMK RAN, sheet 50–113])

Одна из папок архива М. П. Грязнова, озаглавленная «Дындыбай 11 памятник карасукского этапа в Казахстане», содержит рукопись статьи, опубликованной в «Советской археологии» [Грязнов, 1952]. Текст явно писался уже после войны, так как автор ссылается на работы, самая

поздняя из которых опубликована в 1946 г., из чего можно сделать вывод, что статья не могла быть закончена ранее этого времени. Рукопись несколько отличается от публикации, но в основном за счет изъятых в печатном варианте пространного введения, написанного в научно-популярном стиле. На папке имеется любопытная карандашная пометка: «Для сборника И. А. Орбели». Она может свидетельствовать о том, что статья изначально готовилась М. П. Грязновым, после войны параллельно работавшим в Эрмитаже и ИИМК АН СССР, видимо, для какого-то несостоявшегося сборника к 60-летию академика И. А. Орбели, директора Государственного Эрмитажа [Дандыбай 11 – памятник карасукской культуры..., л. 1–49]. Это объясняет сведения, приведенные С. С. Тихоновым, о том, что в 1946 г. М. П. Грязнов просил определить породы дерева, из которых были изготовлены некоторые предметы, найденные в кургане 11 [Тихонов, 2009, с. 192].

После выхода статьи в «Советской археологии» М.П. Грязнов уже не возвращался специально к этим материалам, видимо, закрыв для себя историю Нуринской экспедиции публикацией материалов Дандыбая.

ЛИТЕРАТУРА

1. Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.) / Отв. ред.: Е.Н. Носов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. 416 с.
2. Артамонов М.И., Грязнов М.П., Латынин Б.А. Инструкция по учету и охране памятников материальной культуры на новостройках / Отв. ред.: С.Н. Быковский. Л.: Изд-во ГАИМК, 1933. 16 с.
3. Ашинин Ф.Д., Алпатов В.М. «Дело славистов»: 30-е годы. М.: Наследие, 1994. 286 с.
4. Бейсенов А.З., Варфоломеев В.В., Касеналин А.Е. Памятники бегазы-дандыбаевской культуры Центрального Казахстана. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2014. 192 с.
5. Грязнов М.П. Золото Восточного Казакстана и Алтая // Археологические работы Академии на новостройках в 1932–33 гг. / Отв. ред.: И.И. Мещанинов. Т. II. М.-Л.: ОГИЗ, 1935. С. 192–193 (ИГАИМК. Вып. 110).
6. Грязнов М.П. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане // СА. 1952. Вып. XVI. С. 129–162.
7. Дандыбай 11 – памятник карасукской культуры в Казахстане. Памятник раннескифской эпохи в Казахстане (черновик отчета М.П. Грязнова [по] Нуринской [экспедиции] ГАИМК 1933 г.) // НА ИИМК РАН. РО, ф. 91, оп. 1, д. 64.
8. Докладная записка начальника археологической экспедиции о своей работе [с приложениями] // СПБФ АРАН, ф. 4, оп. 28, д. 19, л. 49–53.
9. Заявление административно-высланного Грязнова Михаила Петровича, проживающего в г. Вятке по Хлыновской улице дом 42 // Степи Евразии в древности и раннем средневековье: м-лы Междунар. научн. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. М.П. Грязнова / Отв. ред.: Ю.Ю. Пиотровский. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002. Кн. I. С. 86.
10. И.В. Сеницын. Черновые дневниковые заметки археологических раскопок в Калмыцкой области (колхоз им. Хомутникова в урочище «Три брата», с. Элиста и Нуринской экспедиции (Казахстан) в 1933 г. с рисунками погребений, находок и описью фотографий // НА ИИМК РАН. РО, ф. 2, оп. 1933 г., д. 300.
11. К 70-летию Ивана Васильевича Сеницына // Античный мир и археология. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1972. Вып. 1. С. 5–11.
12. Каргин Ю.Ю. Полевые археологические исследования И.В. Сеницына (К 110-летию со дня рождения) // Археология Восточно-Европейской степи / Отв. ред.: В.А. Лопатин. Саратов: ИЦ «Наука», 2010. Вып. 8. С. 7–29.
13. Кафедра истории России. История кафедры // Саратовский государственный университет. Исторический факультет. URL: <https://www.sgu.ru/archive/old.sgu.ru/files/hist/vipusk19/history.html> (дата обращения: 03.04.2020).
14. Кызласов И.Л. О Дорожном альбоме Л.Р. Кызласова 1948 года // Кызласов Л.Р. Дорожные зарисовки. Центрально-Казахстанская архитектурно-археологическая экспедиция Академии наук Казахской ССР. 18.VII–1.X.1948 года. Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тамола», 2017. С. 11–16.
15. Кызласов Л.Р. Слово об Алёке Маргулане // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение. Сб. науч. ст., посвящ. 70-летию организации ЦКАЭ Академии наук Казахстана / Отв. ред.: А.З. Бейсенов, В.Г. Ломан. Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тамола», 2017. Т. 1. С. 70–75.

16. *Кызласов Л.Р., Маргулан А. Х.* Плиточные ограды могильника Бегазы // КСИИМК. 1950. Вып. XXXII. С. 126–136.
17. Бытовые фотографии родных и знакомых М.П. Грязнова // НА ИИМК РАН. РО, ф. 91, оп. 2, д. 41, л. 36.
18. *Максимов Е.К.* Павел Сергеевич Рыков (к 100-летию со дня рождения) // Археология восточно-европейской степи / Отв. ред.: В.Г. Миронов. Саратов: Изд-во Саратовского гос. ун-та, 1989. С. 3–11.
19. *Максимов Е.К.* Николай Константинович Арзютов // РА. 1998. № 2. С. 194–196.
20. *Малов Н.М.* Советская археология в Саратовском государственном университете (1918–1940): организационное становление, развитие и репрессии // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов: Научная книга, 2006. Вып. 4. С. 4–28.
21. *Маргулан А.Х.* Отчет о работах Центрально-Казахстанской археологической экспедиции за 1947 г. // Известия АН КазССР. № 67. Сер. археол. 1949/1950. Вып. 2. С. 3–36.
22. *Маргулан А.Х.* Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1979. 360 с.
23. Материалы Нуринской экспедиции 1933 года. Отчёты. Полевые дневники и нивелировка // НА ИИМК РАН. РО, ф. 2, оп. 1933 г., д. 223.
24. Нуринская экспедиция ГАИМК – 1933 г. // НА ИИМК РАН. ФО, ф. 46, колл. № 407.
25. Отчеты и переписка о раскопках в Совхозе «Гигант» в Казахстане (район Караганды и р. Нура) // НА ИИМК РАН. РО, ф. 2, оп. 1933 г., д. 206.
26. *Панкратова Е.Г.* Археологические экспедиции 1930-х годов на территории ГУЛАГа (по материалам Санкт-Петербургского филиала Архива РАН) // У истоков советской археологии: организации и учреждения археологического профиля в новых реалиях: м-лы Междунар. научн. конф. / Отв. ред.: И.А. Сорокина. М.: Институт археологии РАН, 2019. С. 35–36.
27. Переписка Комитета новостроек об организации экспедиций на новостройках // НА ИИМК РАН. РО, Ф. 2, Оп. 1933 г., д. 74.
28. Переписка по организации работ и охране памятников древности и искусства в зонах строительства Управления лагерями ОГПУ «ГУЛАГ». 1933 г. // НА ИИМК РАН. РО, ф. 2, оп. 1933 г., д. 84.
29. Переписка с правительственными организациями по продовольственному и промтоварному снабжению учреждений ГУЛАГа // ГА РФ, ф. Р-9414, оп. 1, д. 1913.
30. Протоколы бюро Комитета по работам академии на новостройках и материалы к ним // НА ИИМК РАН. РО, ф. 2, оп. 1933 г., д. 75.
31. *Рыков П.С.* Нуринская экспедиция 1933 г. // ПИМК. 1933. № 9–10. С. 57–58.
32. Рыков Павел Сергеевич. Из Саратова в Ленинград. 3 письма, 2 конверта // НА ИИМК РАН. РО, ф. 91, оп. 3, д. 164.
33. *Рыков П.С.* Работы в совхозе «Гигант» (Караганда) // Археологические работы Академии на новостройках в 1932–33 гг. / Отв. ред.: И.И. Мещанинов. М.–Л.: ОГИЗ, 1935. Т. II. С. 40–68 (ИГАИМК. Вып. 110).
34. Сводный квартальный обзор по производственной деятельности ИТЛ. 1931–1932 гг. // ГА РФ, ф. Р-9414, оп. 1, д. 2920.
35. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР / Отв. ред. Н.Г. Охотин, А.Б. Рогинский. М.: Звенья, 1998. URL: <http://old.memo.ru/history/nkvd/gulag/> (дата обращения: 15.05.2019).
36. *Смирнов Н.Ю.* Экспедиция профессора П.С. Рыкова в Центральный Казахстан в 1933 г. Причины и история организации // Маргулановские чтения – 2020: сб. м-лов междунар. науч.-практ. конф. «Великая Степь в свете археологических

и междисциплинарных исследований». Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2020. В печати.

37. Стенограмма пленума Комитета Государственной академии истории материальной культуры по работе на новостройках. 1934 г. // НА ИИМК РАН. РО, ф. 2, оп. 1934 г., д. 17.

38. *Тихонов С.С.* Могильник Дандыбай и его исследования Нуринской археологической экспедицией Института истории материальной культуры в 1933 году // Изучение историко-культурного наследия Центральной Евразии: сб. м-лов Междунар. научн. конф. «Маргулановские чтения – 2008». Караганда: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2009. С. 187–193.

39. *Тихонов С.С.* История культуры Южной Сибири и Казахстана в материалах М.П. Грязнова // Андроновский мир / Отв. ред.: Н.П. Матвеева. Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2010. С. 26–36.

40. *Худяков М.Г.* 25-летие научной деятельности проф. П.С. Рыкова // СЭ. 1935. № 2. С. 155–158.

Сведения об авторе:

Смирнов Николай Юрьевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа, Институт истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург, Россия); kolaksais@yandex.ru

ТАНЫМАЛ АШЫЛЫМНЫҢ БЕЙМӘЛІМ МӘНМӘТІНІ: М. П. ГРЯЗНОВТЫҢ ОРТАЛЫҚ ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ПРОФЕССОР П. С. РЫКОВТЫҢ 1933 ЖЫЛҒЫ ЭКСПЕДИЦИЯСЫНЫҢ ҚҰРАМЫНДАҒЫ ЖҰМЫСЫ (Беғазы-Дәндібай мәдениетінің алғашқы ескерткішінің ашылуына 85 жыл өтуіне орай)

Н. Ю. Смирнов

Мақалада құжаттық куәліктер негізінде М. П. Грязновтың Беғазы-Дәндібай мәдениетінің алғашқы ескерткіші – Орталық Қазақстандағы Дәндібай қорымындағы № 11 құрылысты ашуы мен зерттеу үдерісі қалпына келтіріледі. Алғаш рет М. П. Грязновтың МММТА Нұра экспедициясының жұмысына қатысуы, экспедиция жұмысының жағдайы және олардың ескерткішті ашқаннан кейінгі алғашқы ғылыми пайымдауына қатысты көптеген құжаттар ғылыми айналымға тартылған. Жарияланымды қазба жұмыстары кезіндегі экспедицияға қатысушылардың бірі түсірген әуесқой түсірілімдер мен экспедиция жұмысының барысына қатысты құжаттардың факсимилесі безендіре түседі.

Түйін сөздер: археология, М. П. Грязнов, М.Н. Комарова, Л. Р. Кызласов, А. Х. Марғұлан, П. С. Рыков, Беғазы-Дәндібай археологиялық мәдениеті, Қазақстан археологиясының тарихы, Қарағанды ЕТЛ, жаңа құрылыстардағы МММТА жұмысы жөніндегі комитет, МММТА Нұра экспедициясы, «Гигант» кеңшары, Орталық Қазақстан

UNKNOWN CONTEXT OF THE FAMOUS DISCOVERY: M. P. GRYAZNOV'S WORK IN CENTRAL KAZAKHSTAN AS A PARTICIPANT OF PROF. P. S. RYKOV'S EXPEDITION IN 1933 (to the recent 85th anniversary of the discovery of the first monument of the Begazy-Dandybay culture)

N. Yu. Smirnov

This paper, based on documentary evidence, reconstructs the history of the discovery and investigation of the first monument of the Begazy-Dandybay culture – structure no. 11

at the cemetery of Dandybay by M. P. Gryaznov in Central Kazakhstan. An entire series of archive documents concerned with the causes of M. P. Gryaznov's participation in the Nura expedition of the State Academy of the History of Material Culture (GAIMK), the conditions in which the expedition itself was working and the first attempt made by Gryaznov at the scientific interpretation of the site discovered by him are here first published. The publication is illustrated by amateur photos of the working moments taken during the excavations by one of the scientific workers of the expedition and facsimiles of the documents related with the expedition works.

Keywords: archaeology, M. P. Gryaznov, M. N. Komarova, L. R. Kyzlasov, A. Kh. Margulan, P. S. Rykov, Begazy-Dandybay archaeological culture, history of the archaeology of Kazakhstan, Karaganda ITL (Penitentiary Labour Camp), Committee for Activities of GAIMK at Construction Works, Nura expedition of GAIMK, Sovkhoz "Gigant", Central Kazakhstan

REFERENCES

1. Nosov, E. N. (Ed.). 2013. *Akademicheskaya arheologiya na beregah Nevy (ot RAIMK do IIMK RAN, 1919–2014 gg.) (Academic archeology on the Neva (from the Russian Academy for the History of Material Culture to the Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences, 1919–2014))*. Saint Petersburg: "Dmitriy Bulanin" Publ. (in Russian).
2. Artamonov, M. I., Gryaznov, M. P., Latynin, B. A. 1933. *Instrukciya po uchetu i ohrane pamyatnikov materialnoy kultury na novostroykah (Instructions for the accounting and protection of monuments of material culture in new buildings)* / Bykovskiy, S. N. (ed.). Leningrad: Gosudarstvennaya Akademiya Istorii Materialnoy Kultury Publ. (in Russian).
3. Ashnin, F. D., Alpatov, V. M. 1994. «*Delo slavistov*»: 30-e gody ("The Case of the Slavists": the 30s.). Moscow: "Nasledie" Publ. (in Russian).
4. Beisenov, A. Z., Varfolomeev, V. V., Kasenalin, A. E. 2014. *Pamyatniki begazy-dandybaevskoy kultury Centralnogo Kazakhstana (Monuments of the Begazy-Dandybay culture of Central Kazakhstan)*. Almaty: A. Kh. Margulan Institute of Archeology (in Russian).
5. Gryaznov, M. P. 1935. In Meshchaninov, I. I. (Ed.). *Arheologicheskie raboty Akademii na novostroykah v 1932–33 gg. (Archaeological work of the Academy on new buildings in 1932–33)*, II. Moscow–Leningrad: "Obiedinyonnoe Gosudarstvennoe Izdatelstvo" Publ., 192–193 (*Proceedings of the State Russian Academy for the History of Material Culture*. Vol. 110) (in Russian).
6. Gryaznov, M. P. 1952. In *Sovetskaya arheologiya (Soviet archeology)*, XVI, 129–162 (in Russian).
7. In *NA IIMK RAN (Scientific archive of the Institute for the History of material culture of Russian Academy of Sciences)*. RO, f. 91, op. 1, d. 64 (in Russian).
8. In *SPbF ARAN (St. Petersburg branch of the archive of the Russian Academy of Sciences)*, f. 4, op. 28, d. 19, l. 49–53 (in Russian).
9. In Piotrovskiy, Yu. Yu. 2002. *Stepi Evrazii v drevnosti i rannem srednevekovie (Eurasian Steppes of Antiquity and the Early Middle Ages)*, I. Saint Petersburg: State Hermitage Museum Publ., 86 (in Russian).
10. In *NA IIMK RAN (Scientific archive of the Institute for the History of material culture of Russian Academy of Sciences)*. RO, f. 2, op. 1933 g., d. 300 (in Russian).
11. In *Antichnyi mir i arheologiya (The Ancient World and Archeology)*. 1972. Saratov: Saratov State University Publ., 1, 5–11 (in Russian).
12. Kargin, Yu. Yu. 2010. In Lopatin, V. A. (Ed.). *Arheologiya Vostochno-Evropeyskoy stepi (Archeology of the East European Steppe)*. Saratov: "Nauka" Publ, 8, 7–29 (in Russian).

13. In *Saratovskiy gosudarstvennyi universitet. Istoricheskiy fakultet (Saratov State University. History faculty)*. URL: <https://www.sgu.ru/archive/old.sgu.ru/files/hist/vipusk19/history.html> (data obrashcheniya: 03.04.2020) (in Russian).
14. Kyzlasov, I. L. 2017. In Kyzlasov L. R. *Dorozhnye zarisovki. Centralno-Kazhstanskaya arhitekturno-arheologicheskaya ekspeditsiya Akademii nauk Kazahskoy SSR. 18.VII–I.X.1948 goda (Road sketches. Central Kazakhstan Architectural and Archaeological Expedition of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR. 18.VII – I.X.1948)*. Almaty: “Begazy-Tamola” Publ., 11–16 (in Russian).
15. Kyzlasov, L. R. 2017. In Beisenov, A. Z., Loman, V. G. (Eds.). *Arheologicheskoe nasledie Centralnogo Kazahstana: izuchenie i sohranenie (Archaeological Heritage of Central Kazakhstan: Study and Preservation)*, 1. Almaty: “Begazy-Tamola” Publ., 70–75 (in Russian).
16. Kyzlasov, L. R., Margulan, A. Kh. 1950. In *KSIIMK (Brief Communications of the Institute of the History of Material Culture)*, XXXII, 126–136 (in Russian).
17. In *NA IIMK RAN (Scientific archive of the Institute for the History of material culture of the Russian Academy of Sciences)*. RO, f. 91, op. 2, d. 41, l. 36 (in Russian).
18. Maksimov, E. K. 1989. In Mironov, V. G. (Ed.). *Arheologiya vostochno-evropeyskoy stepi (Archeology of the East European Steppe)*. Saratov: Saratov State University Publ., 3–11 (in Russian).
19. Maksimov, E. K. 1998. In *Rossiyskaya arheologiya (Russian archaeology)*, 2, 194–196 (in Russian).
20. Malov, N. M. 2006. In *Arheologiya Vostochno-Evropeyskoy stepi (Archeology of the East European Steppe)*. Saratov: “Nauchnaya kniga”, 4, 4–28 (in Russian).
21. Margulan, A. Kh. 1949/1950. In *Izvestiya AN KazSSR. Ser. arheol. (Bulletin of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR. Ser. archaeol.)*, 67, vol. 2, 3–36 (in Russian).
22. Margulan, A. Kh. 1979. *Begazy-dandybaevskaya kultura Centralnogo Kazahstana (Begazy-Dandybay culture of Central Kazakhstan)*. Alma-Ata: “Nauka” (in Russian).
23. In *NA IIMK RAN (Scientific archive of the Institute for the History of material culture of the Russian Academy of Sciences)*. RO (Manuscript Department), f. 2, op. 1933 g., d. 223 (in Russian).
24. In *NA IIMK RAN (Scientific archive of the Institute for the History of material culture of the Russian Academy of Sciences)*. FO (Photo Department), f. 46, koll. № 407 (in Russian).
25. In *NA IIMK RAN (Scientific archive of the Institute for the History of material culture of the Russian Academy of Sciences)*. RO (Manuscript Department), f. 2, op. 1933 g., d. 206 (in Russian).
26. Pankratova, E. G. 2019. In Sorokina, I. A. (Ed.). *U istokov sovetskoy arheologii: organizatsii i uchrezhdeniya arheologicheskogo profilya v novykh realiyah (At the origins of Soviet archeology: organizations and institutions of the archaeological profile in the new realities)*. Moscow: Institute of archeology RAS, 35–36 (in Russian).
27. In *NA IIMK RAN (Scientific archive of the Institute for the History of material culture of the Russian Academy of Sciences)*. RO (Manuscript Department), F. 2, Op. 1933 g., d. 74 (in Russian).
28. In *NA IIMK RAN (Scientific archive of the Institute for the History of material culture of the Russian Academy of Sciences)*. RO (Manuscript Department), f. 2, op. 1933 g., d. 84 (in Russian).
29. In *GA RF (State archive of the Russian Federation)*, f. R-9414, op. 1, d. 1913 (in Russian).
30. In *NA IIMK RAN (Scientific archive of the Institute for the History of material culture of the Russian Academy of Sciences)*. RO (Manuscript Department), f. 2, op. 1933 g., d. 75 (in Russian).

31. Rykov, P. S. 1933. In *PIMK (Monuments of the history of material culture)*, 9–10, 57–58 (in Russian).
32. In *NA IIMK RAN (Scientific archive of the Institute for the History of material culture of the Russian Academy of Sciences)*. RO (Manuscript Department), f. 91, op. 3, d. 164 (in Russian).
33. Rykov, P. S. 1935. In Meshchaninov, I. I. *Arheologicheskie raboty Akademii na novostroykah v 1932–33 gg. (Archaeological work of the Academy on new buildings in 1932–33)*. Moscow–Leningrad: “Obiedinyonnoe Gosudarstvennoe Izdatelstvo” Publ., II, 40–68 (*Proceedings of the State Russian Academy for the History of Material Culture*. Vol. 110) (in Russian).
34. In GA RF (*State archive of the Russian Federation*), f. R-9414, op. 1, d. 2920 (in Russian).
35. Ohotin, N. G., Roginskiy, A. B. (Eds.). 1998. *Sistema ispravitelno-trudovykh lagerey v SSSR The system of forced labor camps in the USSR*. Moscow: “Zveniya”, URL: <http://old.memo.ru/history/nkvd/gulag/> (in Russian).
36. Smirnov, N. Yu. 2020. In Baitanayev, B. A. (Ed.). *Margulanovskie chteniya – 2020 (Margulan readings – 2020)*. Almaty: A.Kh. Margulan Institute of Archeology. In print (in Russian).
37. In *NA IIMK RAN (Scientific archive of the Institute for the History of material culture of the Russian Academy of Sciences)*. RO (Manuscript Department), f. 2, op. 1934 g., d. 17 (in Russian).
38. Tikhonov, S. S. 2009. In *Margulanovskie chteniya – 2008 (Margulan readings – 2008)*. Karaganda: A.Kh. Margulan Institute of Archeology, 187–193 (in Russian).
39. Tikhonov, S. S. 2010. In Matveeva, N. P. (Ed.). *Andronovskiy mir (Andronovo world)*. Tyumen: Tyumen State University Publ., 26–36 (in Russian).
40. Khudyakov, M. G. 1935. In *Sovetskaya etnografiya (Soviet ethnography)*, 2, 155–158 (in Russian).

About the Author:

Smirnov Nikolay Yu. Candidate of historical sciences, senior researcher, Department of Archeology of Central Asia and the Caucasus, Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia; kolaksais@yandex.ru

Мүдделер кақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер кақтығысының жоқтығын мәлімдейді.
/ Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
/ Disclosure of conflict of interest information. The author claim no conflict of interest.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 07.04.2020.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 21.04.2020.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 05.05.2020.

2018–2019 ЖЫЛДАРЫ «АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ ТЕХНОЛОГИЯЛАР ЗЕРТХАНАСЫНЫҢ» АТҚАРҒАН ЖҰМЫСТАРЫНА ШОЛУ

© 2020 ж. Е. Ш. Ақымбек, М. С. Шағырбаев

Мақалада Ә. Х. Марғұлан атындағы Археология институтының құрамында ашылған «Археологиялық технология зертханасының» 2018–2019 жылдары атқарған жұмыстарына шолу жасалынады. Зертхананы 1970 жылдардың басында М. Қ. Қадырбаев ұйымдастырып, алғашында археозоология, керамика және палео-метал бағыттары бойынша зерттеулер жүргізген. 1983–1990 жылдары зертхананы С. М. Ақынжанов басқарып, бұрынғы зерттеу бағыттары сақталған. 1990 ж. бастап зертхана басшылығына Ж. Құрманқұлов келіп, зерттеу бағыттары жаратылыстану ғылыми-талдау әдістері және археологиялық материалдарды қалына келтіру деп екі бағытқа топтастырылады. 2018 ж. бастап зертхана жұмысы қайта қолға алынып, бұрынғы археозоология және керамикалық зерттеулермен қатар тас және сүйек бұйымдардың трасологиясын зерттеу бағыттары енгізілді. Мақалада осы аталған бөлімдердің ғылыми қызметкерлерінің соңғы екі жыл көлемінде атқарған жұмыстары, ғылыми зерттеу нәтижелері және ғылыми іс-сапарлары сөз болады.

Түйін сөздер: археология, «Археологиялық технология зертханасы», археозоология, керамика, трасология, ғылыми іс-сапар

Kipicne

Археология ғылымы дала-лық қазба жұмыстарынан ғана тұрмайтыны белгілі. Мұның астары зертханалық, камералдық, кітапхана мен архивтік деңгейдегі күрделі зерттеулерге ұласады. Қазба жұмыстарында табылған жәдігерлерді одан әрі ғылыми тұрғыда сөйлету үшін осы аталған құрылымдар бір арнада тоғысуы қажет. Оның ішінде бірнеше күрделі бағыттардан тұратын зертханалық зерттеулерді ерекше атап өтуге болады. Археологиялық барлау және қазба жұмыстарынан табылған жәдігерлер мен алынған үлгілер зертханалық зерттеулермен ұштасқанда ғана өз нәтижесін беріп, дұрыс әрі нақты тұжырымдар жасауға алып келетіні анық. Бүгінде Ә. Х. Марғұлан атындағы Археология институтының құрылымында «Архео-

логиялық технология зертханасы» қайта құрылып, отандық археология ғылымының бір арнасы ретінде дамып келеді.

Зертхана тарихы

Елімізде «Археологиялық технология зертханасының» тарихы 1970 жылдардан басталады. 1963 жылы 17 мамырда КСРО ҒА Төр-алқасының «Археологияға жаратылыстану және техникалық ғылымдарды енгізу» туралы № 394 Қаулысына байланысты 1971–1972 жылдары сол кездегі ҚазКСР ҒА Ш. Ш. Уәлиханов атындағы Тарих, археология және этнография институтының құрамында алғаш рет зертхана ашу жұмыстары жүргізілген болатын. Зертхана атауы «Археологиялық технология» деп аталып, алғашқы меңгерушісі болып белгілі археолог, ғалым

М. Қ. Қадырбаев тағайындалады [ҚР БҒМ ҒК АИ архиві, 1-қ., 1-т., 27-іс, 46-п.]. М. Қ. Қадырбаев археологиялық зертхананың құрамын жасақтау үшін, сол кездегі ғылыми потенциалдың күшін пайдалануға тырысқан. Бірқатар зерттеушілердің тәжірибе жинап, жетілуін қамтамасыз ету мақсатында Мәскеу, Ленинград қалаларына ғылыми іссапарлар ұйымдастырған. Зертхана құрамында алғашқыда зоолог Л. А. Макарова – жануар сүйектері бойынша, Т. М. Тепловодская – керамика бойынша, физик Э. Ф. Кузнецова – метал бойынша және т.б. көптеген ғалымдар қызмет атқарады [Кузнецова, 1998, с. 9–10]. М. Қ. Қадырбаев 1982 ж. мезгілсіз өмірден өтуіне байланысты, 1983 ж. «Археологиялық технология» зертханасы меңгерушісінің міндетін уақытша атқарушы болып С. М. Ақынжанов тағайындалады. С. М. Ақынжанов зертхананың толыққанды меңгерушісі болып 1984 ж. тағайындалған [ҚР БҒМ ҒК АИ архиві, 1-қ., 1-т., 27-іс, 46-п.].

1990 жылы 22 ақпанда ҚазКСР ҒА Тарих, археология және этнография институтының Ғылыми кеңесінде «Археологиялық технология» зертханасының меңгерушісі болып Ж. Құрманқұлов сайланады. Сол кезеңде зертхана өз ішінде *жаратылыстану ғылым-талдау әдістері және археологиялық материалдар реставрациясы* деген екі бөлім жұмыс жасаған. Зертханалық зерттеулердің нәтижелері өте маңызды ғылыми мақалалар болып жарыққа шыққаны белгілі. Сонымен қатар, 1992 ж. С. М. Ақынжанов, Л. А. Макарова және Т. Н. Нурумовтың біріккен авторлығындағы «К истории скотоводства и охоты в Казахстане

(по остеологическому материалу из археологических памятников энеолита и бронзы)» еңбектері [Ахинжанов и др., 1992], 1992 ж. «Культура древних скотоводов и металлургов Сарыарки (по материалам Северной Бетпақдалы)» туралы М. Қ. Қадырбаев пен Ж. Құрманқұловтың еңбектері [Қадырбаев, Курманкулов, 1992] және 1994 ж. «Древняя металлургия и гончарство Центрального Казахстана» туралы Э. Ф. Кузнецова мен Т. М. Тепловодскаяның еңбектері [Кузнецова, Тепловодская, 1994] жарық көрді. Өкінішке орай, 1990 жылдары Қазақстан экономикасындағы тұрақсыздық Институт құрылымына да өз әсерін тигізбей қоймады. Ғылыми зерттеулер аясы тарылумен қатар, зертхана жұмысы да өз деңгейінде жұмыс жасаудан қалып қойды.

«Археологиялық технология зертханасының» бүгінгі жағдайы

Соңғы жылдары Ә. Х. Марғұлан атындағы Археология институты ғылым кеңістігінде ілгерілеушілікке қол жеткізіп, тоқтап қалған зертхананың жұмысын қайта жандандыру мәселесі көтерілді. Нәтижесінде, Ә. Х. Марғұлан атындағы Археология институтының директоры, т.ғ.д., ҚР ҰҒА академигі Б. Ә. Байтанаевтың тікелей бастамасымен Институттың Ғылыми кеңесінің 2018 ж. 29 сәуірдегі шешімі бойынша зертхана бұрынғы атауы бойынша «Археологиялық технология зертханасы» болып қайта құрылды. Осы жылдан бастап бұрынғы зертханалық жұмыс бөлмелері қайта жөндеуге түсіп, жаңа техникалық жабдықтар алуға мүмкіндік жасалды. Бүгінде бұрынғы атауы қайта қалпына келтірілген «Археологиялық технология зерт-

ханасы» ортағасырлық өндірісін зерттеуші Е. Ш. Ақымбектің басшылығымен өз жұмысын қайта жалғастырып келеді.

Қазіргі таңда зертхана құрамында Б. У. Байшашов, М. С. Шағырбаев және ресейлік зерттеушілер П. А. Косинцев пен Д. О. Гимранов остеологиялық материалдармен жұмыс жасайтын – археозоология бөлімі, А. Е. Ержанова, Г. Б. Саргизова тас және сүйек құралдардың типологиялық және морфологиялық құрылымымен айналысатын – *трасология* бөлімі, Е. Ш. Ақымбек, Ж. С. Калиева, Е. В. Дубягина керамикалық бұйымдардың морфологиясы, жасалу техникасы мен технологиясы, химиялық құрамы мен минералдық қосылыстарын, керамика өндірісі мен жасалу үдерістерін зерттейтін – *ежелгі және ортағасырлық керамиканы зерттеу* бөлімдері ғылыми зерттеулерге ұласып, бірқатар нәтижелерге қол жеткізіп отыр. Алдағы уақытта зертхана құрамында метал бұйымдарды қалпына келтіретін – реставрация бөлімін іске қосу жоспарда бар (сур. 1).

«Археологиялық технология зертханасының» мақсаты – жаратылыстану ғылымдарының әдістері арқылы кешенді ғылыми зерттеулер жүргізу болып табылады. Атқаруға тиісті негізгі міндеттері: археологиялық зерттеулердегі жаңа әдістерді меңгеру; зерттеу әдістерін жетілдіру (нысандарды құжаттау әдістерін жүйелеу, зертханалық жұмыстарға үлгілер алу және әртүрлі ғылыми талдаулардың дұрыс қолданылуының жүйесін жасау); зертхана жұмысына оқытушылар мен студенттерді тартып, жас мамандарды дайындау; кешенді

зерттеу нәтижелерін ғылыми айналымға енгізу; археологиялық зерттеулерге жаңадан кірісіп келе жатқан жас зерттеушілерді күрделі ғылыми зерттеулерге араластыру.

Археозоологиялық зерттеулер

«Археологиялық технологиялар» зертханасының құрамындағы археозоология бөлімі отандық және ресейлік Б. У. Байшашов, П. А. Косинцев, Д. О. Гимранов, М. С. Шағырбаев секілді белгілі зоолог және археозоолог ғалымдардың араласуымен бірқатар ежелгі дәуірден ортағасырларға дейінгі ескерткіштерден табылған жануар сүйектеріне талдау жасады. Атап айтқанда, тас дәуіріне тән Деркүл тұрағы, қола дәуірінің Серіктас II қонысы, Жезді ескерткіші, антикалық кезеңмен мерзімделетін Бәбіш Мола, Шірік Рабат, Іңкәр қала, Қабыл қала, ортағасырлық Ақтөбе, Қастек, Шеңгелді, Шу өңіріндегі төрткүлдер тобы, Бурнооктябрьск (Жылқышытөбе), ежелгі Сауран (Қаратөбе), Ақыртас кешені, Абылайкит ғибадатханасы және т.б. ескерткіштердің остеологиялық материалдары талданып, ғылыми айналымға еніп отыр.

Зерттеу жұмыстары жануар сүйектерін жануар түрлеріне бөлуден бастап, қаңқа элементтері, патологиялық өзгерістері, жануарлардың көне миграциялық ареалы, сүйектердің морфометриялық өлшемдері, сойылу кезеңдері секілді күрделі талдауларға ұласады. Нәтижесінде, Қазақстан территориясындағы тас дәуірінен бастап кейінгі ортағасырларға дейінгі жануарлар фаунасы мен мал шаруашылығы және аңшылықтың ерекшеліктері туралы тың мәліметтерге қол жеткізіп отырмыз.

Сур. 1. Археологиялық технология зертханасының ұжымы. Солдан оңға қарай, бірінші қатарда: Е. Ш. Ақымбек; екінші қатарда: А. Е. Ержанова, Г. Б. Саргизова, Е. В. Дубягина, М. С. Шағырбаев, Ө. Доспембетов, Н. Нұрғали

Fig. 1. Archaeological Technology Laboratory Team. From left to right, on the front row Y. Sh. Akymbek; on the second row: A. E. Yerzhanova, G. B. Sargizova, E. V. Dubyagina, M. S. Shagirbayev, U. Dospembetov, N. Nurgali

Трасологиялық зерттеулер

Зертхана құрамындағы трасология бөлімі қазба жұмыстары барысында табылған тас және сүйек құралдардың морфологиялық құрамына, жасалу тәсіліне техникалық-типологиялық сараптама жасаумен айналысып, бірқатар тас, қола және темір дәуірімен мерзімделетін ескерткіштердің материалдарына талдау жүргізіп келеді.

А. Е. Ержанова Қазақстанның орталық аймағындағы қоныстардан табылған құралдардың мыс балқытумен байланыстылығы, аталған аймақтағы ескерткіштерден табылған құрал түрлерінің ұқсастығы барын, бірақ әр аймақтың тас минералдарының өзгешелігіне бай-

ланысты өзіндік ерекшеліктері болатынын анықтауға қол жеткізіп отыр.

Г. Б. Саргизова Талдысай қонысынан 1994–2019 жж. қазба барысында алынған сүйек және мүйізден жасалған, көлемі 284 дм³ болатын материалдарға трасологиялық сараптама жүргізді. Оның ішінде өңделген іздері сақталған құралдар саны 495 дана екендігі анықталып отыр. Құралдар арасында ірі қара малдың сирағынан жасалған коньки және жылқы ауыздығының бөлшектері табылған. Сүйектен жасалған құралдарды зерттеу барысында, Талдысай қонысынан табылған сүйектен және мүйізден жасалған

құралдар басқа қола дәуіріне жататын ескерткіштердің артефактілеріне ұқсас екендігі байқалады. Орталық Қазақстан жеріндегі Атасу шағын ауданындағы Мыржық, Ақ Мұстафа, Ақмая қоныстарынан табылған езгіштер (тупик) секілді Талдысай езгіштері де жылқының төменгі сол және оң жақтарынан дайындалған [Кадырбаев, Курманкулов, 1992, с.246]. Алсирақсүйектен дайындалған коньки типологиялық жағынан Кент қонысынан табылған конькимен сәйкес келеді [Варфоломеев и др., 2017, с. 137].

Керамикалық зерттеулер

«Археологиялық технология зертханасының» құрамындағы ежелгі және ортағасырлық керамиканы зерттеу бөлімі қыш бұйымдардың минералдық құрамын, морфологиясын, ежелгі дәуірге тән керамикалық бұйымдарда кездесетін өрнектердің техникалық және технологиялық жасалу әдістерін, керамика жасу ісінің аймақтық даму үдерістерін зерттеумен айналысып келеді. Орта ғасырлардағы көзе өндірісіндегі сырлы керамикалардың пайда болуы, дамуы мен барысы да зерттелініп жатыр. Қазақстанның оңтүстік және оңтүстік-шығыс өңірлеріндегі ортағасырлық ескерткіштерден табылған сырлы керамикалардың сырының химиялық құрамын анықтау бойынша жаратылыстану ғылымдарының әдістерімен зерттеулер жүргізіліп, көзе өндірісіне қатысты қызықты мәліметтер алынды. Зертхананың жұмысы Орталық Қазақстанның қола және темір дәуірімен мерзімделетін ескерткіштерінен табылған қыш бұйымдарға, сонымен қатар Шу-Талас өңірлерінің орта ғасырларға жататын ескерткіштерінен жиналған

керамикаларына пәнаралық зерттеулер арқылы талдау жасаумен көрініс тауып отыр.

Ғылыми іс-сапарлар жайында

«Археологиялық технологиялар» зертханасының құрылу қарсаңында отандық археология ғылымында арнайы керамиканы, тас жәдігерлерді және остеологиялық материалдарды зерттейтін жас мамандардың жоқтығы ескеріліп, Институт құрамындағы бірқатар жас зерттеушілерді осы салаларға бағыттау мәселесі алға қойылды. Нәтижесінде Институттың кіші ғылыми қызметкері М. С. Шағырбаевқа остеологиялық материалдармен айналысу, археозоология бағыты бойынша мамандану ұсынылған болатын. Осы мәселені шешудің алғашқы қадамдарының бірі ретінде оны 2019 ж. желтоқсан айында Ә. Х. Марғұлан атындағы Археология институтының басшылығы Ресей Федерациясы, Екатеринбург қаласында орналасқан Ресей Ғылым академиясы Орал бөлімінің Өсімдіктер мен жануарлар экологиясы институты «Палеоэкология» лабораториясына ғылыми іс-сапарға жіберді [Шағырбаев, 2019]. Ғылыми іс-сапардың мақсаты жануар түрлеріне қарай арнайы эталондар қорымен танысу, археозоологиялық зерттеудің толық жүйесін (цикл) меңгеру, жануар түрлерін анықтаудағы басты қиындықтардың бірі – сүйек материалдардың өзгеріс үдерістерімен танысу және остеологиялық материалдарды сақтау мен арнайы электронды база құру мәселелерін игеру болып табылады. Мұндай тәжірибелік ғылыми іс-сапарларды алдағы уақытта да ұйымдастыру жоспарымызда бар. Жоғарыда аталған

палеозоологтармен бірлесе жұмыс жасау негізінде М. С. Шағирбаев ондаған ескерткіштердің остеологиялық материалдарын талдаудан өткізіп, алғашқы зерттеу нәтижелерін ғылыми айналымға енгізіп үлгерді.

А. Е. Ержанова Орталық Қазақстан аймағынан табылған тас құралдардың типологиялық және морфологиялық құрамын салыстырмалы түрде зерттеу, олардың қызметтік іздерін микроскоп көмегімен қарап, микроіздерін суретке түсіру, сипаттамасын жасау мақсатында, 2019 ж. желтоқсан айында Ресей Федерациясының Самара, Қазан қалаларында ғылыми іс-сапарға жіберілді.

Ежелгі дәуір керамикасын зерттеумен айналысатын Е. В. Дубягина, қыш бұйымдардың техника-технологиялық жасалу үдерісін, шикізат құрамы мен күйдіру тәсілдерін пішіндеу әдістері мен орнаментациясын керамикалық эталондар базасымен салыстырмалы талдау мақсатында Ресей Федерациясы, Самара қаласында орналасқан Самара мемлекеттік университетіне ғылыми іс-сапарға жіберілді. Ғылыми тағылымдамалық іс-сапар барысында Волга мемлекеттік әлеуметтік-гуманитарлық академиясының аға ғылыми қызметкері И. Н. Васильева және Самара мемлекеттік

университетінің мәдениет тарихы және теориясы кафедрасының доценті Н. П. Салугинамен бірлесіп, түрлі керамикалық коллекциялар эталондарымен танысып шықты.

Ғылыми тағылымдамалық іс-сапар нәтижесінде зертхана мамандары археология ғылымында жиі қолданылатын ежелгі көзе өндірісінің технологиясы және тас құралдардың трасологиясы, сонымен қатар остеологиялық материалдармен жұмыс жасаудың бірқатар маңызды әрі күрделі тәсілдерін игеруге қол жеткізіп отыр.

Қорытынды

«Археологиялық технология зертханасы» өзінің даму тарихында түрлі қиыншылықтарды бастан өткергенімен, бүгінде қайта жанданып, әрі қарай даму үстінде. Бүгінде зертхананың бастапқы мақсат-міндеті аздап өзгергенімен, негізгі өзегі археозоология, трасология, керамика салалары болып қала береді. Жоғарыда атап өткеніміздей, келешекте металды зерттеумен байланысты бағыттарды іске қосу жоспарда бар. Әрине, енді ғана қайта құрудан өтіп жатқан зертхананың құрылымы мен зерттеу методологиясында кемшіліктер болуы заңды. Дегенмен, алдағы жылдары бұл кемшіліктер жойылады деп сенеміз.

Қосымша

«Археологиялық технология зертханасы» қызметкерлерінің 2018–2019 жылдары жариялаған еңбектерінің тізімі

Ақымбек Е.Ш. Шу-Талас өңірлеріндегі ортағасырлық қалалардың сырлы керамикаларына жүргізілген зерттеу жұмыстары // Абай атындағы ҚазҰПУ-нің Хабаршысы. «Тарих және саяси-әлеуметтік ғылымдар» сер. 2018. № 3 (58). 297–311 бб.

Ақымбек Е.Ш., Шағирбаев М.С. Алматы облысының оңтүстік-батыс жағында орналасқан ортағасырлық ескерткіштерге жүргізілген археологиялық

барлау жұмыстары // «Ахынжанов оқулары – 2019» атты көрнекті археолог С.М. Ахынжановтың 80 жылдығына арналған жас ғалымдардың халықар. археол. конф. жинағы (Алматы қ., 16–17 қазан 2019). Алматы: Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты, 2019. 112–132 бб.

Байиашов Б.У. Археологиялық қазбалардан жануарлар сүйектерін жинау, оның маңызы және палеонтологиялық зерттеулермен байланысы // «Далалық археологиялық зерттеулердегі жаратылыстану ғылымдарының әдістері мен әдіснамасы» атты халықар. ғыл.-тәж. конф. матер. (Алматы қ., 18 қыркүйек 2019 ж.). Алматы: Қазақ университеті, 2019. 37–39 бб.

Байиашов Б.У., Шағирбаев М.С. Көне дәуірдегі мал шаруашылығы мен аңшылықтың маңызы (остеологиялық материалдар негізінде) // «Ахынжанов оқулары – 2019» атты көрнекті археолог С.М. Ахынжановтың 80 жылдығына арналған жас ғалымдардың халықар. археол. конф. жинағы (Алматы қ., 16–17 қазан 2019). Алматы: Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты, 2019. 100–107 бб.

Калиева Ж.С. Апликация в декоре керамических сосудов раннего железного века Казахстана // Археология Казахстана. 2019. № 3 (5). С. 72–86.

Калиева Ж.С., Ермолаева А.С., Дубягина Е.В. Культурная атрибуция жилища-мастерской на поселении Талдысай на основе анализа керамики // Самарский научный вестник. 2018, т. 7 № 3 (24). С. 269–275.

Косинцев П.А. Лошади Казахских степей по данным палеозоологии и археологии // Ұлы Дала: тарих пен мәдениет. II-том. Жылқы және салт атты. Көрме каталогы. Нұр-Сұлтан: Қазақстан Республикасы Ұлттық Музейі, 2019. С. 33–44.

Косинцев П.А. Хозяйство населения Южного Зауралья в энеолите // Ботайская культура и другие энеолитические памятники Центральной Азии: матер. междунар. науч.-практ. конф. (г. Алматы, 4–6 апреля 2019 г.). Алматы: Қазақ университеті, 2019. С. 58–59.

Нуржанов А.А., Гимранов Д.О. Исследования костных остатков животных из археологического памятника средневековья городища Кастек // Маргулановские чтения – 2019: матер. Междунар. археол. науч.-практ. конф., посвящ. 95-летию со дня рождения выдающегося казахстанского археолога К.А. Акишева (г. Нур-Сұлтан, 19–20 апреля 2019 г.). Нур-Сұлтан: НИИ им. К.А. Акишева при ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2019. С. 529–537

Саргизова Г.Б. Сарыарқа ескерткіштері Ә.Х. Марғұланның зерттеулерінде // «Ахынжанов оқулары – 2019» атты көрнекті археолог С.М. Ахынжановтың 80 жылдығына арналған жас ғалымдардың халықар. археол. конф. жинағы (Алматы қ., 16–17 қазан 2019 ж.). Алматы: Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты, 2019. 52–57 бб.

Шағирбаев М.С. Асықты пайдалану тарихына шолу. URL: <https://adyrna.kz/post/25568> (дата обращения 03.04.2020).

Шағирбаев М.С., Утубаев Ж.Р. Бәбіш мола қаласынан табылған остеологиялық материалдардың сандық және морфологиялық құрамы (2018 жылы табылған материалдар негізінде) // Абай ат. ҚазҰПУ-нің Хабаршысы. «Тарих және саяси-әлеуметтік ғылымдар» сер. 2019. № 3 (62). 382–391 бб.

Шағирбаев М.С., Утубаев Ж.Р. Жануар асықтарының археозоологиялық зерттелуі (Бәбіш мола қаласының материалдары бойынша) // Қазақстан Археологиясы. 2019. № 4 (6). 79–116 бб.

Dubyagina E.V. Cultural ties reflected in the ceramic decoration tradition // «Ахынжанов оқулары – 2019» атты көрнекті археолог С.М. Ахынжановтың 80 жылдығына арналған жас ғалымдардың халықар. археол. конф. жинағы (Алматы қ., 16–17 қазан 2019). Алматы: Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты, 2019. С. 46–52.

Klesner C.E., MacDonald B.L., Dussubieux L., Akymbek Y., Vandiver P.B. Local production and long-distance trade of Islamic glazed ceramics in Central Asia: A compositional analyses of ceramics from Southern Kazakhstan by NAA and LA-ICP-MS // JAS: Reports. 2019. 26. P. 1–22.

ӘДЕБИЕТ

1. Ахинжанов С.М. Личное дело // Архив ИА КН МОН РК, ф. 1, оп. 1, д. 27, 154 л.
2. Кузнецова Э.Ф. Мир Касымович Кадырбаев (1932–1982 гг.) // Вопросы археологии Казахстана: сб. памяти М.К. Кадырбаева (1932–1982). Алматы; М.: «Гылым», 1998. Вып. 2. С. 9–10.
3. Ахинжанов С.М., Макарова Л.А., Нурумов Т.Н. К истории скотоводства и охоты в Казахстане (по остеологическому материалу из археологических памятников энеолита и бронзы). Алма-Ата: Гылым, 1992. 217 с.
4. Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж. Культура древних скотоводов и металлургов Сарыарки (по материалам Северной Бетпақдалы). Алматы: Наука, 1992. 247 с.
5. Кузнецова Э.Ф., Тепловодская Т.М. Древняя металлургия и гончарство Центрального Казахстана. Алматы: Гылым, 1994. 207 с.
6. Варфоломеев В., Ломан В., Евдокимов В. Кент – город бронзового века в центре казахских степей. Материалы и исследования по археологии Казахстана. Т. XI. Астана: Казахский научно-исследовательский институт культуры, 2017. 338 с.
7. Шағырбаев М.С. Екатеринбург қаласына ғылыми іс-сапар туралы // Қазақстан археологиясы. 2019. № 1 (7). 161–166 бб.

Авторлар туралы мәліметтер:

Ақымбек Ералы Шардарбекұлы – PhD докторы, жетекші ғылыми қызметкер, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты (Алматы қ., Қазақстан); eraly_a@mail.ru

Шағырбаев Мәмбет Сапарбекұлы – ғылыми қызметкер, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты (Алматы қ., Қазақстан); mambet_87@mail.ru

О РАБОТЕ «ЛАБОРАТОРИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ» в 2018–2019 гг.

Е. Ш. Ақымбек, М. С. Шағырбаев

В статье рассматриваются некоторые итоги деятельности «Лаборатории археологических технологий», действующей в Институте археологии им. А. Х. Марғұлана. В начале 1970-х годов М. К. Кадырбаев организовал эту лабораторию. В ней проводились исследования по изучению керамики, палеометалла, остеологических коллекций. В 1983–1990 гг. руководил лабораторией С. М. Ахинжанов, продолжив исследования по прежним направлениям. В 1990 году Ж. Курманкулов стал заведующим лабораторией. В этот период работа была организована по двум направлениям: естественно-научные методы анализа и реставрация археологических материалов. В 2018 г. лаборатория возобновлена, наряду с предыдущими археозоологическими и керамическими исследованиями было начато изучение трасологии изделий из камня и кости. В статье описываются результаты научных исследований, а также стажировки научных сотрудников лаборатории за последние два года.

Ключевые слова: археология, «Лаборатория археологических технологий», археозоология, керамика, трасология, стажировки

OVERVIEW of the WORK of the «LABORATORY OF ARCHAEOLOGICAL TECHNOLOGIES» for 2018–2019 years

Y. Sh. Akymbek, M. S. Shagirbayev

The article considers the study of the «Laboratory of Archaeological technologies» opened in 2018–2019 as part of the A. Kh. Margulan Institute of Archeology. In the early 1970s, M. K. Kadyrbaev organized the laboratory and initially conducted research in the field of archeology, ceramics and paleometal. In 1983–1990 the laboratory was headed by S. M. Akynjanov and laboratory continued research in the previous directions. In 1990, Zh. K. Kurmankulov became the head of the laboratory and the area of research was grouped into two areas: natural science methods of analysis and restoration of archaeological materials. In 2018 the work of laboratory was renewed, together with previously organized archaeozoological and ceramic researches, studies began on the tracology of stone and bone tools. The article describes the research results of studies and scientific trips of researchers of these departments over the last two years.

Keywords: archaeology, «Laboratory of Archaeological technologies», archaeozoology, ceramics, tracology, scientific trip

REFERENCES

1. Akhinjanov, S. M. In Archive of the Institute of Archaeology, fund 1, inv. 1, dossier 27 (in Russian).
2. Kuznetsova, E. F. 1998. In Samashev, Z. (ed.). *Voprosy arheologii Kazahstana (Issues of archeology of Kazakhstan)*, 2. Almaty: “Gylym” Publ., 8–9 (in Russian).
3. Akhinjanov, S. M., Makarova, L. A., Nurumov, T. N. 1992. *K istorii skotovodstva i ohoty v Kazahstane (po osteologicheskomu materialu iz arheologicheskikh pamyatnikov eneolita i bronzy) (To the stories of cattle breeding and hunting in Kazakhstan (based on osteological material from archaeological sites of the Eneolithic and bronze))*. Alma-Ata: “Gylym” Publ. (in Russian).
4. Kadyrbayev, M. K., Kurmankulov, Zh. 1992. *Kultura drevnih skotovodov i metallurgov Saryarki (po materialam Severnoy Betpakdaly) (The culture of the ancient cattle breeders and metallurgists of Saryarka (based on the materials of North Betpakdala))*. Almaty: “Nauka” Publ. (in Russian).
5. Kuznetsova, E. F., Teplovodskaya, T. M. 1994. *Drevnayay metallurgiya i goncharstvo Tsentralnogo Kazahstana (Ancient metallurgy and pottery of Central Kazakhstan)*. Almaty: “Gylym” Publ. (in Russian).
6. Varfolomeev, V., Loman, V., Evdokimov, V. 2017. *Kent – gorod bronzovogo veka v tsentre kazahskikh stepey (Kent – city of the Bronze Age in the Center of Kazakh steppes)*. Astana: Kazakh scientific-research Institute of Culture Publ. (in Russian).
7. Shagirbaev M.S. 2019. In *Kazakhstan archeology*, 1 (7), 161–166.

About the Authors:

Akymbek Yerally Sh. PhD doctor, Leading Researcher, A.Kh. Margulan Archeology Institute, Almaty, Kazakhstan; eraly_a@mail.ru

Shagirbayev Mambet S. Researcher, A.Kh. Margulan Archeology Institute, Almaty, Kazakhstan; mambet_87@mail.ru

ПАМЯТЬ О МОЕМ УЧИТЕЛЕ – АЛЕКСЕЕ ПАВЛОВИЧЕ ОКЛАДНИКОВЕ

© 2020 г. Ж. Таймагамбетов

В феврале 2020 г. исполнилось ровно 40 лет, как я впервые переступил порог Института истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР, ныне самостоятельный Институт археологии и этнографии СО РАН. Тогда и познакомился с крупнейшим ученым, легендой археологии, этнографии и истории народов Сибири, Северной, Центральной и Восточной Азии, Героем Социалистического Труда, Алексеем Павловичем Окладниковым (1908–1981) (рис. 1). Чуть больше года мы общались с ним, хотя и изредка. Но этого хватило, чтобы он надолго оставил яркий след в моей жизни и памяти. А сумасшедшее время стремительно летит, и уже 39 лет прошло, как навсегда ушел мой учитель, ушел в вечную экспедицию. Но я все помню о нем, все до мельчайших подробностей, словно расстались мы недавно. Алексея Павловича невозможно забыть, прежде всего, как человека, ученого. Как все это начиналось и было... Попробую совершить небольшой экскурс и восстановить события прошлого.

Ключевые слова: археология, А.П. Окладников, Институт археологии и этнографии СО РАН, каменный век, палеолит, воспоминания

В археологию я пришел случайно. У меня и мысли не было посвятить себя науке. На 1 курсе учебы в вузе, преподаватель дисциплины «Основы археологии» доцент А. М. Оразбаев, в «наказание» за несвоевременную сдачу контрольной работы дал мне тему курсовой работы «Палеолит Казахстана», когда остальные сокурсники имели право выбора темы по желанию. После занятий я вечерами засиживался в библиотеке, пытаюсь найти необходимую литературу. Проблема палеолита так увлекла меня, что я становился неоднократным участником и призером региональных и все-союзных студенческих конференций в Алма-Ате, Ашхабаде, Душанбе, Москве, Самарканде, Ташкенте. К третьему курсу моим руководителем стал кандидат исторических наук Хасан Алпысбаевич Алпысбаев, ученик

профессора Павла Иосифовича Борисовского. Работая с ним в археологической экспедиции на Иртыше, я дал слово, что не оставлю археологию и не променяю «палеолит» на другие периоды археологии. За год до моего окончания университета, он покинул этот мир.

В 1979 году я окончил истфак КазГУ, защитил дипломную работу «Палеолит Казахстана» на «отлично». До защиты я получил заманчивое предложение поступить на службу в органы МВД, с получением квартиры. Однако, после прохождения трехмесячных офицерских сборов, я остался верен слову, данному Х. А. Алпысбаеву и комиссией вуза был направлен на работу в отдел археологии Института истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова АН КазССР.

Рис. 1. Алексей Павлович Окладников. Одна из последних фотографий. 1981 г. Фото В. Новикова

Fig. 1. Alexey P. Okladnikov. One of the last photos. 1981. Photo by V. Novikov

Проработав два месяца в Институте в должности старшего лаборанта, я получил письмо из Новосибирска, от самого Алексея Павловича Окладникова с предложением приехать к нему на трехгодичную стажировку. Как он узнал обо мне? Оказывается, благодаря руководителю отдела археологии К. А. Акишеву, за подписью директора Института А. Н. Нусупбекова, академику А. П. Окладникову было направлено письмо в Новосибирск о возможности прохождения моей стажировки в Институте истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР (рис. 2).

Радости моей не было предела. Не откладывая дела на «потом», благо, что у меня ничего не было, ни квартиры, ни прописки в городе, не состоял на воинском учете, я быстро

переправил семью в г. Волгоград, где проживали родители супруги, а сам отправился в Новосибирск.

И вот, 6 февраля 1980 года, я сошел с трапа самолета рейса № 6551 Душанбе–Алма-Ата–Новосибирск и напрямик, на такси, поехал в Академгородок. Была солнечная погода, горы снега и сильный мороз. Ехать от аэропорта пришлось долго. Наконец, я стою у порога Института, что на втором этаже в здании Президиума АН СО АН СССР. Секретарь в приемной, Нелли Васильевна Ворошилова, это я потом узнал, сказала: «Алексей Павлович будет к 16.00. Подъедет он на серой “Волге”, с тростью в руке, рядом с ним будет его помощник, огромный и с большой бородой. Зовут его Александр Кириллович Конопацкий». Это я ее расспрашивал как выглядит академик и его помощник. Поскольку я никого не знал, да и не знал куда идти, то я пошел в сквер через дорогу, что напротив главного входа в здание Президиума и сел на лавочку, ожидая Алексея Павловича. Я вглядывался во все автомобили, которые останавливались у главного входа. Основательно замерз, когда появилась очередная машина и, к моему счастью, из нее вышли двое – человек с тростью и сопровождающий богатырь с большой бородой. Я быстро поднялся и побежал к зданию. Дежуривший у входа милиционер, которому я ранее представлялся, пропустил меня, подтвердив мой вопрос: «Да, это академик Окладников» (рис. 3).

И вот я в приемной директора, где ждут аудиенции несколько человек. Сердце стучало, в голове мысль: «Как меня примет и встретит Алексей Павлович? Вдруг откажется принять на стажировку? ... Мало ли что... Ведь у себя на родине я часто был в

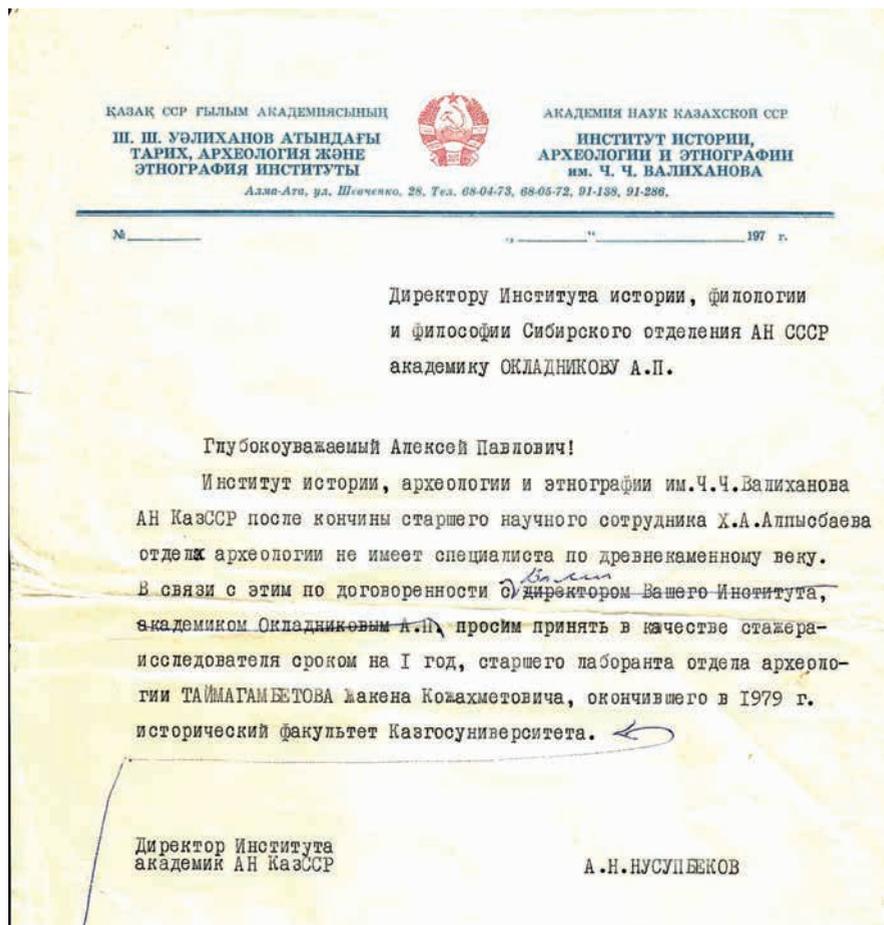

Рис. 2. Черновик письма А. Н. Нусупбекова, адресованного А. П. Окладникову. 1979 г.

Fig. 2. Draft of the letter of A. N. Nusupbekov addressed to A. P. Okladnikov. 1979.

положении, когда часами просиживал в ожидании приема чиновниками-бюрократами, чтобы получить разрешение на прописку в городе и получал отказ. А что, если...». Но, чудо! Нелли Васильевна, вне очереди, разрешила мне пройти к нему в кабинет. Постучавшись, я зашел и увидел за столом человека с ручкой, увлеченно склонившего голову над бумагами и делающего пометки. Это был Алексей Павлович. С порога, по-военному, я отчеканил: «Здравствуйте, Алексей Павлович! Таймагамбетов Жакен из Алма-Аты прибыл в Ваше распоряжение...». Он удивленно посмотрел

на меня и, несмотря на занятость, возраст и занимаемую должность, встал с улыбкой из-за стола, подошел и крепко, по-отечески, обнял меня. «С приездом, я ждал Вас, присаживайтесь..., как добрались, рассказывайте..., где остановились и т.д.». Сразу улетучились все мои сомнения, я знал, что в дальнейшем у меня все будет хорошо, такой человек не оставит меня наедине с проблемами. Я запомнил его добрую и мягкую улыбку, уставший, любознательный взгляд. С этой минуты мне казалось, что знаю Алексея Павловича давно. Я словно встретился со своим отцом, который рано

Рис. 3. Состав Северо-Азиатской археологической экспедиции. В центре А. П. Окладников. 1980 г. Фото А. Глотова

Fig. 3. Team of the North Asian Archaeological Expedition. A. P. Okladnikov in the center. 1980. Photo by A. Glotov

ушел из жизни. Не злоупотребляя его расположением ко мне, коротко рассказал о себе, семье. Даже осмелился напомнить ему, что в приемной его ждут люди, а мне надо идти, пока светло и искать ночлег. Тогда он вызвал своего заместителя по общим вопросам Барина Вадима Ивановича и распорядился, чтобы меня на некоторое время разместили в гостинице «Золотая долина». Прощаясь, сказал: «Отдохните, а завтра, после обеда приходите, поговорим о работе». Вот и все его слова при первой встрече, а сколько было в нем обнадеживающего и значимого для меня!

У себя в кабинете Вадим Иванович позвонил директору гостиницы «Золотая долина», подготовил и

дал мне сопроводительное письмо, машину. Несмотря на отсутствие свободных номеров, мне нашли место, и я без проблем устроился.

Из окна гостиницы незнакомого мне городка я увидел много снега, густой лес до самого горизонта и клубы светлого дыма, тянущиеся ввысь из труб промышленных предприятий. Но меня не пугали морозы и холод, мне не было одиноко, у меня была надежная защита и человек – сам Алексей Павлович Окладников.

Так состоялась моя первая встреча с человеком-легендой, о котором я слышал студентом на лекциях. Долго не мог заснуть, все думал об Алексее Павловиче. Прежде всего, меня удивила его простота, доброта

и скромность во всем. Нет никакого высокомерия, превосходства перед кем-то и общение со мной на «Вы». Впервые за многие месяцы мне хорошо спалось в гостинице. Так началась моя сибирская эпопея, длящаяся уже 40 лет. И я очень дорожу этой дружбой.

На следующее утро, подкрепившись завтраком и чаем из огромного самовара, который находился прямо в фойе гостиницы, я в назначенное время был у Алексея Павловича. Он тут же вызвал двух молодых сотрудников и, представив меня, познакомил с ними. Это были Валерий Трофимович Петрин и Юрий Павлович Холюшкин. «Берите его к себе в команду, покажите коллекции камней, подсказывайте и работайте вместе», - сказал Алексей Павлович на ходу, куда-то торопясь. Я с новоявленными коллегами поднялся на чердак, где находились и хранились многочисленные археологические коллекции в коробках разных размеров. Юрий Павлович по пути где-то «потерялся», а Валерий Трофимович познакомил меня с археологами – Ю. Гричаном, Д. Березиным, С. Глинским, В. Буриловым, которые сидели между стеллажами с коробками и что-то горячо обсуждали. Узнав, что я из Казахстана, Сергей Глинский обратился с просьбой, если будет возможность достать для него книгу Олжаса Сулейменова «Аз и Я». Позже я выполнил его просьбу.

Валерий Трофимович показывал и открывал коробки с коллекциями каменных изделий с палеолитических стоянок Алтая и Сибири и давал им краткую характеристику, объяснял мне термины и назначение артефактов. Временами он возвращался к своей работе, которая заключалась в обработке коллекции материалов из

открытых им новых памятников на Урале и написании отчета для сдачи в Полевой комитет. Я всячески старался быть полезным ему, помогал мыть находки, шифровать и рисовать камни, а заодно знакомился с коллекциями и публикациями по палеолиту.

Так проходили дни. С Алексеем Павловичем встречались, когда он вызывал к себе Валерия Трофимовича по работе, иногда и меня вместе с ним, он интересовался, коллекции каких памятников я успел посмотреть, что я читаю и т.д. Я отвечал, что Валерий Трофимович оказывает мне посильную помощь, да и другие археологи всегда приветливы ко мне, и каждый из них знакомит меня с результатами своей экспедиции. Алексей Павлович был рад такому ответу.

Через месяц проживания в гостинице деньги у меня начали иссякать, выручил Валерий Трофимович. Он жил в трехместной комнате общежития, на «Ученых, 8», где поговорил с проживающими ребятами, и никто не возражал, чтобы я приходил на ночлег. Я устраивался спать на двери, которую нашел Валерий Трофимович. Один конец двери был на столе, а другой чуть пониже на стуле. Поэтому я рано приходил на работу, когда все спали, и уходил с работы к середине ночи, когда жильцы в комнате укладывались спать. Так было в течение двух месяцев, до моего отъезда в экспедицию.

Круг моего знакомства с археологами расширился во время переезда отделов Института из здания напротив Президиума в новое четырехэтажное, которое сейчас занимает Институт археологии и этнографии СО РАН. Утром мы начинали работать с большим участием сотрудников, а к концу дня оставались втроем - Валерий Тро-

фимович, Витя Эрлих и я. Сотрудники обустраивали только свой отдел и уходили. Мы помогали отделам, там, где мало было мужчин – этнографам, бухгалтерии, канцелярии, отделу кадров и т.д. Итак, на протяжении недели, мы выносили из здания и грузили мебель на автомашину, везли, затем разгружали и разносили по комнатам на этажах. Вдвоем с Валерием Трофимовичем собирали новую мебель для Алексея Павловича на втором этаже, где сейчас находится кабинет академика Анатолия Пантелеевича Деревянко, кресла и столы в зале Ученого совета. Кроме того, мы носили новую мебель в упаковке на чердак здания, в 108-ю угловую комнату, и там же собирали. Впоследствии в этой комнате сидели и работали Валерий Трофимович, Александр Кириллович, Оксана Реймерс и я. Работа без ограничения во времени сблизила нас с Валерием Трофимовичем Петриним, мы подружились и до конца его жизни мы остались верными этой дружбе.

Ранней весной 1980 г. в академгородке проходила этнографическая выставка «Искусство Океании», организованная художником, этническим русским из Франции Н. Н. Миштушкиным. Пока ждали высокопоставленных лиц из Москвы, Президиума СО АН СССР и Новосибирского обкома партии, Алексей Павлович рассказал мне и Руслану Сергеевичу Васильевскому, что когда Н. Н. Миштушкин проходил службу в Новой Каледонии, то собирал этнографические экспонаты, а после заинтересовался искусством коренных народов Океании. Так и появилась в академгородке эта выставка. Выставку посетили секретарь обкома А. П. Филатов, президент СО АН СССР В. А. Коптюг и председатель по науке и технике СССР

Г. И. Марчук. Алексей Павлович поздравил меня и сказал в присутствии всех: «Гурий Иванович, знакомьтесь, это мой аспирант из Казахстана Жакен Таймагамбетов». Мы пожали руки. Я тихо сказал: «Алексей Павлович, я же стажер-исследователь, а не аспирант...». На что Алексей Павлович ответил: «Запомните, будете аспирантом, а личное знакомство – это 50 процентов вашей проделанной работы». Все рассмеялись. Как он был прав, впоследствии, в трудных ситуациях не раз меня выручало это «личное знакомство».

Так пролетели три месяца моей «научной стажировки». С Алексеем Павловичем виделись редко, он постоянно был в разъездах. Но, благодаря ему, я был сразу же прописан в Академгородке и поставлен на воинский учет в Советском районе, чего не мог добиться в Алма-Ате. С этим делом в то время было очень строго, могли привлечь к ответственности. Я часто общался с помощником Алексея Павловича Александром Кирилловичем, который по-дружески относился ко мне и всячески поддерживал советами.

Однажды через него Алексей Павлович позвал меня к себе домой, в коттедж на Золото долинской. Когда я подошел в назначенное время, он сидел на стульчике у крыльца. После недолгого разговора провел меня в комнату и познакомил со своей супругой, Верой Дмитриевной Запорожской. За чаем Алексей Павлович предложил мне после майских праздников поехать с ним в Горный Алтай и принять участие в Северо-Азиатской археологической экспедиции. Я с удовольствием принял его предложение. Временами нас прерывали телефонные звонки, его искали, он был кому-

то нужен. Даже дома не было покоя ему. Но строгая Вера Дмитриевна не ко всем приглашала Алексея Павловича. По телефону кому-то давал распоряжения, с кем-то обсуждал план на ближайшее время, кого-то просил обратиться к заместителю и т.д. Он был постоянно в работе и в движении. Освободившись от очередного разговора, Алексей Павлович проводил меня в библиотеку, где на металлических стеллажах в несколько рядов находилось очень много книг, чтобы я посмотрел и подобрал специальную литературу для чтения. После осмотра я выбрал две книги по проблеме техники леваллуа. На прощание он подарил мне еще стопку книг по палеолиту и красивую японскую вазу, украшенную перламутрами. Одна из книг маленького размера «Олень золотые рога» привлекла мое внимание и я сразу развернул ее. Она была с надписью «Проф. О. Латтимуру в знак глубокого уважения и дружбы. А. Окладников. Улан-Батор. 17.VIII.64.». Я показал ее Алексею Павловичу, но он вернул мне со словами: «Столько времени прошло, ему она уже не нужна, я другую ему подарил. Да и живет он в другой стране. Возьми ее себе, Жакенчик (так ласково он называл меня), прочти...». Поблагодарив за подарок, окрыленный возможностью поехать с ним в экспедицию, я пришел в общежитие и поделился новостью со своим другом «Трофимычем», так уважительно я стал его называть. Он обрадовался, оказалось мы вместе едем в одну экспедицию. За день до выезда, получив экспедиционное оборудование от заведующей складом Галины Ивановны, мы заранее погрузили их в две автомашины ГАЗ-66.

Наступило 14 мая 1980 года. Мой первый выезд в экспедицию с масштабно-интригующим названием «Северо-Азиатская археологическая экспедиция» (рис. 4). Мне казалось, что другие экспедиции ничего не значат. Ведь эту экспедицию возглавил сам АП, так за спиной уважительно называли его археологи и другие сотрудники Института. Ранним утром мы выехали на Алтай, а по пути заехали в Барнаул, где нас встретил Юрий Федорович Кирюшин, тоже археолог (впоследствии, мы станем друзьями с ним и его семьей), давний друг Трофимыча. Пообщавшись, мы двинулись к месту назначения. Мне было интересно, все необычно, горы, тайга, высокие деревья, сосны, ели, пихта, обилие рек и ручьев, все это отсутствовало у нас, в степи, где я родился.

На следующий день мы прибыли к месту назначения. Разбили лагерь и приступили к раскопкам палеолитической стоянки Кара-Тенец, которая находилась в Шебалинском районе. В день прибытия приехали к Алексею Павловичу местные руководители и в знак уважения к нему преподнесли двух баранов. Алексей Павлович поручил мне разделать одного из них. Когда я повалил и связал ноги барану и собирался перерезать горло животному, молча и удивленно наблюдавшие за моими действиями алтайцы, мягко оттолкнув меня в сторону, сами разделали тушу. Я впервые увидел как алтайцы, не спуская кровь, разделывают барана и делают кровяную колбасу.

Через несколько дней Алексей Павлович дал нам задание, а сам вместе с Александром Кирилловичем уехал в разведку, на поиски новых памятников. Начальником отряда

Рис. 4. Палеолитическая стоянка Кара-Бом. На переднем плане сидит А. П. Окладников. 1980 г. Фото А. Глотова

Fig. 4. Paleolithic settlement Kara-Bom. In the foreground sits A. P. Okladnikov. 1980. Photo by A. Glotov

оставался И. В. Асеев. Мы заложили небольшой раскоп на памятнике Кара-Тенеш и на значительной глубине выявили культурный слой с артефактами и остеологическим материалом. Влажная, мягкая земля не успела просохнуть после зимы, поэтому мы копали с удовольствием и быстро справились с поставленной задачей. АП вернулся через неделю, а утром мы собрались и поехали на раскопки новой стоянки, которую случайно обнаружил Алексей Павлович в ходе разведок. Он рассказал, что когда местные жители прокладывали дорогу, бульдозер разрушил верхнюю часть края стоянки и обнажил куль-

турные слои с каменными орудиями из кремнистой породы черного цвета. Теперь мы должны спасти памятник археологии, пока его совсем не уничтожат. Должен заметить, Алексей Павлович не любил засиживаться на одном месте, он постоянно был в движении. Если мы в пути где-то останавливались на «перекур», он успевал пройтись, осмотреть окрестности и обязательно что-то находил. Хотя в этом мы старались подражать ему, но безуспешно.

Новая стоянка каменного века находилась в Онгудайском районе Алтайского края, недалеко от с. Ело и назвали ее Кара-Бом (Черный при-

жим) (рис. 5). Вот здесь Алексей Павлович задержался чуть дольше, чем на других памятниках. Лагерь разбили рядом, на открытой местности. В первую очередь, мы занялись сбором подъемного материала, а затем был заложен раскоп. Целый день мы, А. К. Конопацкий, В. Т. Петрин, Ю. П. Холюшкин и я, копали стоянку, отлучались только на обед, приготовленный Борисом Абрамовым на костре, и снова за работу. Иногда на помощь приходили А. Глотов и В. Мыльников, хотя перед ними стояла иная задача.

Некоторое время рядом с нами находился отряд под руководством

А. П. Погожевой, который копал небольшой могильник эпохи раннего железа. Палатка АП всегда была в отдалении от основных, так как молодые ребята - Володя Мыльников, Саша Глотов, Ира Кедрова, Петр Лабецкий и водители всегда по вечерам слушали песни Владимира Высоцкого на магнитофоне с записью на кассете с лентой. Часто ее «заедало», лента рвалась, ребята ее склеивали и вновь разносился хриплый голос барда. Алексею Павловичу не нравился его голос и его песни. Я, Трофимыч, Юра Холюшкин, Николай Оводов немного держались в сторонке, иногда пристраивались к костру. Зачастую

Рис. 5. Стоянка-мастерская Бигдон. Слева направо: В. Кубарев, А. П. Окладников, водитель Саша и Ж. Таймагамбетов. 1980 г. Фото из архива Ж. Таймагамбетова

Fig. 5. Settlement-workshop Bigdon. From left to right: V. Kubarev, A. P. Okladnikov, driver Sasha and Zh. Taimagambetov. 1980. Photo from the archive of Zh. Taimagambetov

и Алексей Павлович любил сидеть у костра. В такие моменты была полная тишина, так как АП рассказывал нам истории из своей жизни, об археологии и древних культурах прошлого, новых открытиях. И я уносился в неведомые дали далекого времени, к загадочным людям Кара-Бома, которые жили в то время и оставили большое количество артефактов. Я мысленно, как бы со стороны, наблюдал за ними и вновь возвращался к АП. Он умел привлечь внимание, и мы с удовольствием слушали его рассказы под звездным небом Алтая. В какой-то момент, что-то вспомнив, АП вставал и, пожелав спокойной ночи, уходил в свою палатку. Там он, зажигая свечи, работал над рукописью книги или статьи, а перед сном, в тихой ночи, до нас доносилась негромкая музыка. Алексей Павлович любил классическую музыку. Рано утром он уже работал, сидел на стульчике у палатки, что-то читал или делал пометки в левой книжке.

Однажды вечером как-то получилось что мы, молодые, сидя у костра, устроили дружескую борьбу с Александром Кирилловичем. Болельщики разделились на два лагеря. Алексей Павлович был на моей стороне и «болел» за меня. Со стороны это выглядело смешно. Огромный Александр Кириллович и я, маленький, на голову ниже его. Мне показалось, он и не пытался со мной бороться. Когда я поднял его на плечо, он от смеха не мог даже сопротивляться и я, воспользовавшись моментом, положил его на землю. В это время АП удовлетворенно хлопая в ладоши, скандировал: «Так ему и надо, агрессору...». Ирина Кедрова была на стороне Александра Кирилловича: «Конечно, Жакен поборет, потому что он

бегает каждое утро, занимается спортом...». Действительно, каждое утро, пока все спали, я делал пробежку, но далеко от лагеря не отходил, так как за каждым деревом мне мерещились медведи.

В один из вечеров АП сказал мне: «Завтра, Жакенчик, вставайте пораньше, соберите все необходимое, мы поедем на несколько дней в Кош-Агачский район для встречи с казахами, посмотрите как они живут. Вы же казах, а не знаете родной язык, поговорите с ними, пообщайтесь, ведь в будущем надо знать свой язык..., а по дороге произведем разведочные работы по поиску новых памятников археологии». К моему стыду, действительно я не знал родного языка. Ведь с 5-го класса я рос в интернате, да и казахов было в селе мало. Как был мудр и прав Алексей Павлович. Сейчас у меня нет проблем с родным языком.

И вот мы в пути. За рулем экспедиционной автомашины водитель по имени Саша Крицын, спокойный, но профессионал своего дела. Он доказал это по преодолению сложной дороги и серпантина Чуйского тракта. Никогда не забуду день, как после обеда мы остановились в долине р. Чуи, недоезжая нескольких километров до районного центра Кош-Агач. Здесь нас встретил сотрудник метеостанции и, в то же время, любитель археологии Владимир Кубарев. Впоследствии, благодаря Алексею Павловичу, он защитил докторскую диссертацию и стал известным ученым-археологом. Он и показал нам обнаруженные им петроглифы на невысокой гряде Мешельдык, несколько рунических надписей в местечке Жалгыз-Тобо, во время осмотра которой на нас налетела огромная туча мелкой мошки.

От нее невозможно было спрятаться, она пробиралась в уши, нос, глаза и сквозь волосы в голову. Я думал лишь об одном, как скорее убраться отсюда и забраться в машину. АП спокойно, как ни в чем не бывало, продолжал внимательно рассматривать рисунки. Вот это выдержка и терпение! В эти минуты он забывал обо всем, для него главным была работа. Глядя на него, мы тоже вынуждены были терпеть неудобства. Да и он не давал нам расслабиться. Алексей Павлович отнес надписи к древнетюркскому периоду и посоветовал В. Кубареву обратиться к тюркологам Института В. М. Наделяеву и Е. Д. Убрятовой. Он мгновенно решал многие вопросы, не откладывая на завтра.

Мы побывали в юрте у казахов. Убранство было скромное. Посередине юрты был подвешен казан с молоком. Самого хозяина-пастуха не было дома и, выпив горячего молока, поговорив с хозяйкой, мы покинули жилище. Мне показалось, что если бы был хозяин, то АП задержался бы. В дальнейшем не раз убеждался, что ему доставляло удовольствие общаться с простыми людьми. Ведь зачастую пастухи и местное население были источниками информации о памятниках археологии, о пещерах, о выходах сырья, рисунках на скалах, каменных изваяниях, курганах и т.д.

После этого Владимир Кубарев показал Алексею Павловичу и нам стоянку-мастерскую палеолитического времени на небольших возвышенностях в местечке Бигдон (рис. 5), у подножья Курайского хребта. Меня поразило, что многочисленные леваллуазские нуклеусы, каменные орудия, остроконечники, скребла и отщепы располагаются прямо на поверхности и на большой

площади. Алексей Павлович говорил, что в Монголии такое явление часто встречается и датировал обнаруженный памятник мустьерским временем. Позже, в Казахстане, наша совместная экспедиция с российскими коллегами во главе с академиком А. П. Деревянко обнаружила десятки подобных стоянок-мастерских человека эпохи палеолита.

Возвратившись через несколько дней в лагерь, мы продолжили раскопки на стоянке Кара-Бом. Каждый день преподносил сюрпризы в виде уникальных орудий, площадок для обработки камня. Работать на Кара-Боме было интересно. В минуты перерыва мы ходили по склону и находили артефакты. Все эти находки показывали и обсуждали с АП. Он мог часами рассказывать, но в какое-то время останавливался, хлопал ладонями по коленям и говорил: «За работу!».

Однажды вечером, оставшись вдвоем с Александром Кирилловичем у костра, он передал мне предложение Алексея Павловича поступить к нему в аспирантуру. У меня была годичная стажировка, на три года наше руководство поскупилось. Из них три месяца ушло на обустройство, переезд Института и только два месяца в полевых условиях я вплотную вникаю и занимаюсь археологией. Я и не думал об аспирантуре. «Я не готов поступать...», - ответил я. Естественно, Александр Кириллович передал мои слова АП.

Нас увлекли раскопки памятника Кара-Бом, каждый поделенный между нами квадрат ежечасно преподносил все новое. Александр Кириллович тщательно заносил карандашом на планшет-миллиметровку находки каждого квадрата, допол-

нительно делая зарисовки камней, остатки очага. Я, выросший в селе, не избегал тяжелой работы, Трофимыч уже имел большой опыт в полевых условиях, поэтому мы понимали друг друга с полуслова. Мы выравнивали и производили зачистку стен, копали и носили ведра с землей в отвалы, делали все, что должен уметь археолог. Для меня это была хорошая практика. Алексей Павлович сидел на стульчике и внимательно следил за ходом работ, за нами, как мы работаем. Мы с Трофимычем, да и другие ребята, иногда подходили к нему и показывали уникальные экземпляры находок. В эти минуты он преображался, глаза светились искоркой, и он сразу начинал рассказывать о леваллуазской технологии расщепления. Он мог часами говорить, но обрывал свою речь и говорил: «Идите работать». Алексей Павлович постоянно думал о работе.

В минуты отдыха Юрий Холушкин рассказывал о палеолите и об археологах Узбекистана, о Самаркандской стоянке, так как он оттуда родом и успел поработать там. Трофимыч говорил о палеолите Урала, о стоянке Могочино, которую он раскапывал и Игнатиевской пещере, которую только начал исследовать. А я все слушал их рассказы.

Однажды вечером у костра, уже в присутствии Айны Петровны Погожевой и Трофимыча, Александр Кириллович повторил предложение АП о моем поступлении в аспирантуру. И когда я сказал: «Мне еще рано в аспирантуру», он тихо сказал: «Жакен Кожахметович, надо, ведь Алексей Павлович не каждому предлагает поступить к нему в аспирантуру. Другие бегают за ним годами или за них просят руководители Институтов, вузов. А тут сам академик предлага-

ет, а ты отказываешься. Он знает, что говорит...». Айна Петровна, которую я очень уважал, поддержала Александра Кирилловича и предложение от АП «не отказываться». Ну а Трофимыч, который уже был в заочной аспирантуре у АП, просто сказал: «Я бы не отказался, соглашайся». После всего этого я дал свое согласие. Это было в июле 1980 года.

На следующий день АП соби-рался в Новосибирск и сказал мне срочно собираться и ехать вместе, далее лететь в Алма-Ату. Я должен подготовить и сдать до 1 августа необходимые документы для поступления в очную аспирантуру. Для меня это было неожиданно, не думал, что это будет так скоро. Мне не хотелось покидать друзей, привычный ритм работы на Кара-Боме. В этом отношении, Алексей Павлович мгновенно принимал решение и был очень мобильным.

После завтрака, наскоро закидав вещи в рюкзак, попрощавшись с ребятами, я поехал с АП на машине, уже на «Волге», за рулем которой был прекрасный человек – Анатолий Борисов. По дороге, делая остановку, Алексей Павлович посылал меня сбегать на ту или иную горку и внимательно посмотреть обнажение террасы, обратить внимание на наличие каменных изделий и т.д. Сам же уходил по другую сторону дороги. И здесь он не терял время, производил разведочные работы. Мы побывали на стоянке Улалинка, которую открыл АП, и он рассказал о древних артефактах из кварцита, обнаруженных им в погребенном виде. Эти орудия он относил к позднему плиоцену и предварительно датировал возрастом более 1 миллиона лет назад. Но есть и скептики, о которых он говорил. А

потом ссылался на подтверждение данными естественнонаучных наук и рассказывал о палеомагнитном методе. АП показал огромный камень со следами раскалывания, который находился рядом и рассказывал, как его раскалывали с помощью огня. Человек щедрой души, добрый, скромный и обаятельный в жизни Алексей Павлович широко делился своими энциклопедическими знаниями не только со мной, но и со всеми, кто его окружал.

Уже в Алма-Ате я рассказывал всем в отделе археологии, кто был свободен от экспедиции, что меня сам А. П. Окладников пригласил поступить в аспирантуру. Мало кто верил мне, я это чувствовал, многие решили, что я из «блатных», т.е. сын высокопоставленных чиновников. Если бы так. Мало кто знал, что четыре года я пытался поступить в университет, работал на стройке и жил в общежитии «спецконтингента» под постоянным оком дежурных милиционеров из комендатуры. В то время, чтобы поступить в аспирантуру, нужно было поработать, показать себя в стремлении к науке или просто иметь хорошую поддержку в руководстве, а я, благодаря Алексею Павловичу, даже не окончив годичную стажировку, получил такой шанс.

Я успел вернуться в Новосибирск и вовремя подал документы в аспирантуру ИИФиФ СО АН СССР. Теперь нужно было готовиться к экзаменам. Сдать экзамен по философии и иностранному языку. Нас было двое на одно место. Мы познакомились с коллегой-археологом, это был Саша Константинов из Читы. Спокойный, добрый и рассудительный человек. Мы оба сдали в августе–сентябре экзамены положительно и стали ждать

зачисления, которое затянулось надолго. По совокупности полученных оценок на экзамене у меня было на один балл больше, чем у Саши. Но у Саши был опыт полевых работ, чего не было у меня.

Все ждали возвращения Алексея Павловича из Дальнего Востока, где он находился в археологической экспедиции. Я поражаюсь, 6–7 месяцев находиться в полевых условиях. Это сейчас для меня нормальное явление, а тогда для меня это было как-то непривычным.

И вот 1 декабря 1980 г. вышел приказ по Институту истории, филологии и философии СО АН СССР о зачислении меня в очную аспирантуру сроком на три года и моим руководителем назначен А. П. Окладников. Радовались все мои новые друзья, в том числе и Саша Константинов. Несмотря на итоги зачисления, мы остались друзьями и сегодня переписываемся, делимся новостями в археологии.

Казалось, что теперь я буду часто видется с научным руководителем, но нет, Алексей Павлович был неуловим, постоянно занят, его приглашали на различные мероприятия, встречи, выступать на ТВ и радио и т.д. Он всегда был в окружении людей.

Как научный руководитель, Алексей Павлович дал мне тему кандидатской диссертации «Проблема леваллуа-мустье Казахстана». Я работал над ней и в то же время Трофимыч загрузил меня камеральной обработкой каменных орудий из памятников Алтая. За рабочий день нужно было вымыть артефакты, просушить, нанести белой краской светлый фон, дать ей высохнуть, затем нанести шифр тушью, дать просохнуть, покрыть лаком, чтобы шифр сохранил-

ся, упаковать и поместить в коробки. Не меньше 350 артефактов в день, такую норму установил Трофимыч. И так каждый день. С каждым днем я перевыполнял норму. Бывали дни, когда я шифровал до полутора тысяч артефактов. Я приступал к работе с раннего утра и часто засиживался на чердаке до 12 ночи - лучше было работать, когда никого не было. Благо, что общежитие на Ученых, 8, находилось в 10 минутах ходьбы. Кстати, Алексей Павлович через Управление делами СО АН СССР добился, чтобы мне выделили отдельную комнату в общежитии. Несмотря на сложности того времени, комнату мне нашли, поэтому у меня не было проблем, когда и в какое время приходиться ночевать.

В одну из таких ночей, когда я сидел и шифровал камни, открывається дверь и заходит Алексей Павлович с водителем Анатолием Борисовым. Я вскочил от неожиданности. Поздоровавшись, он спросил: «Чем Вы, Жакенчик тут занимаетесь?». «Шифрую материалы, Алексей Павлович...». Он сел, посмотрел на разложенные коллекции и сказал: «Еду я мимо и вижу, что горит свет в одном из окон чердачного помещения. Думаю, кто там оставил не выключенным свет, не дай бог пожар случится, или может кто-то из сотрудников загулял до ночи, решил посмотреть, а это Вы работаете... Ну, молодец, но надо отдохнуть. Давайте я вас подвезу на машине куда надо, какой академик еще вас подвезет». Я отказался, сказал, что мне идти здесь близко, завершу и пойду, заодно подышу воздухом. Алексей Павлович обнял меня, тут же прошагал к столу Александра Кирилловича и, распечатав коробку с книгами, вынул одну из них в красной обложке «Открытие Сибири» и размашистым

почерком написал «Дорогому Жакену Кожахметовичу за усердие в науках!», поставил подпись и вручил мне. До сегодняшнего дня она находится на видном месте в моей библиотеке, я храню и берегу ее.

Учеба, работа, пролетела зима. Как аспирант я посещал занятия по философии и иностранному языку. Помню, тема моей зачетной работы по философии звучала так «Гносеологические проблемы магического происхождения искусства и графики в палеолите», за что я получил высокую оценку преподавателя. А по иностранному языку я переводил с немецкого на русский язык книгу Г. Кюна «Искусство ледникового периода» и тоже получил положительную оценку.

С Алексеем Павловичем я встречался только по мере необходимости, докладывал о трудностях в сборе информации по теме диссертации, так как вопросы леваллуа были для меня сложными, и он обещал что-нибудь придумать, найти правильное решение.

В Институте я часто общался со многим корифеями археологии, этнографии, палеонтологии, истории, филологии и философии – В. И. Молодиным, Р. С. Васильевским, В. Е. Ларичевым, В. Е. Медведевым, Ю. С. Худяковым, И. Н. Гемуевым, Н. Д. Оводовым, И. В. Асеевым, В. В. Алексеевым, В. И. Ламиным, познакомился с другими археологами Алтая, Сибири и Дальнего Востока – Ю. Ф. Кирюшиным, Г. И. Медведевым, Н. И. Дроздовым, А. И. Мартыновым, В. В. Бобровым, И. И. Кирилловым, М. В. Константиновым, Д. Л. Бродянским, из Японии Харуо Ойи и Кимура Хидеаки и многими другими. Все они всегда оказывали

мне помощь и давали ценные советы. Я не забуду своих друзей – Ю. Холушкина, П. Лабеецкого, В. Эрлиха, Ю. Гричана, Д. Березина, С. Глинского, М. Бурилова, А. Соловьева, Н. Полосьмак, И. Кедрову, О. Швеца, В. Мыльникова, С. Глотова, Б. Абрамова и многих других, готовых помочь мне в любую минуту. Я быстро адаптировался среди них.

Однажды Алексей Павлович пригласил меня к себе домой и в спокойной обстановке мы говорили о моей работе и планах на будущее. Тогда он и предложил поменять тему моей будущей кандидатской работы на «Периодизацию палеолита Южного Казахстана». Затем он предложил мне поехать в Казахстан на лето и поработать в сопредельной Горному Алтаю территории, т.е. в Восточном Казахстане. Я с радостью согласился, тем более в Казахстане возобновила работы Шульбинская археологическая экспедиция в зоне будущего затопления Шульбинской ГЭС. Получив необходимые сопроводительные документы и напутствие от Алексея Павловича, я приехал в Алма-Ату, где меня назначили начальником палеолитического отряда. Поработав четыре месяца в экспедиции, я обнаружил несколько прекрасных памятников палеолита, в том числе и стратифицированную стоянку Шульбинка. По возможности, я звонил из почтового отделения и ставил в известность своего научного руководителя о своих открытиях, знакомил с ходом работ и получал ценные советы. По завершению экспедиции, в конце сентября, в Алма-Ате я купил билет на самолет, позвонил Алексею Павловичу, чтобы сообщить о своем скором прибытии в Новосибирск.

Алексей Павлович попросил сдать билет обратно и задержаться в Алма-Ате по причине того, что он сам завтра вылетает в Алма-Ату для участия в международной конференции, посвященной 250-летию добровольного вхождения Казахстана в состав России. Мы договорились, что я встречу его в аэропорту.

На следующий день, после обеда, я был в зале ожидания аэропорта. Здесь я встретил вице-президента Академии наук КазССР академика Б. А. Тулепбаева, директора Института истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова, академика А. Н. Нусупбекова и его заместителя члена-корреспондента Г. Ф. Дахшлейгера. Поздоровавшись с ними, один из них поинтересовался, что я тут делаю. Я ответил, что приехал встретить своего научного руководителя, академика А. П. Окладникова из Новосибирска. Не буду называть фамилию, но он довольно резко сказал: «Тебе здесь делать нечего, уезжай отсюда, мы сами встретим его...». Я вынужден был подчиниться, было обидно, что не смогу встретить Алексея Павловича. Я сравнивал его с нашим академиком, который мне сказал покинуть здание аэропорта. Алексей Павлович никогда не позволил бы себе так разговаривать. Он всегда был со всеми на Вы. С такими мыслями я подошел к ограждению взлетной полосы, чтобы хотя бы издали увидеть дорогого мне А.П. Наконец приземлился самолет, подали трап и начали спускаться пассажиры. Я видел, как подъехали две черные автомашины и из нее вышли мои «знакомые» из зала ожидания. По трапу спускался Алексей Павлович в коричневом костюме, а рядом с ним Александр Кирилович. После рукопожатий он сел в маши-

ны. Мне хотелось крикнуть им, что я здесь, но было далеко, да и неуместно кричать, кругом люди.

Делать нечего, я пошел на остановку автобуса. И надо же, мимо меня проезжают автомашины и через некоторое время они останавливаются и из одной из них выходят Алексей Павлович и Александр Кириллович. Алексей Павлович, раскинув руки для объятий, идет ко мне. Я побежал навстречу, он обнял меня и так мы простояли некоторое время. Я был горд, Алексей Павлович и тут проявил человеческие качества, не проехал мимо. Как такое забыть? Он был интеллигентным и с высокой внутренней культурой, всегда заботился обо мне, о людях и относился с уважением ко всем. Люди на остановке с удивлением смотрели на нас, пожилой человек со звездой Героя обнимает молодого человека. Вынуждены были выйти из машины мои «знакомые». Нас окружили, а АП все приговаривал: «Вы знаете его, он мой аспирант и т.д. Вы еще услышите о нем...». Он радовался не меньше, чем я, все держал меня в объятиях. «Знакомые» улыбаясь, пожимали мне руки и торопили Алексея Павловича, что надо ехать и когда АП сказал мне сесть в машину, те вежливо ответили - «нет места». Алексей Павлович сказал им, чтобы сообщили мне, где их разместят. И только тогда, когда они сообщили мне адрес гостиницы, Алексей Павлович уехал. Я остался на остановке ждать автобус. Вспомнил когда-то сказанные слова Алексеем Павловичем: «Садитесь, я подвезу, какой еще академик Вам предложит сесть в машину?». Прошли обиды, главное, я встретился с Алексеем Павловичем. Оказывается, благодаря Александру Кирилловичу, который увидел меня в окно, маши-

ны сделали вынужденную остановку. Приехав в гостиницу, я увидел, что Алексея Павловича уже увозят куда-то на ужин. Тем не менее, он нашел время и взял у меня на всякий случай мой адрес, где я проживаю.

На следующий день торжественное заседание проходило в здании оперного театра. Приехали со всего союза известные ученые. Я запомнил только фамилии академиков П. Н. Федосеева, И. И. Минца. Алексей Павлович выступил на пленарном заседании. У него не было подготовленных официальных докладов. Он говорил с трибуны о дружественных связях Казахстана и России, ведущих начало с древних времен. Акцентировал внимание на истории Сибири, жизни и подвиге Ермака, ссылаясь на новые, неизвестные факты, новые документы, и в заключение пригласил всех на празднование 300-летия присоединения Сибири к России. Всем запомнились его слова: «В Казахстане много исторических памятников, но не хватает одного – это памятник Абулхаир-хану, который обратился к императрице Анне Иоанновне с просьбой о принятии в подданство России».

После выступления его пригласили в фойе дать интервью ТВ и радио, газеты. Его буквально разрывали на части, то на встречу с учеными, то на телевидение и т.д. Алексей Павлович никому не отказывал, он шел за всеми, но Александр Кириллович умел вовремя пресекать и отказывать некоторым. И даже в такие суматошные минуты Алексей Павлович не забывал обо мне и в одном из интервью сказал: «...У меня много учеников. Самый юный – казах Жакен Таймагамбетов. Он с такой энергией, самоотверженно работал на Алтае,

участвовал в раскопках, нашел интересные памятники древней культуры. Приятно знать, что есть такие ученики, как Жакен...» [Соловьева, 1983]. Мне и сегодня дороги эти слова, а в то время его мнение, услышанное многими нашими учеными, для меня было очень сильной поддержкой.

О встрече с Алексеем Павловичем не было и речи. Его опять увезли на какое-то мероприятие. Но хорошо, что рядом всегда был бдительный Александр Кириллович, который не давал «растерзать» его.

Закончились торжественные дни. Было дождливое раннее утро. Суббота. Я лежал в съемной квартире и вдруг звонок в дверь. Вскрываю, открываю дверь, а на пороге в сером плаще и шляпе на голове стоит сияющий Алексей Павлович с большой картонной коробкой, рядом с ним Александр Кириллович. Вот не ожидал, я ищу встречи с ним, а он сам пришел. Спросив разрешения пройти в дом, он с ходу распаковал коробку, полную ароматных, знаменитых яблочек «Апорт» со словами: «Кто-то вчера мне принес, в знак благодарности, а зачем мне так много, вот вам и привез, ешьте». Я засуетился, дома ничего съестного не было, сказал, что сбегаю в магазин. Он остановил меня: «Мы позавтракали, нам бы только чайку». В ту же минуту я быстро почистил и пожарил картошку на сковороде, так и подал к столу. Оказываясь, несмотря на запрет жареного, он любил картошку. Здесь нам никто не мешал, мы за чаем обо всем поговорили, о работе, экспедиции, семье. Я показал ему находки со стоянки Шульбинка. Его внимание привлекло плоское скребловидное орудие размером больше ладони из светлого крем-

ния, обработанное мелкой ретушью со спинки. Он долго рассматривал его, вертел в руках и приговаривал: «...интересно, интересно...». Потом посоветовал написать письмо его давнему другу профессору Мюллербеку из Германии и проконсультироваться с ним по поводу аналогий подобным находкам.

Потом он спросил, куда мы могли бы поехать, чтобы скоротать время. Я решил показать Медео, но он сказал, что был там. Тогда я предложил поехать к мемориалу народного акына Джамбула Джабаева, который не дожил несколько месяцев до своего столетия. Помните его стихи, написанные в годы войны «Ленинградцы, дети мои! Ленинградцы, гордость моя!...». Алексей Павлович с радостью согласился, хотя мемориал находился в 45 км от Алма-Аты. Нужно было заехать в гостиницу «Казахстан», где проживала его личный врач из Новосибирска Ида Тимофеевна и что-то у нее взять, а заодно и пригласить поехать с нами. У входа стоял академик из Москвы Исаак Израилевич Минц. Алексей Павлович предложил ему поехать с нами к памятнику Джамбула. Тот вежливо отказался, но расспросил, где он находится. Когда уже отъехали от гостиницы, АП сказал: «Он не зря спросил, приедет он, но один... вот посмотрите, помяните мое слово...». Дождь понемногу стихал и, когда мы приехали к мемориалу, прекратился. Осмотрев памятник, сделав несколько снимков на память (рис. 6, 7) и возвращаясь в город, встретили машину, закрепленную за академиком И. И. Минцем. Он в гордом одиночестве восседал в машине. Алексей Павлович помахал ему рукой из окна и сидел, улыбался, видимо, убежденный в своей правоте.

*Рис. 6. А. П. Окладников, А. К. Конопацкий,
Ж. К. Таймагамбетов у мемориала
Джамбула Джабаева. 1981 г.
Фото из архива Ж. Таймагамбетова*

*Fig. 6. A. P. Okladnikov, A. K. Konopatskiy,
Zh. K. Taimagambetov at the memorial
of Jambyl Jabayev. 1981.*

Photo from the archive of Zh. Taimagambetov

Вечером был торжественный прощальный ужин для гостей.

Утром, 3 октября, Алексей Павлович, Александр Кириллович и Ида Тимофеевна улетали в Новосибирск. Я купил цветы, белые хризантемы, поздравил Алексея Павловича с днем рождения. По дороге он сказал мне, что вчера за ужином разговаривал с Президентом Академии наук

А. М. Кунаевым по поводу меня. И тот пообещал, что после окончания аспирантуры мне предоставит жилье в Алма-Ате. Я радовался, будто уже получил квартиру. Даже в такие моменты, когда все позволяют себе немного расслабиться, он заботился и думал обо мне. Я проводил дорогих гостей в аэропорт и далее на посадку в самолет. Договорились, что я приеду через несколько дней, как завершу дела в Алма-Ате.

После приезда в Новосибирск Алексей Павлович оформил мне командировку в Волгоград, чтобы ознакомиться с коллекциями Сталинградской стоянки, а заодно перевезти семью в Академгородок. Зная, что моя супруга филолог по образованию, он думал подыскать ей работу, а затем подготовить ее для поступления в аспирантуру. Это было в октябре. Попрощавшись, я улетел в Волгоград. Ничто не предвещало, что это была наша последняя встреча. Больше я его не видел.

Я перевез жену и дочь из Волгограда в Новосибирск и иногда, прогуливаясь с ними мимо коттеджа, где проживал Алексей Павлович, надеялся встретить его. Я знал, что он в Москве, а вдруг приехал и я увижу его на улице. Но он не приезжал. Находясь в Москве, в больнице, он по телефону передал Александру Кирилловичу как должна выглядеть структура моей диссертационной ра-

Рис. 7. А. П. Окладников и Ж. К. Таймагамбетов у памятника Джамбулу Джабаеву. 1981 г. Фото из архива Ж. Таймагамбетова

Fig. 7. A. P. Okladnikov and Zh.K. Taimagambetov at the monument to Jambyl Jabayev. 1981. Photo from the archive of Zh. Taimagambetov

боты из-за измененной темы. Даже в такие минуты Алексей Павлович думал о работе, не забывал обо мне.

В общезнании мы часто проводили время вместе с Трофимычем и желали только одного, чтобы АП скорее выздоровел и приехал в Институт. Но однажды, а это было 18 ноября, Александр Кириллович сообщил скорбную весть. Алексей Павлович покинул нас.

Мы, археологи, начали готовить место на кладбище, под березой, на которую указал сам Алексей Павлович. Был сильный мороз, мы копали мерзлую землю, тщательно зачищая стенки, как будто на раскопе, чтобы не видно было следов от лопаты. У нас было два дня времени. Алексея Павловича должны были доставить самолетом из Москвы но-

чью 20 ноября. Во время перерыва к нам с плачем подошла незнакомая женщина и попросила помочь завершить начатую могильную яму. Скоро должны были привезти гроб с ее родственницей, а ответственные люди за подготовку могилы исчезли куда-то. Она была в безвыходном положении и в отчаянии. Мы не могли отказать ей и с согласия коллег, вдвоем с Трофимычем, успели докопать могилу до того, как привезли покойницу. А затем и подготовили место для Алексея Павловича.

В ночь на 21 ноября мы были в аэропорту, помогали выгрузить из самолета тело АП и привезти его на автомашине в Академгородок.

С утра было прощание с Алексеем Павловичем. Народу было мно-

го. Выступал президент СО АН СССР В. А. Коптюг и многие общественные и партийные деятели, соратники, друзья. Александр Кириллович все время стоял у изголовья Алексея Павловича. Мы, археологи, несли гроб, поместили его на катафалк и колонна из многочисленных автомашин двинулась на кладбище. После был воинский салют. Разошлись все, кто пришел проститься с Алексеем Павловичем. Остались у могилы лишь несколько сотрудников из Института, которых не пугал ни мороз, ни быстро надвигающаяся ночь. Пусто было на душе и одиноко.

Теперь мы втроем, Александр Кириллович, Трофимыч и я, часто были вместе. Уход Алексея Павловича сблизил нас. Однажды Александр Кириллович, когда был у меня в гостях вместе с Трофимычем, подарил мне книгу «Открытие Сибири» с подписью: «Дорогому Жакену Таймагамбетову на память о нашем общем учителе, удивительном человеке, Алексее Павловиче Окладникове, авторе этой увлекательной и интересной книги. 10 октября 1982 г., г. Новосибирск». Это было второе издание книги, подаренной в свое время мне Алексеем Павловичем, но отличие было только в том, что она была в синей обложке. Эти две книги дороги мне, потому что одна напоминает о моем учителе, а вторая о моем добром и надежном друге Александре Кирилловиче Копцаком.

Директором Института был назначен ученик Алексея Павловича, молодой и опытный археолог, прекрасный организатор науки, член-корреспондент (в звании академика с 1987 г.) Академии наук СССР Анатолий Пантелеевич Деревянко, который достойно и долгие годы руководит

прекрасным коллективом. Начиная с 1992 года и по настоящее время, он оказывает непрерывную и неоценимую помощь в исследовании палеолита Казахстана. Мы дружим. Дружба, заложенная Алексеем Павловичем и преемственность поколений, продолжается.

В срок и успешно я защитил диссертационную работу на соискание ученой степени кандидата исторических наук с указанием научными руководителями академика А. П. Окладникова и доктора исторических наук Р. С. Васильевского. Такими были требования «Положения ВАК...».

Я благодарен судьбе за то, что она свела меня с Алексеем Павлови-

Рис. 8. Бюст А. П. Окладникова, установленный в г. Новосибирске. Фото из архива Ж. Таймагамбетова

Fig. 8. Bust of A. P. Okladnikov, installed in Novosibirsk. Photo from the archive of Zh. Taimagambetov

чем Окладниковым в непростое для меня время. Я не забуду, какую он мне оказал помощь, поддержку и доверие, и я стараюсь равняться на таких людей, как он. Алексей Павлович был яркой личностью, отзывчивым, добрым человеком, настоящим ученым (рис. 8). Он остался в многочисленных научных трудах и людях, в своих учениках, к которым принадлежу и я,

последний аспирант академика АН СССР Алексея Павловича Окладникова.

Портрет Алексея Павловича со всеми заслуженными его наградами на пиджаке всегда висит у меня над рабочим столом. Мягкая и добрая улыбка на лице и мне кажется, что он жив, просто находится в длительной экспедиции...

ЛИТЕРАТУРА

1. *Соловьева Г.Г.* Загадка счастья. Алма-Ата: Жалын, 1983. 228 с.

Сведения об авторе:

Таймагамбетов Жакен – доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент НАН РК, главный научный сотрудник, отдел археологии и этнографии, Национальный музей РК, заслуженный деятель Республики Казахстан (г. Нур-Султан, Казахстан); zhaken.taimagambetov@gmail.com

ҰСТАЗЫМ АЛЕКСЕЙ ПАВЛОВИЧ ОКЛАДНИКОВ ТУРАЛЫ ЕСТЕЛІК

Ж. Таймағамбетов

2020 жылдың ақпанында тура 40 жыл болыпты менің ең алғаш рет КСРО ҒА Сібір бөлімшесінің Тарих, филология және философия институтының, қазіргі өз алдына жеке РҒА СБ Археология және этнография институтының табалдырығын аттағаным. Сол жылы танысқан едім ірі ғалым, Сібір, Солтүстік, Орталық және Шығыс Азия халықтары археологиясы, этнографиясы мен тарихының аңыз адамы, Социалистік Еңбек Ері Алексей Павлович Окладниковпен (1908–1981) (сур. 1). Анда-санда болса да біз бір жылдай араластық. Осының өзі менің өмірім мен есімде жарқын із қалдырды. Ал мына ессіз уақыт зымырап өтуде, менің ұстазымның мәңгілік экспедицияға кеткеніне де аттай 39 жыл өтіпті. Бірақ бәрі менің есімде, тіпті ұсақ-түйегіне дейін, біз кеше ғана қоштасқандаймыз. Алексей Павловичті, ең алдымен адам, ғалым ретінде ұмыту мүмкін емес. Бұның бәрі қалай басталды және болды... Шағын экскурс жасап, өткен оқиғаларды қалына келтіріп көрейін.

Түйін сөздер: археология, А.П. Окладников, РҒА СБ Археология және этнография институты, тас ғасыры, палеолит, естелік

MEMORY OF MY TEACHER – ALEXEY P. OKLADNIKOV

Zh. Taimagambetov

In February 2020 was exactly 40 years as I first crossed the threshold of the Institute of History, Philology and Philosophy of the Siberian Branch of the Academy of Sciences of the USSR, now independent Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Then I met an outstanding scientist, legend of archaeology, ethnography and history of the peoples of Siberia, North, Central and East Asia,

Hero of Socialist Labor, Alexey P. Okladnikov (1908–1981) (fig. 1). A little over a year we contacted, albeit occasionally. However, it was enough for him to leave a bright mark in my life and memory for a long time. Crazy time is flying rapidly, and it has been 39 years since my teacher left forever, went on an eternal expedition. I remember everything about him, everything to the smallest detail, as if we had parted ways recently. Alexey P. Okladnikov is impossible to forget, first of all, as a person, as a scientist. How it all started and it was... I will try to make a small excursion and restore the events of the past.

Keywords: archaeology, A. P. Okladnikov, Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Stone Age, Paleolithic, memories

REFERENCES

1. Soloviyova, G. S. 1983. *Zagadka schastiya: opyt filosofskogo razмышleniya (The riddle of happiness: the experience of philosophical reflection)*. Alma-Ata: “Jalyn” Publ. (in Russian).

About the Author:

Taimagambetov Zhaken. Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Chief Researcher, Department of Archeology and Ethnography, National Museum of the Republic of Kazakhstan, Honored Worker of the Republic of Kazakhstan, Nur-Sultan, Kazakhstan; zhaken.taimagambetov@gmail.com

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 25.05.2020.

ПАЛЕОЗООЛОГ БОЛАТ УАПИҰЛЫ БАЙШАШОВ – 75 ЖАСТА

© 2020 ж. М. С. Шағырбаев

Мақалада белгілі палеозоолог Болат Уапиұлы Байшашовтың өмір жолы, ғылыми қызметі және археозоологиялық зерттеулері қарастырылған. Болат Уапиұлы палеонтологиялық зерттеулермен қатар, археозоологиялық зерттеулермен де айналысқан ғалымдардың бірі. Археология ғылымында жануар сүйектерін зерттеу үшін арнайы мамандардың көмегіне сүйенеміз. Осы ретте Болат Уапиұлының отандық археологтармен тығыз байланыс орнатып, Қазақстан аумағындағы көптеген ежелгі ескерткіштерден табылған остеологиялық материалдарды жануар түріне қарай анықтауда көп еңбек сіңірген ғалымдардың бірі деп айта аламыз.

Түйін сөздер: археология, Б. У. Байшашов, палеонтология, археозоология, экспедиция, остеология, ежелгі фауна

Археологиялық зерттеулерде, әсіресе ежелгі қоныстар, тұрақтар, ортағасырлық қалалардағы қазба жұмыстары барысында тағам қалдығы болып табылатын жануар сүйектері өте көп табылатыны белгілі. Археологтар көп жағдайда жануар түрлерін бүтін қаңқа сүйектеріне және бүтін қаңқа элементтеріне қарап ажырата алғанымен, тағам қалдығы ретінде сақталған және бөлшектеніп кеткен сүйектерді анықтауда үлкен кедергіге тап болады. Өз кезегінде мұндай материалдар кешені назардан тыс қалып, зерттеу нәтижелері ретінде ғылыми айналымға енбей қалып қояды. Міне осындай келеңсіздіктердің орнын толтыруда археологтар жануар сүйектерін зерттеумен айналысатын зерттеушілердің көмегіне сүйенетіні анық.

Ә. Х. Марғұлан атындағы Археология институтының тарихында бірнеше палеозоологтар қызмет атқарғанын білеміз. Солардың қатарында Болат Уәпиұлы Байша-

шовты да ерекше құрметпен атай аламыз (сур. 1).

Болат Уәпиұлы Байшашов 1945 жылы 1 сәуірде Шығыс Қазақстан облысы Аягөз ауданы Ақтоғай ауылында дүниеге келген. 1962 жылы орта мектепті бітіріп, Алматы қаласындағы Абай атындағы Қазақ Мемлекеттік педагогика институтына (қазіргі Абай атындағы Қазақ Ұлттық педагогикалық университеті) оқуға түседі. 1965–1967 жылдары Кеңес Армиясы қатарында әскери борышын өтеп келгеннен кейін, Зоология институтында еңбек жолын бастаған. Институт қабырғасында палеобиология лабораториясында лаборанттан бастап, барлық ғылыми баспалдақтардан өтіп, жетекші ғылыми қызметкер дәрежесіне дейін көтеріледі. 2014 жылдан бастап палеозоология зертханасының жетекшісі болып қызмет атқарған.

1983 жылы Украинаның Киев қаласында орналасқан Шмальгаузен атындағы Зоология институтында

Сур. 1. Болат Уәпиұлы Байшашов. Фото Б. У. Байшашовтың жеке архивінен алынды
 Fig. 1. Bolat U. Baishashov. Photo from the B. U. Baishashov personal archive

«Қазақстанның неогендік мүйізтұмсықтары» атты кандидаттық диссертациясын қорғайды. Б. У. Байшашов ерте кайнозойлық тұнбаларда сақталған Rhinocerotioidea тұқымдастырының құрамындағы екі жаңа түрін анықтап және 11 басқа да да тақтұяқты жануарлардың ғылыми сипаттамасын жасап шыққан. Б. У. Байшашов 20-дан астам халықаралық конференцияларда, симпозиумдарда баяндама жасап, өз зерттеулерін жариялаумен қатар, Ресей, Украина, Грузия, Молдавия, Қытай және АҚШ секілді жақын және алыс шет елдердегі ежелгі мүйізтұмсықтарды да зерттеумен айналысқан. 2015–2016 жыдары Шығыс Қазақстан облысындағы Зайсан қазаншұңқырында жүргізілген палеонтологиялық қазба

жұмыстарына қатысып, б.д.д. млн жылдықпен мерзімделетін жануар сүйектерін тауып, нәтижелерін ғылыми айналымға енгізді. Ғалымның зерттеулері арқылы біз бүгінде жойылып кеткен гиппарион жылқысы (жылқы тұқымдастарының арғы тектерінің бірі), керік (жираф), мүйізтұмсықтар, бұғылар мен қылыш тісті жолбарыстың Қазақстан территориясында мекендегенін біле аламыз.

1990 жылдардан бастап Б. У. Байшашов отандық археологтардың зерттеулеріне араласып, остеологиялық материалдардан жануар түрлерін анықтауға көмектесе бастады. Менің палеозоолог Болат Уәпиұлымен алғаш танысуым 2018 жылдың көктемі болатын. Археолог Е. Ш. Ақымбек Археология

институтының құрамында «Археологиялық технологиялар» зертханасының меңгерушісі болып тағайындалғаннан кейін, зертхана құрамында «археозоология» бөлімін ашу мәселесін қолға алды. Өкінішке орай институттың зерттеуші-ғалымдар тобында арнайы археозоолог маман дайындалмағаны бұл іске біршама кедергі келтіргені рас. Археологиялық зерттеулермен айналысып жүрген мені жануар сүйектерін зерттеуге бейімдеу үшін, зертхана құрамына Б. У. Байшашов шақырылды. Нәтижесінде Болат Уәпиұлымен бірге Институт қорында сақталған остеологиялық материалдарды талдап, бірқатар нәтижелерге қол жеткізе алдық. Алғашында зертханада арнайы жануар қаңқасының жеке элементтерінен құралған эталондардың болмауы және менің де мұндай зерттеулермен бұрын айналыспауым, бұл бағыттағы зертеу жұмыстарымызға айтарлықтай әсер етті. Дегенмен Болат Уәпиұлы өзі әртүрлі ескерткіштерден табылған жануар сүйектерінің бүтін элементтерін жинап, оларды эталон ретін сақтау тәсілдерін үйретті. Жалпы жануар сүйектерін зерттеу үлкен тәжірибемен ғана іске асады. Осы мәселені дұрыс шешу үшін Болат Уәпиұлы остеологиялық материалдармен жиі жұмыс жасауды қадағалауға тырысатын.

Зертханада Болат Уәпиұлымен бірге Шірік Рабад археологиялық кешенінен соңғы оншақты жыл көлемінде жиналған остеологиялық материалдарды зерттеумен айналысып, 10-нан астам жануар түрлерін анықтадық. Сырдарияның көне арналарындағы антикалық кезеңмен мерзімделетін бірнеше ескерткіштерде құлан сүйектерінің көп кездесетіні анықталды. Бұл

мәлімет алдағы уақытта жануарлар систематикасында ортағасырлардағы жануар түрлерінің мекендеу ареалын анықтауға үлкен көмегі болары сөзсіз. Жетісу өңіріндегі қола дәуірімен мерзімделетін Серектас II қорымынан табылған жануар сүйектерін талдауда, ежелгі тұрғындардың тағам рационында тасбақаның да болғаны ерекше қызығушылық тудырды. Мұндай мәліметті біз Жетісудағы ортағасырлық Шеңгелді төрткүлінің материалдарын зерттеуде де кездестірдік. Б. У. Байшашовпен Археологиялық технологиялар зертханасында жұмыс істеген екі жыл көлемінде Қазақстан территориясындағы ондаған ескерткіштен табылған остеологиялық материалдар сараптаудан өтті.

Б. У. Байшашов ғылыми-зерттеу жұмыстарынан бөлек, мектеп оқушылары және студенттердің де ғылыми зерттеулеріне араласып келеді. Болат Уәпиұлының жетекшілігімен орындалған ғылыми жұмыстар «Дарын» ғылыми-практикалық конференциясында және 2019 жылы Ресей Федерациясы Санкт-Петербург қаласында өткен халықаралық конкурста жеңімпаз атанды. Болат Уәпиұлы Ресей Ғылым Академиясының териология қоғамы және Америка Құрама Штаттарындағы омыртқалылар палеонтологиясы қоғамының мүшесі болып табылады.

2016 жылы 05 қазанда ҚР Білім және ғылым министрлігі тарапынан «Еңбек ардагері» және «Қазақстан Республикасының тәуелсіздігіне 25 жыл» медальдарымен марапатталды.

Б. У. Байшашов Қазақстан аумағында және шет елде жалпы 180-ге жуық ғылыми мақалалардың,

оның ішінде 5 монографияның авторы. Ғылыми зерттеулерінің 57-сі «Қазақстан» энциклопедиясына енген. «Носорогообразные (Rhinocerotidae) кайнозой Казахстана» атты монографиясы Германиядағы «Lambert Academic Publishing» баспасында жарияланды. Жоғары оқу орындарының студенттері мен оқушыларға арналған «Табиғат тарихының беттері» атты ғылыми-

көпшілік еңбегін оқырман қауыммен бөлісті.

Б. У. Байшашов Қазақстан аумағындағы мүйізтұмсық тәрізді жануарларды зерттеп, отандық палеонтология ғылымына үлкен еңбек сіңіріп қана қоймай, отандық археологияның бір бөлшегі болып табылатын археозоология ғылымының дамуына да зор үлесін қосты деп айта аламыз.

Болат Уәлиұлы Байшашовтың негізгі ғылыми еңбектерінің тізімі

Автореферат:

Неогеновые носороги (Rhinocerotidae) Казахстана: дис. ... канд. биол. наук. Алма-Ата: Институт зоологии АН КазССР, 1983. 278 с

Монографиялар:

Неогеновые носороги Казахстана. Алматы: Ғылым, 1993. 147 с.
Носорогообразные (Rhinocerotidae) кайнозой Казахстана. Саарбрюккен «Lambert Academic Publishing», 2013. 220 с.

Табиғат тарихының беттері. Алматы: Нур-Принт, 2013. 97 с.

Биоразнообразие ископаемых позвоночных и биостратиграфия кайнозой Зайсанской впадины. Алматы: Институт зоологии, 2017. 153 с. (в соавт. с Абдрахмановой Л.Т.).

Мақалалары:

Первая находка болотного носорога (Amynodontidae) в Акеспе (Казахстан) // впадины // «Selevinia». Зоологический ежегодник Казахстана и Центральной Азии. 1994. № 1. С. 74–75.

Вымершие млекопитающие и эоценолигоценная граница в Зайсанской впадине, Казахстан // «Selevinia». Зоологический ежегодник Казахстана и Центральной Азии. 1996–1997. № 1. С. 64–71. (в соавт. Лукас С.Д., Эмри Р.Д., Тютковой Л.А.).

Филогенетические связи носорогообразных (Rhinocerotidae, Periodactyla) и их классификация // «Selevinia». Зоологический ежегодник Казахстана и Центральной Азии. 1998–1999. № 2. С. 9–14.

Раннеолигоценная (индрикотериевая) фауна Центрального Казахстана // «Selevinia». Зоологический ежегодник Казахстана и Центральной Азии. 1998–1999. № 3. С. 122–134 (в соавт. с Тютковой Л.А.).

Научное, культурно-воспитательное значение всемирно известного палеонтологического местонахождения «Гусиный перелет» и основные принципы его сохранения // Қазақстанның биологиялық ғылымдары. 2015. № 3–4. С. 65–73 (в соавт. с Ахметовым К.К., Алиясовой В.Н.).

Новые находки Gazella (Vetagazella) dorcadoidea из Зайсанской впадины (Казахстан) // «Selevinia». Зоологический ежегодник Казахстана и Центральной Азии. 2016. Т. 24. С. 112–117. (в соавт. с Абдрахмановой Л.Т.).

Представители ископаемых хищных (Carnivora) кайнозой Зайсанской впадины (Восточный Казахстан) и Павлодара // «Selevinia». Зоологический ежегодник Казахстана и Центральной Азии. 2016. Т. 24. С. 165–167 (в соавт. с Алиясовой В.Н., Касымбековой Г.И.).

Находки костей пантодонта и диноцерата (Mammalia, Pantodonta, Dinocerata) из Зайсанской впадины // «Selevinia». Зоологический ежегодник Казахстана и Центральной Азии. 2016. Т. 24. С. 167–168.

Көне дәуірдегі мал шаруашылығы мен аңшылықтың маңызы (остеологиялық материалдар негізінде) // «Ахынжанов оқулары – 2019» атты көрнекті археолог С.М. Ахынжановтың 80 жылдығына арналған жас ғалымдардың халықаралық археологиялық конференциясының жинағы (Алматы қ., 16–17 қазан 2019). Алматы: Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты, 2019. 100–107 бб. (телавт. Шағырбаев М.С.).

Археологиялық қазбалардан жануарлар сүйектерін жинау, оның маңызы және палеонтологиялық зерттеулермен байланысы // «Далалық археологиялық зерттеулердегі жаратылыстану ғылымдарының әдістері мен әдіснамасы» атты халықаралық ғылыми-тәжірибелік конференцияның материалдары (Алматы қ. 18 қыркүйек 2019 ж.). Алматы: Қазақ университеті, 2019. 37–39 бб.

Автор туралы мәліметтер:

Шағырбаев Мәмбет Сапарбекұлы – ғылыми қызметкері, Ә. Х. Марғұлан атындағы Археология институты (Алматы, Қазақстан); mambet_87@mail.ru

ПАЛЕОЗООЛОГУ Б.У. БАЙШАШОВУ 75 лет

М. С. Шағирбаев

Статья посвящена юбилею известного казахстанского палеозоолога Болата Уапиевича Байшашова. Дана краткая характеристика основным вехам биографии и научной деятельности юбиляра. Имя Булата Уапиевича известно благодаря не только его палеонтологическим исследованиям, но и археозоологическим. Б. У. Байшашовым проанализированы остеологические материалы из различных археологических памятников, датирующихся широким хронологическим диапазоном. Булат Уапиевич поддерживает научные контакты с археологами Казахстана и является одним из немногих специалистов республики по работе с остеологическими коллекциями.

Ключевые слова: археология, Б. У. Байшашов, палеонтология, археозоология, экспедиция, остеология, древняя фауна

75th ANNIVERSARY of the PALEOZOOLOGIST Bulat U. BAYSHASHOV

M. S. Shagirbayev

The article is dedicated to the anniversary of the famous Kazakh paleozoologist Bolat U. Baishashov. A brief description of the main milestones of his biography and scientific activity is given. The name of Bulat U. is known not only for his paleontological research, but also for his archeozoological research. B. U. Bayshashov analyzed osteological materials from various archaeological monuments dating from a wide chronological range. Bulat U. maintains scientific contacts with archeologists of Kazakhstan and is one of the few specialists of the republic on work with osteological collections.

Keywords: archaeology, B. U. Bayshashov, paleontology, archeozoology, expedition, osteology, ancient fauna

About the Author:

Shagirbayev Mambet S. Scientific researcher, A.Kh. Margulan Archeology Institute, Almaty, Kazakhstan; mambet_87@mail.ru

ХРАНИТЕЛЬ ДИНАСТИИ ПАЛИНОЛОГОВ

© 2020 г. А. К. Жамангара

Палеонтолог, палинолог, геолог, геoarхеолог Нигматова Саида Араповна отмечает свой юбилей. С. А. Нигматова является продолжателем удивительной семейной династии палинологов. Она внесла весомый вклад в палеоботанику, биостратиграфию и геoarхеологию. В статье кратко изложен научный путь С. А. Нигматовой – от аспиранта до известного ученого, возглавляющего единственную уникальную лабораторию палинологии при Институте геологических наук им. К. И. Сатпаева в Казахстане. В статье особо отмечается весомый вклад С. А. Нигматовой в археологию. Заключение, полученные С. А. Нигматовой на основе палинологического анализа, позволили расширить представления о природно-климатических условиях формирования разных культур на территории Казахстана.

Ключевые слова: Нигматова Саида Араповна, палинология, палеонтология, геoarхеология

Нигматова Саида Араповна – палеонтолог, геолог, геoarхеолог родилась 27 апреля 1970 году в городе Алма-Ата. Саида Араповна является продолжателем удивительной семейной династии палинологов: три поколения женщин этой семьи посвятили свою жизнь палинологии – науке, основанной на изучении ископаемых пыльцы и спор растений.

Первой в Казахстане увлеклась изучением палеоботаники и палеопалинологии известный ученый, кандидат биологических наук Рукия Яруловна Абузярова, более 40 лет преподававшая палинологию в КазГУ им. С. М. Кирова. Многие годы Рукия Яруловна изучала палеофлору кайнозоя Казахстана. Она была единственным казахстанским палинологом, принявшим участие в I Международной палинологической конференции в Таксоне (США) в 1962 г. Палинологи со всего мира знали нашу страну по ее работам, присылали ей свои статьи, монографии. По ее стопам пошла

и племянница Байбулатова Раиса Биктемировна, мама Саиды Нигматовой. Р. Б. Байбулатова 37 лет проработала в Поисково-съёмочной экспедиции

Рис. 1. Саида Араповна Нигматова

Fig. 1. Saida A. Nigmatova

Южно-Казахстанского Геологического управления. Работы Р. Б. Байбулатовой хорошо известны геологам, изучающим кайнозойские отложения Казахстана. Ею детально изучены и расчленены палеогеновые, неогеновые и четвертичные отложения Южного, Юго-Восточного и Восточного Казахстана. Она сотрудничала с видным археологом Х. А. Алпысбаевым по изучению палеолитических стоянок Южного Казахстана.

Еще будучи школьницей, Саида с удовольствием ходила к маме на работу, подолгу сидела в палинологической лаборатории, наблюдая за тем как лаборанты занимаются выделением пыльцы из геологических пород. Мама учила работать с микроскопом, рассказывала о возможности применения спорово-пыльцевого анализа в геологии, медицине, криминалистике, археологии. Раиса Биктемировна была очень увлеченным человеком и смогла увлечь дочь.

В 1987 году Саида Нигматова поступила в КазГУ им. С. М. Кирова на биологический факультет. Вопросов с выбором специализации не было, поэтому с 1990 года после второго курса она пришла в Институт геологических наук, где тогда была крупная палинологическая лаборатория, и под руководством З. К. Пономаренко приступила к изучению палеогеновой пыльцы Торгая. Уже тогда было ясно, что детство, проведенное в лаборатории и полях, не прошло даром: Саида увлеклась спорово-пыльцевым анализом и проявляла явные способности. Дорога в геологию была предопределена, но грянул развал СССР. Институт геологических наук испытывал трудности, поэтому прием на работу молодого специалиста стал проблематичным.

По счастливому стечению обстоятельств, в это же время при Институте ботаники и фитоинтродукции АН РК начали формировать палеоботаническую лабораторию под руководством Петра Владимировича Шилина, который и пригласил выпускницу С. А. Нигматову поступить в аспирантуру. В 1992 году С. А. Нигматова поступила в аспирантуру Института ботаники и фитоинтродукции к П. В. Шилину и занялась изучением ископаемой флоры Торгая. Было интересно сравнить макро- и микрофлору. Отпечатки растений оказались интересным объектом изучения и позволяли значительно расширить представления о древней флоре Казахстана и изменению климата кайнозоя. С. А. Нигматовой была монографически изучена коллекция ископаемых растений местонахождения Ержилансай в Тургае. Эта коллекция собиралась долгие годы Валентиной Степановной Корниловой, Эльзой Васильевной Романовой, Раисой Биктемировной Байбулатовой и в ходе экспедиции 1995–1996 гг. самой Саидой Нигматовой.

В 1998 г. она защитила кандидатскую диссертацию по палеоботанике «Ископаемая флора Ержилансай (Торгайский прогиб)». Однако интерес к изучению ископаемой пыльцы не угасал: «Палинология, как первая любовь, со мной навсегда», - шутила Саида, когда у нее спрашивали: «Не забросила ли она палинологию?».

В 1999 году С. А. Нигматова с группой ботаников приняла участие в работе комплексной Казахско-французской экспедиции по изучению берелских курганов под руководством Зайноллы Самашевича Самашева. Это был переломный момент! За научной консультацией и помощью в

лабораторной обработке образцов на палинологический анализ С. А. Нигматова обратилась в Институт геологических наук к известному геологу Болату Жагыфаровичу Аубекерову, возглавлявшему в то время лабораторию четвертичной геологии. В свою очередь Б. Ж. Аубекеров предложил восстановить работу палинологической группы в Институте, за эту работу, засучив рукава, и взялся молодой кандидат наук Саида Нигматова.

Палинологическое изучение материалов археологических памятников позволило получить интереснейший материал. Так, по берелским курганам были получены данные о сезоне захоронения, сделаны выводы о разных местах обитания лошадей из сопроводительного комплекса кургана № 11 и многие другие выводы.

Б. Ж. Аубекеров развивал новое для Казахстана направление – геоархеологические исследования. Он внедрял в работы археологов представления о необходимости изучения геоморфологии района, его геологической истории, настаивал на изучении климата времени существования археологических объектов. Саида Нигматова активно поддерживала развитие геоархеологического направления. Она выступала на семинарах и конференциях, популяризуя палинологические исследования для нужд археологии.

В ходе выполнения гранта INTAS «Процесс формирования кочевых племен в Семиречье в бронзовом и раннежелезном веках. Экология и археология» были собраны уникальные материалы по изменению климата и растительности в горных, предгорных и пустынных областях Семиречья/Жетысу. Совместные работы с археологами Алексеем Евгеньевичем

Рогожинским, Александром Анатольевичем Горячевым, а также Ренато Сала (Renato Sala) и Жан-Марком Деомом (Jean-Marc Deom) позволили увязывать изменения растительности и климата с развитием и изменением типов хозяйства, формированием и угасанием культур на территории Юго-Восточного Казахстана.

В 2002 году С. А. Нигматова поступила на работу в Институт геологических наук им. К. И. Сатпаева (ИГН). Необходимость в ней как в специалисте-палинологе назрела в связи с расширением палинологических работ, проводимых в лаборатории мезозоя и кайнозоя. К тому времени от былой славы палинологической лаборатории почти ничего не осталось: финансирования не было, работа была приостановлена. Но назревал нефтяной бум и постепенно росла потребность в комплексных исследованиях керна. После прихода С. А. Нигматовой в ИГН была вновь сформирована палинологическая группа, сориентированная на выполнение хоздоговорных и фундаментальных исследований. С. А. Нигматовой была успешно выполнена организационная и кадровая работа, в результате которой были закуплены химические реактивы, химическая посуда, приборы, приняты новые сотрудники. Вся эта большая работа способствовала тому, что в настоящее время палинологическая группа ИГН им. К. И. Сатпаева является одной из лучших палинологических лабораторий в Казахстане, изучающей отложения от верхнего палеозоя до голоцена включительно.

Помимо производственных мероприятий, С. А. Нигматовой выполнялась большая научная работа и постоянно совершенствовался про-

Рис. 2. С.А. Нигматова. Сауран, 2011

Fig. 2. Saida A. Nigmatova. Sauran, 2011

фессиональный уровень. Б. Ж. Аубекеров поставил задачу: поскольку финансирование весьма скудное, из каждой экспедиции надо привезти максимально большое количество информации – собирать поверхностные пробы, делать геоморфологические описания, описания растительности, отбирать образцы из пойменных отложений, наилков, собирать гербарий.

Она прошла стажировки в МГУ им. М. В. Ломоносова и университетах штата Луизиана и Техас (США). Стажировка в Москве в 2003 г. была предоставлена НАН РК как молодому перспективному специалисту.

В 2002–2008 годах было выполнено палинологическое изучение лессовых отложений Южного Казахстана, в том числе включающих археологические объекты Бутакты (по приглашению Александра Анатольевича Горячева), Майбулак (совместно с Жакеном Кожаметовичем Таймагамбетовым), Трамплин, Чарын/Шарын и др. Были показаны изменения климата в плювиальные эпохи, сопоставимые с оледенениями, и аридные – с межледниковьем.

Большая работа по изучению кернов донных отложений была проведена в ходе международных исследований озера Балхаш по международному проекту. Был изучен девятиметровый керн и получено шесть этапов увеличения обводненности озера и его обмеления.

Продолжается работа и на археологических объектах: изучены отложения археологического памятника Кердары

(район Аральского моря, экспедиция под руководством Дмитрия Воякина), курганы Жетысу и Алтая, поселения эпохи бронзы и раннего железного

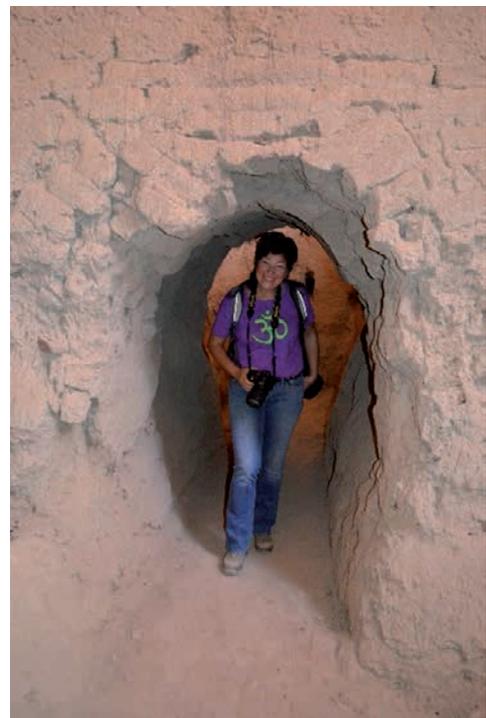

Рис. 3. С.А. Нигматова. Культобе, 2018

Fig. 3. Saida A. Nigmatova Kultobe, 2018

века в горах Шу-Иле и Иле Алатау. Впервые проведено биозональное расчленение голоценовых отложений и проведена увязка с основными археологическими событиями.

В 2010 году С. А. Нигматовой защищена докторская диссертация на тему «Стратиграфия, палеогеография и климаты четвертичного периода аридных регионов Центральной Азии (по палинологическим данным)», куда вошли полученные данные.

В 2012 г., после безвременной кончины руководителя лаборатории мезозоя и кайнозоя учителя и друга Б. Ж. Аубекерова, Саида Нигматова возглавила лабораторию. Были продолжены работы по палинологическому изучению кернов нефтяных скважин, археологических объектов, геологических разрезов. В 2015 г. был подготовлен к печати коллективный труд сотрудников лаборатории «Атлас руководящих комплексов спор, пыльцы и фораминифер мезозойских нефтегазоносных отложений Торгайского осадочного бассейна» и «Методическое руководство по палинологическому изучению юрских отложений Южного Торгая и прилегающих территорий».

Начиная с 2012 г. и по настоящее время, С. А. Нигматова занимается изучением археологических памятников Южного Казахстана: Отрар, Сауран, Миртобе. Наиболее интересные результаты были получены при изучении памятника Миртобе, куда С. А. Нигматова была пригла-

шена Ербулатом Акижановичем Смагуловым. Здесь установлена пыльца многих культурных растений, позволяющих реконструировать более благоприятные климатические условия, что способствовало развитию садов и огородов.

Помимо интереса к изучению пыльцы, Саида Араповна постепенно начинает заниматься изучением плодов и семян, отобранных на археологических памятниках. В комплексе с палинологическим анализом карпология позволяет значительно корректней изучать растения, используемые в древности как в пищевых, так и в медицинских целях. Сейчас формируется база данных по плодам и семенам из различных отложений Южного и Восточного Казахстана, а также эталонная коллекция плодов и семян.

С. А. Нигматова ведет работу с молодыми специалистами. В течение двух лет она вела палинологические семинары в КазНУ им. аль-Фараби, под ее руководством защищено две магистерские диссертации. Она ассоциированный профессор кафедры Геологии нефти и газа КазННТУ им. К. И. Сатпаева. С. А. Нигматова пользуется заслуженным авторитетом и уважением коллег, она является чутким и отзывчивым товарищем.

Сегодня Нигматова Саида Араповна является связующей нитью между разными отраслями и специалистами, объединенными Наукой о Земле – геологами, палеонтологами, археологами.

Список основных публикаций С. А. Нигматовой

Авторефераты:

1 Ископаемая флора Ержиланская (Тургайский прогиб): автореф. дис. канд. биол. наук: 03.00.05. Алматы: Ин-т ботаники АН РК, 1998. 18 с.

2 Стратиграфия, палеогеография и климаты четвертичного периода аридных регионов Центральной Азии (по палинологическим данным): автореф. дис. докт. геол.-мин. наук. Алматы: Институт геологических наук им. К.И. Сагпаева МОН РК, 2010. 27 с.

Главы в книгах

1. Геоморфологическое строение и природные ландшафты Казахстана // Ерофеева И.В. (отв. ред.). Историко-культурный атлас казахского народа. Алматы: "Print-S", 2011. С. 6–21 (в соавторстве с Аубекеровым Б.Ж.).

2. Геолого-географические и палинологические исследования на археологическом комплексе Бутакты-1 // Горячев А.А., Мотов Ю.А. Археологический комплекс Бутакты-1. Алматы: ТОО "KazBookTrade", 2018. С. 156–171 (в соавторстве с Аубекеровым Б.Ж., Кузнецовой Л.Л.).

Статьи:

1. К вопросу о формировании аридной зоны в Казахстане // Вестник КазНТУ. 2009. № 6. С. 14–17 (в соавторстве с Аубекеровым Б.Ж.).

2. Четвертичное оледенение гор Северного Тянь-Шаня // Доклады АН Республики Таджикистан. 2009. Т. 52. С. 959–962 (в соавторстве с Аубекеровым Б.Ж., Перезовым С.В.).

3. Начальный этап формирования аридной зоны Центральной Азии // Труды Института геологии. Новая серия. 2009. Вып. 8. С. 131–139 (в соавторстве с Аубекеровым Б.Ж.).

4. Геоархеологическое изучение озера Балхаш как географического центра культур Казахстана // Роль кочевников в формировании культурного наследия Казахстана: сб. м-лов Междунар. научн. конф. «Научные чтения памяти Н.Э. Масанова» (г. Алматы, 23–24 апреля 2009 г.). Алматы: Print-S, 2009. С. 37–45 (в соавторстве с Аубекеровым Б.Ж., Сала Р., Деомом Ж.-М., Ерофеевой И.В.).

5. Prehistorical and Historical Stages of development of Lake Balkhash // Reconceptualizing Cultural and Environmental Change in Central Asia. 2010. P. 49–76 (co-authors: AubekeroV B.Z., Sala R., Deom J.-M.).

6. О палинологических исследованиях лессовых отложений верхнего плейстоцена и голоцена предгорий Заилийского Алатау (Северный Тянь-Шань) // Вестник инженерной академии. 2010. № 1. С. 127–132.

7. Ecological Change in the Balkhash Region during the Last Two Millennia // Toward a Sustainable Society in Central Asia. 2012. P. 27–35 (co-authors: AubekeroV B.Z., Voyakin D.).

8. Quaternary Evolution of the Human Habitats in the Ili-Balkhash Region from Paleolithic to Modern Times // Toward a Sustainable Society in Central Asia. 2012. P. 49–59 (co-authors: AubekeroV B.Z., Sala R., Deom J.-M.).

9. Lake Level Change and Environmental Evolution during the Last 8000 Years Mainly based on Balkhash Lake Cores in Kazakhstan, Central Eurasia // Toward a Sustainable Society in Central Asia. 2012. P. 35–49 (co-authors: AubekeroV B.Z., Sala R., Endo K., Haraguchi T.).

10. Палинологическая характеристика нижнеюрских отложений Южного Торгая // Известия НАН РК. Сер. геол. и техн. наук. 2013. № 4. С. 3–15 (в соавторстве с Дильмухамедовой Н.Р., Петровой Т.А., Ахматшаевой И.Т.).

11. Методическое руководство по палинологическому изучению юрских отложений Южного Торгая и прилегающих территорий. Алматы: б/и, 2015. 78 с. (в соавторстве с Дильмухамедовой Н.Р., Петровой Т.А.).

12. Soviet, recent and planned studies of the behavior of the Balkhash lake // Известия НАН РК. Сер. геол. и техн. науки. 2016. № 2. С. 76–86 (co-authors: Sala R., Deom J.-M. et all.).

13. Характеристика руководящих палинокомплексов юрских отложений Южно-Торгайского нефтегазоносного региона // Известия НАН РК. Сер. геол. и техн. наук. 2016. № 1 (415). С. 5–18 (в соавторстве с Дильмухамедовой Н.Р., Петровой Т.А., Авуловым З.).

14. Горючие сланцы Южно-Торгайского нефтегазоносного бассейна // Известия НАН РК. Сер. геол. и техн. наук. 2017. № 6. С. 5–17 (в соавторстве с Поповым В.А., Оздоевым С.М., Кузнецовой Л.Л., Касымханкызы А.).

15. Юрское озеро Каратау: современное состояние уникального местонахождения ископаемой флоры и фауны // Известия НАН РК. Сер. геол. и техн. науки. 2017. № 3. С. 10–23 (в соавторстве с Косенко А.А., Джумановым С., Усиповой А.Б., Шермахан Б.).

16. Археологическое и палинологическое изучение курганов могильника Каспан-6 в Жетысу // Бейсенов А.З. (отв. ред.). Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение: сб. научн. ст., посвящ. 70-летию организации ЦКАЭ АН Казахстана. Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2017. Т. 2. С. 135–143 (в соавторстве с Джумабековой Г.С., Базарбаевой Г.А.).

17. Юрское озеро Каратау: современное состояние уникального местонахождения ископаемой флоры и фауны // Известия НАН РК. Сер. геол. и техн. науки. 2017. № 3. С. 10–23 (в соавторстве с Косенко А.А., Джумановым С., Усиповой А.Б., Шермахан Б.).

18. Reevaluation of Late Pleistocene loess profiles at Remizovka (Kazakhstan) indicates the significance of topography in evaluating terrestrial paleoclimate records // Quaternary Research. 2018. 89. P. 674–690 (co-authors: Tobias Sprafke, K.E. Fitzsimmons, Christoph Grützner, Austin Elliot, Laurent Marquerand).

19. The new data on biostratigraphy of the basic geological section of the continental Cenozoic deposits of Aktau mountains (South-East Kazakhstan, Pi basin) (Новые данные по биостратиграфии опорного разреза континентальных кайнозойских отложений гор Актау (Юго-Восточный Казахстан, Илийская впадина) // Известия НАН РК. Сер. Геология и техн. науки. 2018. № 5. С. 150–162 (co-authors: Bayshashov B.U., Zhamangara A.K., Lucas S.G., Bayadilov K.O., Kasymkhankyzy A.).

Сведения об авторе:

Жамангара Айжан Кашаганкызы – кандидат биологических наук, заместитель директора по науке, «Астанинский ботанический сад» – Филиал РГП на ПХВ «Институт ботаники и фитоинтродукции» Комитета лесного хозяйства и животного мира Министерства экологии, геологии и природных ресурсов РК (Нур-Султан, Казахстан); kashagankizi@mail.ru

ПАЛИНОЛОГТАР ӘУЛЕТІНІҢ САҚТАУШЫСЫ

А. Қ. Жаманғара

Ғалым палеонтолог, палинолог, геолог, геоархеолог Нигматова Саида Арапқызының мерейтойын атап өтеді. С. А. Нигматова ғажайып палинологтар әулетінің жалғастырушысы болып табылады. С. А. Нигматова палеоботаника, биостратиграфия және геоархеология ғылымдарына ауыз толтырып айтарлықтай үлесін қосты. Мақалада С. А. Нигматованың аспирантурадан бастап Қазақстандағы Қ. И. Сәтбаев атындағы Геологиялық ғылымдар институтының бірден-бір палинология зертханасын басқарушы танымал ғалым болып қалыптасуына дейінгі ғылыми жолы қысқаша

баяндалған. Сонымен қатар, мақалада С. А. Нигматованың археология ғылымына қосқан орасан зор үлесі туралы баяндалған. С. А. Нигматованың палинологиялық талдау негізінде алған тұжырымдары Қазақстан аумағындағы әртүрлі мәдени өсімдіктерінің қалыптасуының табиғи-климаттық жағдайының көрінісін өрістетуге мүмкіндік берді.

Түйін сөздер: Нигматова Саида Араповна, палинология, палеонтология, георхеология

PALYNOLOGISTS DYNASTY KEEPER

A. K. Zhamangara

Saida A. Nigmatova, paleontologist, palynologist, geologist, geoarchaeologist, celebrates her anniversary. Nigmatova S. A. is a successor to the amazing family dynasty of palynologists. Nigmatova S. A. made a significant contribution to paleobotany, biostratigraphy and geoarchaeology. The article summarizes scientific path of S. A. Nigmatova – from a graduate student to a famous scientist, who heads the only unique palynology laboratory at the K. I. Satpayev Institute of Geological Sciences in Kazakhstan. The article especially notes the significant contribution of S. A. Nigmatova to archaeological science. Conclusions obtained by S. A. Nigmatova on the basis of a palynological analysis made it possible to expand ideas about the natural and climatic conditions for the formation of different cultures in Kazakhstan.

Keywords: Nigmatova Saida A., palynology, paleontology, geoarchaeology

About the Author:

Zhamangara Aizhan K. Candidate of biological sciences, deputy director for science, “Astana Botanical Garden” – Branch of RSE at the “Institute of Botany and Phytointroduction” at the Committee for Forestry and Wildlife of the Ministry of Ecology, Geology and Natural Resources of the Republic of Kazakhstan, Nur-Sultan, Kazakhstan; kkashagankizi@mail.ru

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.

Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 30.04.2020.

**«ЖАРТАС БЕТІНДЕГІ МӘДЕНИЕТ: АҢЫЗ, ӨНЕР, ӘЛЕМ»
АТТЫ ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҒЫЛЫМИ СЕМИНАР ТУРАЛЫ****© 2020 ж. Б. Б. Бесетаев**

Халықаралық ғылыми семинар аясында жартас бетіндегі бейнелерді зерттеуге қатысты өзекті мәселелер мен қазіргі заманның жаңа әдістері талқыланды. Семинар жұмысына жақын және алыс шетелдерден келген ғылым мен мәдениет саласындағы жетекші ғалымдар қатысты. Халықаралық семинар «Жартас бетіндегі мәдениет: тарих іздері және бейнелер», «Жартас бетіндегі мәдениет: сюжеттер мен пиктограммалар» және «Жартас бетіндегі мәдениет: әлемдік тәжірибе және Әзербайжанның бүгінгі болмысы» атты тақырыптар аясында үш сессияда жүргізілді. Ғылыми семинар келесі күні өзінің жұмысын Гобустан ұлттық тарихи-шығармашылық археологиялық қорығында жалғасын тауып, қатысушылар петроглифтер музейі мен ежелгі бейнелеу өнерінің ескерткішімен танысты.

Түйін сөздер: археология, Халықаралық семинар, заманауи әдістер, жартас бетіндегі мәдениет, петроглифтер, Гобустан

ТМД гуманитарлық ынтымақтастық жөніндегі мемлекетаралық қоры және Әзербайжан Ұлттық ғылым академиясының ұйымдастыруымен 2019 жылдың 8–9 қараша аралығында Баку қаласындағы (Әзербайжан Республикасы) Ұлттық ғылыми академиясының кітапханасында «Жартас бетіндегі мәдениет: аңыз, өнер, әлем» атты халықаралық ғылыми семинар өтті. Ғылыми семинарға ежелгі тарих пен байырғы өнерді зерттейтін әлемдік деңгейдегі түрлі саладағы ғалымдар Қазақстан, Беларусь, Қырғызстан, Молдова, Ресей, Тәжікстан, Түркия және т.б. мемлекеттерден шақырылды. Кейінгі жылдардағы жаңа материалдармен, жартас бетіндегі суреттерді зерттеудегі жаңа технологиялармен танысу, алынған негізгі нәтижелерді талқыға салу, сонымен бірге түрлі сала ғалымдарының өзара байланысы ғылыми семинардың негізгі мақсаты болып табылады.

Ғылыми семинардың ашылуы Әзербайжан Ұлттық ғылым

академиясының президенті, академик Ремиз Мехтиеvтің кіріспе сөзімен басталды. Ол ғылыми семинардың өзектілігін, мақсаты мен міндеттерін айқындап, бүгінгі таңдағы ғылыми байналыстардың маңыздылығының жоғары екендігін ерекше атап өтті. Баяндама барысында алғашқы өркениеттердің қалыптасуы, ежелгі адамдардың қоныстануы, жартас бетіндегі өнер мен жазба-сызбаның қалыптасуы мен дамуы бүгінгі таңдағы әлемдік деңгейдегі өзектілігі жоғары мәселелері екендегін айтып кетті. Сонымен қоса, дәстүрге айналып келе жатқан ғылыми семинардың әр жылда әртүрлі ғылыми және мәдени тақырып айналасында өткізіліп, 2018 жылдың қарашасында Баку және Дубна қалаларында өткен «Физика және лирика» ғылыми семинарының негізгі нәтижелерін қорытындылап, сөз соңында ғылыми семинарға қатысушыларға сәттілік тіледі.

Келесі сөзді Әзербайжан ұлттық ғылым академиясының вице-президенті, Низами Гаяндже-

Рис. 1. Халықаралық ғылыми семинарға қатысушылар. Солдан оңға қарай: В.А. Кольченко, Д.В. Черемисин, Г.К. Омаров, Э.Р. Усманова, Р.С. Жұматаев, Р.К. Шарипов. Суреттің авторы: Б.А. Железняков

Fig. 1. Participants of the international scientific seminar. From left to right: V.A. Kolchenko, D.V. Cheremisin, G.K. Omarov, E.R. Usmanova, R.S. Zhumatayev, R.K. Sharipov. Photo by B.A. Zheleznyakov

ви атындағы Әдебиет институтының басшысы, академик Иса Габиббейли «Жартас бетіндегі мәдениет: аңыз бен шындық» атты баяндамасымен жалғастырды. Баяндамашы ғылыми тұрғыда түрлі этностардың қалыптасуы мен дамуын, тарихы мен мәдениетін, өмір сүру уақытын анықтайтын негізгі деректердің бірі ретінде жартас бетіне салынған бейнелер алғашқы қауымдық құрылыс қоғамындағы адамзаттың ойлау және есте сақтау білімінің көрсеткіші ретінде әлем ғалымдарының назарында екенін пайымдады. Әзербайжандағы жартас бетіндегі суреттер тұрғысында аңыздар мен шынайы арба, бұқа, ғұрыптық би, еңбек құралдарының бейнелеріне талдаулар жасай келе, аймақтағы отырықшы өркениеттің

жоғары дәрежеде дамығандығы жөнінде, сонымен қоса жартас суреттерін мерзімдеуде әр кезеңдерге тән қару-жарақ, құрал-сайман сияқты бұйымдар жақсы көрсеткіш бола алады. Міне осындай бейнелердің қатарында Гобустан ерекше орын алатындығын айтып өтті.

Иса Габиббейли петроглифтерді тек өнер ескерткіштері ғана емес, «адамзат тарихының дамуындағы керуен жол» деп бағалап, тарихи кезеңдерді байланыстыратын сабақтастық мәселесін зерттеудегі маңызына тоқталды.

Қорытындылай келе, аталмыш ғылыми семинардың өтіп жатқаны түрлі ғылыми байланыстар мен ойлардың алмасуы, сонымен бірге, жас зерттеушілердің жаңа бастамала-

рына жол ашатынын айқындап кетті.

Кезекті баяндама Тәжікстан ғылым академиясының вице-президенті, академик Кароматулло Олимовтың «Жартас бетіндегі мәдениеттегі фәлсафа және экзистенциялық аспектілер» атты баяндамасымен жалғасты. Баяндамада ғалым жартас бетіндегі бейнелерде экзистенциялық құндылықтармен қатар, алғашқы қауым адамдарының терең дүниетанымдық көзқарастарын аңғаруға болатындығын жан-жақты мысалдармен пайымдап өтті.

Пленарлық мәжілістің тағы бір баяндамашысы Ресей Федерациясы Кемеров мемлекеттік университетіне қарасты Тарих және халықаралық қатынастар институтының директоры, тарих ғылымдарының докторы, профессор Ольга Советованың «Минусинск ойпатындағы жартас өнеріндегі шынайы емес бейнелер» атты баяндамасын ерекше айтып өтуге болады. Жартастардағы петроглифтерге сараптама жасай отырып, кейбір арасында кездесетін фантастикалық бейнелер мен сюжеттерге тоқталды. Сонымен қатар, баяндама барысында қазіргі кездегі заманауи зертханаларда жүргізіліп жатқан жаңа әдістер жайлы баяндап берді. Өз сөзін қорытындылай келе, баяндамашы жартас бетіндегі бейнелердің зерттелуінің өзектілігін айқындап, Әзербайжан елінің аталмыш зерттеулерге көңіл бөліп жатқандығын жоғары бағалады.

Халықаралық ғылыми семинар өз жұмысын «Жартас бетіндегі мәдениет: тарих іздері және бейнелер»,

«Жартас бетіндегі мәдениет: сюжеттер мен пиктограммалар» және «Жартас бетіндегі мәдениет: әлемдік тәжірибе және Әзербайжанның бүгінгі болмысы» атты тақырыптар аясында үш сессияда жалғастырды.

Баяндамалардың ішінде А. М. Багировтың «Низами Гаянджеви шығармаларындағы тау, жартас және жартас суреттері», Д. В. Черемисиннің «Қола дәуірі кезеңіндегі Алтай петроглифтеріндегі қозғалыс бейнелері және Еуразиядағы миграция хақында», Н. Базылханның «Көне түркі таңбалары», Э. Р. Усманованың «Қола дәуірінің жерлеу ғұрпына байланысты бейнелер», Ғ. Қ. Омаров пен Б. Б. Бесетаевтың бірлескен «Шығыс Қазақстанның жартас бетіндегі бейнелерге байланысты жаңа материалдар», Р. С. Жұматаевтың «Петроглифтердегі жылқы бейнесі: интерпретациясы мен семантикасы», Б. А. Железняковтың «Жетісу өңіріндегі Қайшы петроглифтері» және т.б. баяндамалар мол мағлұмат алатындай ерекше қызықты болды.

Ғылыми семинар келесі күнгі өзінің жұмысын 2007 жылдан бастап Әлемдік мәдени мұра ЮНЕСКО-ның тізіміндегі ашық аспан астындағы Гобустан тарихи-шығармашылық археологиялық қорығында жалғастырды. Семинарға қатысушылар Гобустан жартастарында 6800-ден астам мезолит дәуірінен ерте ортағасырларға дейінгі үздіксіз кезеңдерді қамтитын петроглифтермен, сонымен бірге, тарихи ескерткішке кіре берістегі интерактивті музеймен танысты.

Автор туралы мәліметтер:

Бесетаев Бауыржан Берканұлы – Археология және этнология магистрі, аға оқытушы, Археология, этнология және музеология кафедрасы, әл-Фараби атындағы ҚазҰУ (Алматы қ., Қазақстан); besetaev86@mail.ru

**О МЕЖДУНАРОДНОМ НАУЧНОМ СЕМИНАРЕ
«НАСКАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА: МИФ, ХУДОЖЕСТВО, МИР»**

Б. Б. Бесетаев

В рамках международного семинара обсуждались актуальные проблемы и современные методы изучения наскальных изображений. В работе семинара приняли участие представители науки, культуры, ведущие ученые стран ближнего и дальнего зарубежья. Работа семинара была организована посекционно: «Наскальная культура: следы истории и рисунки», «Наскальная культура: сюжеты и пиктограммы» и «Наскальная культура: мировой опыт и реалии Азербайджана». Семинар продолжил свою работу 9 ноября в Гобустанском национальном историко-художественном археологическом заповеднике, где участники посетили музей петроглифов и ознакомились с древнейшим памятником изобразительного искусства.

Ключевые слова: археология, международный семинар, современные методы, наскальная культура, петроглифы, Гобустан

**ABOUT THE INTERNATIONAL SCIENTIFIC SEMINAR
“PETROGLYPHIC CULTURE: MYTH, ART, WORLD”**

B. B. Besetayev

Within the framework of the international seminar, topical problems and modern methods for studying rock paintings were discussed. The seminar was attended by representatives of science, culture, leading scientists from near and far abroad countries. The international scientific seminar was held in three parallel sessions covering the topics: “Petroglyphic culture: traces of history and drawings”, “Petroglyphic culture: stories and pictograms” and “Petroglyphic culture: world experience and realities of Azerbaijan”. The seminar continued its work on November, 9 in the Gobustan National Historical and Artistic Archaeological Reserve, where participants visited the museum of petroglyphs and got acquainted with the oldest monument of fine art.

Keywords: archaeology, International seminar, modern methods, rock carvings, petroglyphs, Gobustan

About the Author:

Besetayev Bauyrzhan B. Master of Archeology and Ethnology, Senior Lecturer, Department of Archeology, Ethnology and Museology, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan; besetaev86@mail.ru

ҚЫСҚАРТУЛАР ТІЗІМІ
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ – LIST OF ABBREVIATIONS

Абай ат. ҚазҰПУ –	Абай ат. Қазақ ұлттық педагогикалық университеті, Алматы қ.
АКИН –	Агентство по культурно-историческому наследию Республики Алтай, Горно-Алтайск
АлтГУ –	Алтайский государственный университет, Барнаул
АН КазССР –	Академия наук КазССР
АН СССР –	Академия наук СССР
БНЦ СО РАН –	Бурятский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук, Улан-Удэ
ГАИГИ –	Горно-Алтайский институт гуманитарных исследований
ГАИМК НКП –	Государственная академия истории материальной культуры Народного комиссариата просвещения
ГАНИИИЯЛ –	Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы
ГУЛАГ ОГПУ –	Главное управление лагерей Объединённого государственного политического управления
ЕТЛ –	Еңбекпен түзету лагері
ИА КН МОН РК –	Институт археологии им. А.Х. Маргулана Комитета науки МОН РК, Алматы
ИАЭт СО РАН –	Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, Новосибирск
ИГАИМК –	Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИГН им. К.И. Сатпаева –	Институт геологических наук им. К.И. Сатпаева, Алматы
ИИАЭ АН КазССР –	Институт истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова Академии наук КазССР
ИТЛ –	Исправительно-трудовой лагерь
КазГУ им. С.М. Кирова –	Казахский государственный университет им. С.М. Кирова
КазНИТУ им. К.И. Сатпаева –	Казахский национальный исследовательский технический университет им. К.И. Сатпаева, Алматы
КазНУ им. аль-Фараби –	Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы
ККРАЭ –	Казахско-Китайская Рахатская археологическая экспедиция
КНГУ –	Кыргызский национальный университет имени Жусупа Баласагына, Бишкек
КСИИМК –	Краткие сообщения Института истории материальной культуры, Москва, Ленинград
ЛГУ –	Ленинградский государственный университет

ҚЫСҚАРТУЛАР ТІЗІМІ – СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ – LIST OF ABBREVIATIONS

МАЭ –	Музей археологии и этнографии им. Петра I (Кунсткамера)
МГУ –	Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
МИА –	Материалы и исследования по археологии СССР, Москва, Ленинград
МММТА –	Мемлекеттік материалдық мәдениет тарихы академиясы
НА ИИМК РАН –	Научный архив Института истории материальной культуры Российской академии наук
НГУ –	Новосибирский государственный университет
НИЦИА «Бегазы-Тасмола» –	Научно-исследовательский центр истории и археологии «Бегазы-Тасмола», Алматы
о. –	отпечаток
ПИМК –	Памятники истории материальной культуры
РА –	Российская археология, Москва
РАИМК –	Российская академия истории материальной культуры
РАН –	Российская Академия наук
РГПИ «НИПИ ПМК» –	Республиканское государственное предприятие «Научно-исследовательский проектный институт памятников материальной культуры», Алматы
РО –	Рукописный отдел
СА –	Советская археология, Москва
САИ КарГУ им. Е.А. Букетова –	Сарыаркинский археологический институт при Карагандинском государственном университете им. Е.А. Букетова
САИ –	Свод археологических источников, Москва, Москва-Ленинград
САИПИ –	Сибирская ассоциация исследователей первобытного искусства, Кемерово
СГЭ –	Сообщения Государственного Эрмитажа, Ленинград, Санкт-Петербург
СО РАН –	Сибирское отделение Российской академии наук
СПбГУ –	Санкт-Петербургский государственный университет
СПбФ АРАН –	Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук
СЭ –	Советская этнография, Москва
ТиПАИ –	Теория и практика археологических исследований, Барнаул
ФНИ ГАН РФ –	Фундаментальные научные исследования государственных академий наук Российской Федерации
ЦКАЭ –	Центрально-Казахстанская археологическая экспедиция
JAS –	Journal of Archaeological Science
КСРАЕ –	Kazakh-Chinese Rakhata archaeological expedition

**АВТОРЛАРҒА АРНАЛҒАН ЕРЕЖЕЛЕР –
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ – SUBMISSIONS**

Авторлар үшін мақалаларды беруге, оларды қарау тәртібіне, рецензиялауға, материалдарды рәсімдеу бойынша нұсқаулықтар мен ұсынымдарға, автор мен баспагердің өзара қарым-қатынасын реттейтін сұрақтарға қатысты барлық мәліметтер журналдың сайтында көрсетілген: archeokz.com

Ресімделуі көрсетілген талаптарға сәйкес келмейтін қолжазбаларды редакциялық алқа қарастырмайды!

Осы Ережелер журналда және журналдың сайтында жарияланған сәттен бастап күшіне енеді.

Все сведения для авторов, касающиеся подачи статей, порядка их рассмотрения, рецензирования, инструкций и рекомендаций по оформлению материалов, вопросов регулирующих взаимоотношения автора и издателя представлены на сайте журнала по адресу: archeokz.com

Рукописи, оформление которых не соответствует указанным требованиям, редакционной коллегией не рассматриваются!

Настоящие правила вступают в действие с момента опубликования в журнале и на сайте журнала.

All information for authors regarding the submission of articles, the procedure for their consideration, review, instructions and recommendations for the design of materials, issues governing the relationship between the author and publisher are presented on the journal's website at: archeokz.com

Manuscripts whose design does not meet the specified requirements are not considered by the editorial board!

These rules come into force from the moment of publication in the journal and on the website of the journal.

Мұқабаның рәсімделуінде керамикадағы мөр бедерінің бейнесі қолданылды. Табылған зат Б.Ә. Байтанаевтың басшылығымен ортағасырлық Сайрамда жүргізілген қазба жұмыстарынан алынған. Суретті Ж. Жанабаев, С. Садықов салды.

В оформлении обложки использовано изображение оттиска штампа на керамике. Находка происходит из раскопок, проводившихся под руководством Б.А. Байтанаева на средневековом Сайраме. Рисунок выполнен Д. Джанабаевым, С. Садықовым.

In the design of the cover, the image of the imprint of the stamp on ceramics is used. The find comes from excavations conducted under the direction of B.A. Baitanayev on medieval Sayram. The drawing was made by J. Janabayev, S. Sadykov.

Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының эмблемасын М.А. Антонов дайындады
Эмблема Института археологии им. А.Х. Маргулана разработана М.А. Антоновым
Emblem of the A.Kh. Margulan Archeology Institute developed by M.A. Antonov.

Журнал 2018 жылдың 26 сәуірінен бастап шығады. ҚР Байланыс және ақпарат министрлігінің Ақпараттар мен архивтер комитетінің мерзімді баспасөз басылымын және (немесе) ақпараттық агенттікті есепке қою туралы 2011 жылғы 14 қарашадағы № 12108-Ж куәлігі берілген

Журнал основан 26 апреля 2018 г. Свидетельство о постановке на учет периодического печатного издания и (или) информационного агентства № 12108-Ж от 14 ноября 2011 г. выдано Комитетом информации и архивов Министерства связи и информации РК

The journal was founded on April 26, 2018. Certificate of registration of periodical print publication and (or) information agency № 12108-Ж dated November 14, 2011 was issued by the Committee of Information and Archives of the Ministry of Communications and Information of the Republic of Kazakhstan

Түпнұсқа макет Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтында дайындалады.
050010 Алматы қаласы, Достық даңғылы, 44
Баспаға 11.06.2020 жылы қол қойылды. Пішім 70×108 1/16
Шартты б.т. 13,33. Times New Roman Гарнитурасы. Таралымы 200 дана.

Оригинал-макет подготовлен в Институте археологии им. А.Х. Маргулана
050010 г. Алматы, пр. Достык, 44
Подписано в печать 11.06.2020. Формат 70×108 1/16
Усл. п. л. 13,33. Гарнитура Times New Roman. Тираж 200 экз.

Original layout prepared at the A.Kh. Margulan Archeology Institute
050010 Almaty, Dostyk Ave., 44
Signed to print 11.06.2020. Format 70 × 108 1/16
Printed sheet 13,33. Times New Roman headset. Circulation 200 copies.

"Хикари" баспаханасында басылған
Отпечатано в типографии «Хикари»
Printed in the printing house "Hikari" hikari.kz24.online